

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
имени П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Г О
И Н С Т И Т У Т А
У П Р А В Л Е Н И Я

Научный журнал

№ 3 (48)
2015

Саратов

Научный журнал

Учредитель
***Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации***

Главный редактор – ***В.Л. Чепляев***
Зам. главного редактора – ***О.Н. Фомин***
Ответственный секретарь – ***Д.В. Акаев***

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук;
В.В. Герасимова, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук;
О.А. Лиценбергер, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук;
Е.Ю. Сидорова, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук;
О.И. Цыбулевская, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук;
Э.В. Чекмарев, д-р полит. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжского института управления» ПИ № ФС 77 – 61170 от 30 марта 2015 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 – 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2015

№ 3 (48)
2015

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION INSTITUTE
OF A D M I N I S T R A T I O N

Science journal

Founder:
***The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: ***V.L. Chepliaev***
Deputy editor-in-chief: ***O.N. Fomin***
Executive secretary: ***D.V. Akaev***

Editorial board:
V.N. Gasilin, Doctor of Science (Philosophy);
V.V. Gerasimova, Doctor of Sciences (Economics);
V.M. Dolgov, Doctor of Science (History);
E.G. Lipatov, Doctor of Science (Law);
O.A. Litsenberger, Doctor of Sciences (History);
A.V. Ryazanov, Doctor of Sciences (Philosophy);
E.Yu. Sidorova, Doctor of Science (Economics);
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sciences (Sociology);
O.I. Tsybulevskaya, Doctor of Sciences (Law);
S.E. Channov, Doctor of Science (Law);
E.V. Chekmarev, Doctor of Science (Politology);
T.I. Chernyaeva, Doctor of Sciences (Sociology)

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2015

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

V.V. Gerasimova, N.V. Manokhina
Institutional Traps
of Social Development
at the Present Stage,
Due to Corrupt Relationships

Ineffective stable precepts and regulations reducing in a variety of formal and informal norms of action among various actors, that have a self-sustainable nature are studied. The direct conditionality of institutional traps in conditions of corrupt relationships in different countries including Russia, caused by the paradoxes of the informal economy, is revealed. The contents of institutional traps and their specificity are disclosed.

Key words and word-combinations: corruption, the informal economy, patrimonial bureaucracy, institutional traps.

Исследуются неэффективные стабильные установки, правила, редуцирующиеся в различные формальные и неформальные нормы действий различных субъектов, имеющие самоподдерживающий характер. Выявлена непосредственная причина институциональных ловушек в условиях коррупционных взаимосвязей в различных странах, в том числе и в России, обусловленных парадоксами неформальной экономики. Раскрыты содержание институциональных ловушек и их специфика.

Ключевые слова и словосочетания: коррупция, неформальная экономика, патримониальная бюрократия, институциональные ловушки.

УДК 354:330.341.42
ББК 66.3(0),123+65.20

В.В. Герасимова,
Н.В. Манохина

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ КОРРУПЦИОННЫМИ ВЗАИМОСВЯЗЯМИ

Коррупция стала данностью фактически во всех странах, она известна давно, воспринимается как негативное общественное явление, порождающее макроэкономические диспропорции и стагнирующие тенденции. Однако при всем многообразии имеющихся научных подходов в исследовании феномена коррупции проблема формирования и воспроизводства институциональных ловушек коррупционных взаимосвязей в России, в значительной степени усложняющих борьбу с коррупцией на всех уровнях, до сих пор не ставилась и соответственно не рассматривалась как отдель-

ный объект научного анализа. Это и побудило авторов к написанию данной статьи.

Рассмотрение проблемы институциональных ловушек предполагает конкретизацию исходного понятия «институциональные ловушки». Данный термин был привнесен в мировую экономическую науку Р. Познером [1], а в российской экономической науке он ассоциируется с В. Полтеровичем [2].

Под институциональными ловушками принято понимать формирование неэффективных, но стабильных норм или институтов. В формировании институциональных ловушек ответственны эффекты координации, эффекты обучения, эффекты сопряжения и культурной инерции. Наиболее распространенными институциональными ловушками в переходных условиях к рынку считались рост бартера, неплатежи теневой экономики, коррупция. Последнее не теряет своей актуальности и до настоящего времени. Таким образом, сама коррупция является огромной институциональной ловушкой, проецирующейся и на организационный механизм ее противодействия. Это следует учитывать при разработке системы мер антикоррупционной политики.

Предваряя собственное исследование данной проблемы, авторы полагают необходимым обратиться к рассмотрению парадоксов неформальной экономики А. Портеса [3], имеющих непосредственное отношение к предмету анализа – институциональным ловушкам коррупционных взаимосвязей в России.

Первый парадокс неформальной экономики заключается в том, что чем ближе она к модели подлинного рынка, тем больше эффективность ее функционирования зависит от социальных связей. Динамика хозяйственного действия, по М. Грановеттеру называемая «проблемой укорененности», нигде не проявляется так отчетливо, как в транзакциях, в которых единственным средством против мошенничества является взаимное доверие, основанное на общей принадлежности к группе. В ситуации неформального обмена доверие порождается как общей идентичностью и схожими установками, так и предположением, что жульничество будет наказано путем исключения нарушителя из его ключевых социальных сетей. В зависимости от того, сколь активно экономические ресурсы передаются через такие сети, социальное наказание путем исключения из сетей может оказаться более серьезным и, следовательно, более эффективным, чем все прочие виды санкций.

Второй парадокс неформальной экономики состоит в том, что попытки государства избавиться от нее путем насаждения правил и контроля создают еще более благоприятные условия для возникновения неформальных видов деятельности.

Третий парадокс неформальной экономики заключается в том, что чем более надежным аппаратом контроля за соблюдением правил располагает государство, тем более велика вероятность того, что этот аппарат не сможет зафиксировать истинные масштабы неформальных видов деятельности и тем слабее будет основа для построения соответствующей государственной политики.

Поскольку коррупционные взаимосвязи составляют основу такого сегмента неформальной экономики, как теневая (нелегальная) экономика, то выделенные парадоксы ее функционирования проецируются на институциональные ловушки, определяя их содержание и специфику.

Раскроем суть институциональных ловушек, присущих коррупционным взаимосвязям в России.

Институциональная ловушка № 1. Существуют институты, поддерживающие коррупцию и оказывающие непосредственное влияние с синергетическим эффектом на реализацию механизма противодействия коррупции. Рассмотрим это на примере взаимосвязи бюрократии и коррупции. Как отмечал М. Вебер, существуют три типа бюрократии соответственно трем идеальным типам государственного управления – бюрократия традиционная, патримониальная и рациональная. Традиционная бюрократия свойственна патриархальному управлению, где один индивид осуществляет господство, власть передается по праву наследования, подчинение господину происходит в силу традиции. Рациональная бюрократия рассматривается М. Вебером как некая идеальная модель организационной структуры, к которой следует стремиться при создании организационной структуры в организациях самого разного профиля и вида деятельности. Основные характеристики рациональной бюрократии включают четкое разделение труда, приводящее к появлению высококвалифицированных специалистов на всех участках деятельности организации; наличие иерархических уровней управления с четкой системой подчинения и контроля нижестоящего уровня вышестоящим; систему общепринятых формальных правил и стандартов, согласованных друг с другом и обеспечивающих однородность задач, обязанностей и координацию действий сотрудников при решении различных задач; независимость должностных обязанностей от исполняющих их лиц, иными словами – обезличенность выполнения обязанностей должностными лицами; прием на работу сотрудников, соответствующих предъявляемым к ним квалификационным требованиям и увольнение их в первую очередь по причинам должностного несоответствия либо по другим объективным причинам.

Патримониальная бюрократия присуща патримониальному управлению, где возникают определенные взаимные обязательства господина и его подданных, эти обязательства регулируются сложившимися обычаями. М. Вебер характеризовал типы управления в нашей стране – и царский начала XX в., и советский (после 1917 г.) – как патримониальные.

Выделим особенности патримониальной бюрократии (по М. Веберу):

в патримониальном управлении должностное лицо рассматривает свои полномочия как личную привилегию, полученную от господина;

чиновник подчиняется традиции, но традиция не определяет его поведение во всех возможных ситуациях, и если его действия не являются обязательными по традиции, то он самостоятельно определяет, совершать их или нет, а такие решения нередко принимаются в расчете на вознаграждение;

поэтому должностные лица в патримониальном управлении служат как лично своему господину, так и своим интересам, но они не служат общественным интересам, не реализуют безличные цели;

укореняется «личный характер отношений власти», так как чиновник предан своему господину на основе личного отношения к нему.

Патримониализм российской системы государственного управления и соответственно порождаемая им патримониальная бюрократия значительно препятствуют формированию в нашей стране правового политического пространства, где взаимодействие органов власти и граждан, решение различных соци-

альных проблем подчинено универсальным нормам права и закона. В действительности любые взаимодействия, формальные отношения бизнеса, граждан с органами власти не отделены жестко от неформальных отношений, более того, они могут взаимно переходить друг в друга. Для реализации своих привилегий чиновники во взаимодействиях с гражданами постоянно требуют вознаграждений за услуги, что есть коррупция. Патримониализм государства в России сохраняет, поддерживает неотделенность власти от собственности, сохраняет их статус-кво. Разделение власти в России на власть, отправляемую как суверенитет, и власть, отправляемую как собственность, проходило в течение многих предшествовавших столетий, но значительно медленнее, чем в западных странах, и в настоящий период еще не может считаться завершенным. Реально собственностью владеют узкие группы бюрократии, что видно по рейдерству, банкротствам успешных бизнесов, вынуждению бизнесов финансировать государственные и муниципальные проекты и т.п. Наличие данной институциональной ловушки определяет спектр тех институтов, на совместное преодоление, разрушение и последующее упразднение которых (коррупция, бюрократия) должен быть направлен рассматриваемый организационный механизм.

Институциональная ловушка № 2. Отказы от взяток как одной из наиболее распространенной формы коррупции впоследствии провоцируют девиантное, неправомерное поведение субъектов. Согласно материалам Фонда ИНДЕМ взяточничество как социальная норма широко распространено и постоянно воспроизводится в современных условиях [4]. Чаще дают взятки в коррупционных ситуациях образованные и обеспеченные субъекты, а также те, которые достаточно часто взаимодействуют с отдельными представителями органов власти и соответственно осведомлены, как в них решаются разнообразные проблемы. Практика показывает, что граждане готовы отказываться от дачи взяток при обращении в суд и в милицию. Такое поведение нередко приводит к тяжелым последствиям для них: они нередко вынуждены сами, без правоохранительных органов и судов, обеспечивать свою безопасность, что ведет в отдельных случаях к отказу от правового поведения.

Институциональная ловушка № 3. На словах все субъекты – против коррупции, но используют ее в коррупционных ситуациях, при этом субъекты-взяткодатели снимают с себя ответственность за коррупционные действия и обвиняют в них других субъектов – взяткополучателей: чиновников, бизнесменов. Культурные нормы рационализации коррупции и взяточничества, как правило, определяются не гражданами, а внешними по отношению к ним социальными субъектами, в том числе чиновниками, органами власти. Российские граждане не могут в подавляющем большинстве менять эти культурные нормы и ценности, а потому подчиняются им. Это явный признак того, что взяточничество стало распространенной социальной нормой и обеспечивает институциональное равновесие, когда никто не заинтересован в смене существующих правил игры и всячески поддерживают их.

Институциональная ловушка № 4. Коррупция – способ обеспечения, иногда даже единственный, взаимодействия между различными сторонами – бизнесом и государственными структурами, индивидами и чиновниками. Это касается самых разнообразных аспектов экономической деятельности на различных

уровнях хозяйствования (заключение госконтрактов на выполнение работ и услуг, получение преференций и другие).

В нашей стране есть специальные институты, осуществляющие контроль формирования и исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов, контроль использования средств федерального бюджета, выделенных на реализацию приоритетных национальных проектов и государственных программ развития различных отраслей национального хозяйства. Например, Счетная палата. Результаты проверок Счетной палаты в 2012 г. показали, что существующая нормативно-правовая база не позволяет в полной мере производить достоверную оценку имущества при проведении процедур банкротства, что дает возможность оценивать государственное имущество по стоимости, существенно отличающейся от рыночной. Анализ проблем правового регулирования в сфере несостоятельности (банкротства) и участия в нем органов государственной власти (Минэкономразвития России, Росреестра, ФНС России, Росимущества) и хозяйствующих субъектов, проведенный по материалам проверок Счетной палаты за 2010–2011 гг., показал, что сфера несостоятельности (банкротства) юридических лиц – одна из самых администрируемых и одновременно неурегулированных в российской экономике [4]. В результате заниженной оценки государственного имущества и неправомерных действий арбитражных управляющих Российская Федерация безвозвратно утратила значительную долю находящегося в ее собственности имущества. Так, по данным проверок Счетной палаты, ущерб Российской Федерации составил более 1,6 млрд рублей. По результатам антикоррупционной экспертизы Федерального закона № 94-ФЗ Генеральной прокуратуры РФ выявлено более двадцати коррупционных факторов и пробелов.

Институциональная ловушка № 5. Коррупция приносит постоянный и огромный незаконный доход, который благодаря коррупционным взаимосвязям становится пролонгированным, оптимально рискованным и безальтернативным. Отказ от него в рамках сложившихся коррупционных схем связан со значительными транзакционными издержками и низкими вмененными издержками (издержками упущенных возможностей). Именно эта финансовая составляющая коррупционных взаимосвязей делает их устойчивыми и самоподдерживаемыми. Цель коррупции во всех формах ее проявления – извлечение и присвоение полученной ренты. Институт бюрократии в различных странах, в том числе в России, в значительной степени порождающий и поддерживающий коррупцию, нацеленный на получение постоянной ренты от использования собственности, фактически участвует в воспроизводстве коррупции. Коррупционная рента столь велика и так сравнительно легко достается, что об отказе от нее не идет даже речи во всех структурах, присваивающих ренту. Солидарны с В. Римским, настаивающем фактически на отказе от системы рентных отношений в условиях коррупционных взаимосвязей [5].

Институциональная ловушка № 6. Существующие в обществе социальные институты и социальная среда независимо от приоритетов и желаний субъектов способствуют их коррупционным взаимодействиям, то есть порождают коррупцию, называемую институциональной. *Социальный институт* (social institution) представляет собой совокупность норм, правил, предписаний, установок и требований, которые связаны с конкретной организационной струк-

турой и посредством которых общество регулирует деятельность субъектов в различных сферах общественной жизни. Это исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной деятельности и взаимодействий субъектов. Институты не всегда осознаются индивидами, но они призваны регулировать действия индивидов. Для обеспечения реализации социального института в обществе создаются и функционируют определенные социальные организации, прежде всего органы власти. *Социальная среда* (social environment) – это совокупность экономических, социокультурных, правовых, политических и нравственных условий деятельности и жизнеобеспечения субъектов, а также норм взаимодействий их между собой, их поведенческие стереотипы и т.п.

Институциональная коррупция. В. Римский считает, что институциональная коррупция появляется тогда, когда действующие социальные институты и социальная среда определяют совершение индивидами коррупционных действий во многом независимо от их приоритетов и желаний [5]. В результате к совершению коррупционных действий индивидами приводит воздействие на существующие социальные институты и определяемые ими социальные нормы, а не корыстные или иные интересы самих индивидов. Такая коррупция очень опасна и является массовой, потому что она не всегда оценивается самими гражданами и должностными лицами как коррупция. Такие действия становятся обыденными, выполняемыми по привычке, а сами социальные институты не всегда выявляются. Поэтому при сохранении индивидуальной ответственности за совершение коррупционных действий необходимо выявлять такие социальные институты, которые способствуют массовому совершению коррупционных действий, и своевременно заменять их некоррупционными.

Рассмотрим основные признаки институциональной коррупции. Во-первых, это любые действия, нарушающие нормальное развитие, нормативное регулирование определенной отрасли, сектора, региона, страны, в основе которых лежит использование публичных возможностей в целях реализации личных или корпоративных интересов в ущерб общественным интересам (как материальным, так и нематериальным). Во-вторых, это извлечение выгоды любыми способами и методами в любых условиях в корыстных целях – из социального статуса субъекта, то есть его статуса в системе государственной власти, в частном бизнесе, в некоммерческой или общественной сфере. В-третьих, это любые действия субъектов, способствующие деформации и дисфункции органов государственной власти, системы государственного управления, проявляющиеся в разрушении процедур функционирования власти в общественных и государственных интересах и использовании ее в интересах личных, корпоративных или в интересах очень узких социальных групп. В-четвертых, формирование и интенсивное развитие коррупционных сетей на различных уровнях – федеральном, региональном и муниципальном. Деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании неформальных и нелегальных взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления в одном ведомстве или иной структуре, а также по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и иными структурами. Эти взаимосвязи и взаимозависимости используются для систематического совершения коррупционных сделок, как правило, с целью личного обогащения, распределения бюджетных средств в пользу структур, входящих в коррупционную

сеть, повышения ее нелегальных доходов или для получения конкурентных преимуществ финансово-кредитными и коммерческими структурами, входящими в коррупционную сеть, с целью последующего получения таких доходов. В-пятых, нарастающая опасность коррупционных сетей. Сети должностных лиц, связанных взаимными обязательствами, существовали и существуют во все времена и во всех странах. Особенность текущего периода развития общества состоит в том, что через эти коррупционные сети, а не через нормативные контрактные отношения между властью и бизнесом, проходит значительная доля валового национального продукта. В-шестых, получение высокой коррупционной ренты. Реальные доходы чиновников российского государственного аппарата значительно превышают легальные. Более того, судя по уровню легальных доходов высокопоставленных российских чиновников, их теневые доходы, получаемые от коррупционных сетей, стали основной частью их реально располагаемых доходов. Даже относительно честные чиновники, не берущие взяток ни за какие услуги, через коррупционные сети получают также значительные доли своих доходов, в результате они не могут противостоять коррупционным сетям.

Институциональная ловушка № 7. Коррупция в современном обществе в различных странах – социальная норма и составная часть практик. Это выражается в следующем:

- коррупция как норма присуща и фактически используется всеми субъектами, независимо от их социально-экономического статуса, принадлежности к той или иной социальной группе и места жительства. Коррупция становится универсальной нормой взаимоотношений субъектов в различных сферах их деятельности;
- действия, совершаемые для решений тех или иных проблем и являющиеся по сути своей коррупционными, в действительности субъектами не всегда осознаются, но в то же время коррупционным правилам субъекты подчиняются.

Институциональная ловушка № 8. Неэффективность бюрократической борьбы с коррупцией заключается в том, что структуры, которые борются с коррупцией, на самом деле также подвержены ей. Бюрократия не способна предложить обществу реальные решения стратегических проблем. Коррупционные проявления полностью невозможно исключить никогда, но это не может быть оправданием неэффективности противодействия ей. Ситуация может быть описана как во многом аналогичная борьбе с преступностью: полностью ее изжить невозможно, но необходимо изменить ситуацию в обществе таким образом, чтобы снизить уровень коррупции настолько, чтобы она не воспринималась как проблема, препятствующая развитию общества [6].

Итак, формирование и функционирование коррупционных взаимосвязей в обществе объективно сопровождается институциональными ловушками, одни из которых связаны с парадоксами неформальной экономики и воспроизводятся в рамках данного механизма, другие возникают в силу особой природы коррупционных взаимосвязей – их скрытого характера, самоподдерживающегося воспроизводства, высокого потенциала саморегуляции, всепроницаемости – и являются их имманентным признаком. Представление об институциональных ловушках коррупционных взаимосвязей позволяет расширить гносеологические и онтологические аспекты их исследования и более точно идентифицировать меры борьбы с ними.

Библиографический список

1. Познер П. Экономический анализ права: в 2 т. / пер с англ. под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб., 2004.
2. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М., 1999.
3. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. 2003. Т. 4, № 5. С. 34–53.
4. Римский В. Коррупция как социальная норма в российском обществе. Представление проблемы в СМИ / Фонд ИНДЕМ; Фонд развития информационной политики; VII Всероссийская конференция «Информационное партнерство: Власть – Общество – СМИ», Москва, 22 мая 2011 г. URL: rpp.nashaucreba.ru
5. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2012 г., раздел 5. URL: http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/report-2012-5-tree_files-fl-662.pdf
6. Герасимова В.В., Абубакиров Р.М. Принципал-агентский и технократический подходы к регулированию антикоррупционной деятельности в России // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46).

G.M. Ivashchenko
Social and Managerial Nature
of the Topical Strategic Planning
in the Russian Federation
and the Republic
of Bashkortostan

The article is devoted to the social and managerial nature of the topical strategic planning in the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan. The special attention is paid to a number of objective conditions determining features of strategic planning development at the present stage.

Key words and word-combinations: strategic planning, social management, social and managerial nature of strategic planning.

Исследуется социально-управленческая природа стратегического планирования в Российской Федерации и в Республике Башкортостан. Особое внимание уделяется ряду объективных условий, детерминирующих особенности развития стратегического планирования на современном этапе.

Ключевые слова и словосочетания: стратегическое планирование, социальное управление, социально-управленческая природа стратегического планирования.

УДК 332.1:338.26/.27(470+571)
ББК65.04+65.054.1(2Рос)

Г.М. Иващенко

**СОЦИАЛЬНО-
УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРИРОДА
АКТУАЛЬНОГО
СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И В РЕСПУБЛИКЕ
БАШКОРТОСТАН¹**

Стратегическое планирование объективно выступает особой компонентой социального управления и реализуется во всех областях социально-управленческой структуры России. К его актуальным формам относятся концепции, стратегии, целевые программы социального развития. Принятие Правительством России и правительствами субъектов РФ в последние годы значительного количе-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 15-13-02008.

ства социальных планов, целевых программ и сопровождающих их нормативно-правовых актов подчеркивает острый интерес государства к данной сфере социального управления, возрастающую потребность в ней и объективно расширяет возможности обновления теории и практики планирования. Убыстряющийся рост реализуемых в России отношений планирования мозаичен. Противоречивость используемых при этом экономических и социальных принципов научных теорий и практического опыта приводит зачастую к потере планированием социальной фундаментальности и качества исполнения, а вместе с тем к снижению уровня социальной эффективности и качества стратегического управления в целом. Это актуализирует вопросы его упорядочения, приведения в равновесное состояние, снижения уровня конфликтов интересов между участниками.

Изучение природы стратегического планирования во взаимосвязи с социальным управлением дает возможность обратить особое внимание на его социальные и управленческие свойства, с тем чтобы приблизиться к решению центральной задачи – поиска расхождений между объективной полезностью и субъективно достижимыми результатами планирования и управления и устранения выявленных расхождений.

Теоретическая ценность исследования социально-управленческой природы актуального стратегического планирования определяется продвижением к формированию качественно нового вектора дальнейшего развития теории и методологии исследования управленческих проблем социального планирования. Научная новизна состоит в получении ряда выводов о сущности и содержании природы актуального стратегического планирования, специфики его взаимосвязи с социальным управлением. Прикладная ценность исследования заключена в конкретизации части представлений о приоритетных формах, состоянии и направлениях развития стратегического планирования в России, и в Республике Башкортостан в частности.

В определении характеристик социально-управленческой природы современного стратегического планирования следует прежде всего опираться на его тесную взаимосвязь с социальным управлением. В многообразии подходов к социальному управлению особое внимание обращает на себя его интегрированное энциклопедическое объяснение в социологическом словаре под редакцией академика РАН Г.В. Осипова. Социальное управление представлено как «целенаправленная деятельность на общественные преобразования, функция которой заключается в формировании критериев и показателей социального развития объекта, выделении возникающих в нем социальных проблем, разработке и применении методов их решения, в достижении планируемых состояний и параметров социальных отношений и процессов» [1, с. 380]. В этом фундаментальном и широко известном определении изначально прослеживается единство социального управления и планирования; их взаимосвязанность соответственно как целого и части. Углубленное исследование явлений, соответствующих данным категориям, позволяет отметить следующие факты.

Содержание современного социального управления сформировалось в ходе

социально-исторического развития общества. Многочисленные исследования истории социального управления отечественными учеными, среди которых назовем хотя бы некоторых: Д.Н. Бобрышева, Ф.М. Волкова, Д.М. Гвишиани, В.И. Маршева, В.П. Малахова, С.П. Семенцова [2–4], позволили сделать вывод о том, что его ключевые формы последовательно претерпевали качественные изменения в соответствии с меняющимися социальными условиями и потребностями. Вместе с тем к настоящему моменту фундаментальные характеристики базовых форм социального управления сохранились. В актуальной реальности социальное управление представлено совокупностью основных видов, к числу которых относятся, например, государственное, территориальное, муниципальное, а также управление персоналом.

Одновременно с социальным управлением исторически развивалось и социальное планирование. В современной динамической системе социального управления планирование характеризуется совокупностью значений. С одной стороны, планирование – это одна из центральных функций, которая используется для упорядочивания управленческого решения и процесса во времени и в пространстве их реализации. С другой – оно имеет значение одной из многообразных форм самостоятельных управленческих процессов, так как при его реализации оказываются задействованы все базовые функции управленческого цикла. Находясь в неразрывной целостности с социальным управлением, будучи используемым с целью удовлетворения социальных потребностей, планирование принимает социальный характер и значение. В наиболее общем объяснении социальное планирование представляет собой «научно обоснованное определение целей, показателей, заданий (сроков, темпов, пропорций) развития социальных процессов и основных средств их претворения в жизнь» [5, с. 379]. В соответствии с таким объяснением планирование – это и есть собственно процесс формирования совокупности перечисленных элементарных управленческих компонент. В зависимости от принятых решений о сроках развития социальных объектов планирование принимает значение краткосрочного (до одного года), среднесрочного (до пяти лет), долгосрочного (стратегического) – до двадцати и более лет.

Среди ключевых форм научного управления обществом исследователи наряду с социальным планированием часто называют социальное программирование и проектирование. Социальное программирование нацелено на решение проблем, наиболее актуальных для общества, социальных организаций и институтов. В интерпретации Ж.Т. Тощенко «социальное программирование – это целенаправленный, научно обоснованный процесс планового решения назревших (актуальных) и злободневных проблем посредством присущих ему специфических целевых, программно-целевых и проблемно-целевых средств и методов» [6, с. 551–552]. Сравнение определений планирования и программирования дает возможность определить форму их соотношения. Планирование представляется базовым, фундаментальным процессом целевого программирования, а программа – целостной совокупностью разделов, каждый из которых имеет форму плана. Тем самым программа – это комплекс планов.

Таким образом, стратегическое планирование находится в объективной зависимости с социальным управлением и его особыми формами: программированием и проектированием. Для всех форм управления оно имеет значение фундамента и опосредуется в социальных программах и проектах.

Учитывая содержание взаимосвязи между социальным управлением, социальным планированием и социальным программированием, сформулируем понятие социально-управленческой природы стратегического планирования. В ее определении следует учитывать три обстоятельства. Первое обстоятельство: в наиболее общем виде под природой понимается совокупность природных и социальных качеств вещи. Понятие «природа» применяется в тех случаях, когда требуется отразить значительно большее количество свойств и связей вещи, чем только самые существенные, лежащие в основе ее природы и попадающие под определение «сущности». На социологическом уровне под природой подразумевается совокупность естественных и исторических условий существования человека и общества. Естественные условия составляют первичную природу; материальные, созданные человеком в процессе его адаптации к естественным условиям, – вторичную. Очевидно, что совокупность условий, объединяемых в понятие «природа», одинаково полно распространяется как на одного индивида, так и на их всевозможные социальные образования и процессы взаимодействий. Это позволяет искать элементы природы управления в общем пространстве социальной природы и одновременно – в особой области связанных с ней отношений – управленческих [7, с. 163]. Второе обстоятельство состоит в том, что под управлением в данном исследовании подразумеваются социальные процессы особого рода – управленческие взаимодействия. Третье обстоятельство: системы личностей субъектов управленческих взаимодействий характеризуются наделенностью управленческими свойствами.

Перечисленные обстоятельства позволяют природу управления определять как совокупность условий, в которых формируются и реализуются многообразные управленческие взаимодействия между субъектами, занимающими разные позиции в иерархической системе управления (управляющими, управляемыми, теми и другими одновременно). При этом природу управления справедливо относить к любым социальным субъектам – отдельным индивидам, их группам, организациям, обществу в целом и к различным формам управления, например к стратегическому планированию. Отсюда следует, что природа стратегического планирования выступает составной частью природы социального управления, то есть имеет социально-управленческий характер.

Целостная природа актуального стратегического планирования – это совокупность специфических условий, в которых разрабатываются и реализуются решения в форме стратегического планирования; собственно процессы планирования, а также взаимодействия между их субъектами. Из всех объективных условий, наиболее сильно влияющих на развитие актуального стратегического планирования, особое внимание обращают на себя три: 1) состояние системы социального управления, отражающееся в социальном характере государствен-

ного устройства и в социальной политике, 2) нормативно-правовое закрепление стратегического планирования, 3) стремительное расширение области применения стратегического планирования. Эти условия представляются детерминированными объективной взаимосвязью между стратегическим планированием и социальным управлением и поэтому имеющими социально-управленческие признаки.

Содержание природы стратегического планирования как актуальной тенденции социального управления в Российской Федерации и ее субъектах (в том числе в Республике Башкортостан) обусловлено прежде всего социальным характером государственного устройства и содержанием социальной политики. И то и другое направляется на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Основные направления российской социальной политики как социального правового государства конкретизированы в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ: охрана труда и здоровья людей; установление гарантированного минимального размера оплаты труда; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развитие системы социальных служб, пенсионного обеспечения, пособий и иных гарантий социальной защиты [8]. Для реализации этих целей разрабатываются многочисленные долгосрочные программные документы. Наиболее фундаментальные из них следующие:

а) в Российской Федерации:

– Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р);

– Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 дек. 2011 г. № 2227-р);

– Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 29 апр. 1996 г. № 608);

– Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 7 февр. 2011 г. № 165-р);

– Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537);

б) в Республике Башкортостан:

– Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 г. (утв. постановлением Правительства Республики Башкортостан от 30 сент. 2009 г. № 370);

– Государственная программа «Стимулирование инновационной деятельности в Республике Башкортостан» (утв. постановление Правительства Республики Башкортостан от 10 марта 2011 г. № 55);

– Стратегия инвестиционного развития Республики Башкортостан до 2020 г. (утв. постановлением Правительства Республики Башкортостан от 18 апр. 2014 г. № 188).

Исходя из представленных в перечне документов, можно сделать вывод, что среди основных стратегических решений государства на федеральном уровне и

на уровне субъектов Федерации особое внимание уделяется, с одной стороны, созданию условий для благоприятных социально-экономических изменений в стране и регионах, а с другой – обеспечению безопасности жизни и деятельности его населения. Следовательно, перечисленные документы в полной мере отражают социальное и управленческое назначение стратегического планирования. Кроме того, все стратегические решения имеют легитимное основание в форме нормативно-правовых актов.

Легитимность решений стратегического планирования, помимо указанных нормативно-правовых актов, определена на общегосударственном уровне положениями Закона РФ «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации» [9, ст. 45], а также Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10, ст. 5, 15]. Первый из них утратил силу 19 октября 1999 г. в связи с вводом в действие нового Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», где предусмотрены разработка и утверждение программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [11, ст. 5 г].

Отталкиваясь от сроков и интенсивности формирования стратегических программных документов, можно утверждать, что стратегическое планирование представляется востребованным в современном социальном управлении. Социальное планирование в форме стратегий и целевых программ развивается стремительно. Например, в Республике Башкортостан, по данным из отчета Ю.В. Росляка о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности системы управления социально-экономическим развитием Республики Башкортостан в условиях совершенствования стратегического планирования и механизмов государственных закупок», уже в 2012 г. на стадии исполнения находилось 59 целевых программ [12]. По данным, представленным на официальном сайте Минэкономразвития Республики Башкортостан, в 2015 г. в республике в целом насчитывается 71 целевая программа поддержки и развития социальных объектов, в том числе: государственных программ – 29; республиканских и иных целевых программ – 32; ведомственных целевых программ – 10 [13].

Вместе с тем сравнительно небольшие сроки формирования и реализации программных документов стратегического планирования указывают на то, что новые его формы пока еще не имеют достаточной устойчивости и могут характеризоваться неоднозначной динамикой его использования и результатов. Не все стратегические решения, включая перечисленные программы, выполняются в полной мере успешно и эффективно. Современное стратегическое планирование наполнено множеством противоречий, которые, создавая острую проблемную ситуацию, требуют своего разрешения.

Обобщая изложенное о социально-управленческой природе актуального стратегического планирования в России в целом и в Республике Башкортостан в частности можно сделать следующие выводы.

Во-первых, стратегическое планирование находится в объективной взаимосвязи с социальным управлением и его особыми формами: программирова-

нием и проектированием. Планирование имеет значение фундамента для всех форм управления и опосредуется в социальных программах и проектах. В зависимости от сроков реализации планирование принимает краткосрочный, среднесрочный, долгосрочный (стратегический) характер. Актуальными приоритетными формами стратегического планирования выступают концепции, стратегии, целевые программы социального развития. Реквизиты их разработки и внедрения указывают на приоритеты социального развития Российской Федерации и ее субъектов; на меру значимости для государства итогов реализации плановых решений; на масштабность распространения проблемных ситуаций.

Во-вторых, целостную природу актуального стратегического планирования следует понимать как совокупность специфических условий, в которых разрабатываются и реализуются решения в форме стратегического планирования; собственно процессы планирования, а также – взаимодействия между их субъектами. Социально-управленческую часть природы актуального стратегического планирования составляют условия, которые детерминированы объективной взаимосвязью между стратегическим планированием и социальным управлением.

Библиографический список

1. Социологический энциклопедический словарь: На рус., англ., нем., франц. и чеш. яз. / ред.-коорд. Г.В. Осипов. М., 2000.
2. Бобрышев Д.Н., Семенцов С.П. История управленческой мысли. М., 1985.
3. Волков Ф.М. У истоков научных представлений об управлении. М., 2001.
4. Гвишиани Д.М. Главные школы и направления теории организации и управления: Организационная психология / сост. и общ. ред. Л.В. Винокурова, И.И. Скрипюка. СПб., 2000.
5. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1999.
6. Тоценко Ж.Т. Социология. М., 2012.
7. Иващенко Г.М. Фундаментальная структура управления // Альманах современной науки и образования: науч. теоретический и прикладной журн.: в ч. Ч. 1. 2010. № 3 (34).
8. Конституция Российской Федерации (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 2009. Ст. 7.
9. О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2452 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 28 авг. 1995 г. № 154-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Росляк Ю.В. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности системы управления социально-экономическим развитием Республики Башкортостан в условиях совершенствования стратегического планирования и механизмов государственных закупок» // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2014. № 2 (194). С. 73–134. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/2014/ACH201402261739/ACH201402261739_p_003.htm
13. Минэкономразвития Республики Башкортостан. URL: <http://minecon.bashkortostan.ru/activity/gov-programs/>

P.A. Merkulov, A.N. Balashov
**Online Community of Political
Parties: Comparative Analysis
of Russian and Foreign Practices**

The article presents a comparative analysis of online communities of Russian and foreign political parties in Facebook, VKontakte, and Twitter. The authors build up a top 10 parties and leaders ranking by the number of community members. Conclusions on the position of the Russian parties in comparison with foreign ones are drawn.

Key words and word-combinations: the Internet, political parties, Russian parties, foreign parties, online community.

Проводится сравнительный анализ интернет-сообществ российских и зарубежных политических партий в социальных сетях Facebook, ВКонтакте и сервисе микроблогов Twitter. Авторами составлен рейтинг десяти партий – лидеров по количеству участников сообществ. Делаются выводы относительно позиции российских партий в сравнении с зарубежными.

Ключевые слова и словосочетания: Интернет, политические партии, российские партии, зарубежные партии, интернет-сообщество.

УДК 329.1/.6:004.738.5
ББК 66.6+32.973.202

П.А. Меркулов, А.Н. Балашов

ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК

В настоящее время исследование интернет-технологий, их влияния на все сферы общественной жизни приобретает особую актуальность. Последние данные показывают, что в развитых странах доступ в Интернет имеют 78% домашних хозяйств, при этом использование Интернета продолжает стабильно расти – в глобальном масштабе в 2014 г. на 6,6% (3,3% в развитых странах и 8,7% в развивающемся мире) [1].

В России Фонд «Общественное мнение» фиксирует 51% активной аудитории Интернета (осень 2014 г.), что составляет 59,9 млн человек. Годовой прирост интернет-пользователей, выходящих в Сеть хотя бы раз за сутки, составляет 13% [2]. Как отмечают эксперты, по мере проникновения глобальной Сети и естественной смены поколений все большая доля людей будет получать и в свою очередь распространять информацию посредством Интернета.

Развитие Интернета, главным образом его интерактивных механизмов, определило появление социальных медиа. Д.Г. Балув определяет социальные медиа (или социальные СМИ) как «средства массовой информации, позволяющие устанавливать связи между людьми, группами и организациями и формировать сети» [3, с. 611].

Как правило, выделяют следующие разновидности социальных медиа: социальные сети (Facebook, ВКонтакте, Google+ и др.); блоги

и микроблоги (Twitter, Живой Журнал и др.); форумы; фото- и видеохостинги (YouTube, Instagram) и другие.

Под социальными сетями при исследовании интернет-технологий чаще всего понимают системы (платформы) поддержки социальных сетей (например, Facebook, ВКонтакте и др.). Сами же сети могут существовать и вне перечисленных платформ. Такое понимание социальных сетей более применимо при анализе конкретных интернет-сообществ политических и неполитических акторов. По данным TNS, 80% аудитории Интернета в России ежедневно пользуются платформами социальных сетей [4] и их посещаемость постоянно увеличивается.

Блоги и микроблоги представляют собой сайты, основное содержимое которых – регулярно добавляемые записи. Блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в коммуникацию с автором (посредством комментариев). Фото- и видеохостинги, как разновидность социальных медиа, представляют собой сайты, позволяющие пользователям загружать и просматривать фото- и видеоматериалы. Фото- и видеохостинги стали набирать популярность вместе с распространением широкополосного доступа в Интернет [5].

Социальные сети, блоги, форумы, фото- и видеохостинги, а также иные разновидности социальных медиа в настоящее время становятся дополнительной площадкой для коммуникации и инструментом прямого обращения политиков к гражданам для достижения политических целей. В свою очередь активные авторы публичного контента делают социальные медиа актуальным индикатором общественных настроений. Таких активных авторов в мае 2014 г. в России было приблизительно 35 млн человек. Они генерируют около 32 млн сообщений в сутки [6]. Все это заставляет политических акторов, в особенности политические партии, активно использовать этот канал коммуникации.

С учетом изложенного интересно, на наш взгляд, провести анализ сетевых сообществ некоторых российских и зарубежных политических партий в социальных медиа. Сетевым сообществом называется особый вид социального объединения пользователей коммуникационных сетей, интеграция которых возникает на основе общего дискурса в виртуальном пространстве при длительной и эмоциональной вовлеченности в процесс коммуникации [7, с. 136]. В современных исследованиях также используются термины «интернет-сообщество», «виртуальное сообщество» и «онлайн сообщество».

Основное отличие интернет-сообщества от интернет-аудитории, как отмечает Д.С. Мартынов, в том, что аудитория выступает, скорее, в качестве адресата в процессе коммуникации, в то время как сообщество предполагает полноценную внутреннюю коммуникацию. По его мнению, «сообщество выступает и в роли объекта, и в роли субъекта и, будучи социальным явлением, имеет свою внутреннюю структуру с входящими в нее взаимосвязанными элементами» [8, с. 68].

Любая политическая партия заинтересована в формировании лояльных сетевых сообществ. Участники таких сообществ являются потенциальными избирателями, которые готовы поддерживать партию на выборах. В ходе нашего анализа фиксировалось количество участников официальных сообществ полити-

ческих партий и лидеров в социальной сети ВКонтакте (для российских партий) и Facebook (для зарубежных партий), а также блог-платформе Twitter. Facebook является самой популярной социальной сетью в мире. ВКонтакте – самая популярная социальная сеть в России. Количество участников, читателей и «лайков» достаточно хорошо демонстрирует влияние сообщества той или иной партии. Результаты анализа представлены в таблице.

В столбцах «К количеству избирателей, %» рассчитано количество участников сообществ по отношению к численности избирателей представленных стран, что позволяет проводить сравнительный анализ. Расчет производился по наибольшему сообществу партии или лидера (например, для партии «Единая Россия» это сообщество лидера партии Дмитрия Медведева в Twitter – 3,325 млн участников). Данные по численности избирателей получены из открытых источников.

Количество участников интернет-сообществ российских и зарубежных политических партий и их лидеров (данные за февраль 2015 г.)

Партия / лидер партии	Twitter (читатели, тыс.)	Facebook ВКонтакте (в РФ) (участники, тыс.)	К количеству избирателей, %	Партия / лидер партии	Twitter (читатели, тыс.)	Facebook («лайки», тыс.)	К количеству избирателей, %
Россия (109,9 млн избирателей)				Великобритания (44 млн избирателей)			
«Единая Россия» / Дмитрий Медведев	70,5 / 3325	25,6 / 1931	3,025	Консервативная партия / David Cameron	135 / 910	342 / 471,6	2,068
ЛДПР / Владимир Жириновский	8,5 / 1215	61,3 / 432	1,106	Лейбористская партия / Ed Miliband	174 / 377	212 / 67,5	0,857
КПРФ / Геннадий Зюганов	11,5 / 233	32 / 112,4	0,212	Либеральная демократическая партия / Nick Clegg	80,3 / 209	109,6 / 88,7	0,475
«Справедливая Россия» / Сергей Миронов	83,6 / 193	0,3 / 59,8	0,176	Шотландская национальная партия / Nicola Sturgeon	71,6 / 122	181,4 / 140	0,412
«Великое Отечество» / Николай Стариков	0,2 / 18,6	34 / 170,1	0,155	Плайд Камри – Партия Уэльса / Leanne Wood	12,7 / 13,7	12,2 / 7,5	0,031
«Яблоко» / Григорий Явлинский	9,9 / 85,7	6,8 / 8,3	0,078	Ольстерская юнионистская партия / Mike Nesbitt	8,5 / 11,7	2,2 / -	0,027

Продолжение таблицы

Партия / лидер партии	Twitter (читатели, тыс.)	Facebook ВКонтакте (в РФ) (участники, тыс.)	К количеству избирателей, %	Партия / лидер партии	Twitter (читатели, тыс.)	Facebook («лайки», тыс.)	К количеству избирателей, %
Германия (62,2 млн избирателей)				Италия (47,5 млн избирателей)			
ХДСГ / Angela Merkel	57,3 / -	90,7 / 989,5	1,591	«Движение пяти звезд» / Beppe Grillo	334 / 1682	413 / 1763	3,712
Партия пиратов Германии	125 / -	91 / -	0,201	Демократическая партия / Matteo Renzi	155 / 1638	151,5 / 788,9	3,448
«Союз 90-х / Зеленые» / Cem Özdemir	112 / 14,6	58 / 43,5	0,180	«Вперед, Италия» / Silvio Berlusconi	104 / 30,7	107,7 / 698,7	1,471
«Левые» / Katja Kipping	48,4 / 21,4	101,3 / 35,9	0,163	«Лига Севера» / Matteo Salvini	13,1 / 112	164,4 / 630,9	1,328
СДПГ / Sigmar Gabriel	82,9 / 49,9	82 / 39,6	0,133	«Левые Экология Свобода» / Nichi Vendola	113 / 451	74,4 / 565	1,189
Христианский социальный союз	17,2 / -	36,5 / -	0,059	«Гражданский выбор» / Mario Monti	25,9 / 286	17,7 / 94,7	0,602
Свободная демократическая партия / Christian Lindner	23,1 / 34	33,1 / 31	0,055	«Новый правый центр» / Angelino Alfano	8,5 / 255	8,3 / 123,5	0,537
Франция (44,5 млн избирателей)				США (180 млн избирателей)			
Союз за народное движение / Nicolas Sarkozy	133 / 669	117 / 1013	2,276	Демократическая партия / Barack Obama	356 / 54500	955 / 44976	30,28
Социалистическая партия / François Hollande	105 / 875	101 / 554,7	1,966	Республиканская партия / John Boehner	327 / 720	1764 / 433	0,980
«Национальный фронт» / Marine Le Pen	- / 488	227,4 / 645,9	1,451	Либертарианская партия / Nicholas Sarwark	32,4 / 0,6	553 / 0,4	0,307

Окончание таблицы

Партия / лидер партии	Twitter (читатели, тыс.)	Facebook ВКонтакте (в РФ) (участники, тыс.)	К количеству избирателей, %	Партия / лидер партии	Twitter (читатели, тыс.)	Facebook («лайки», тыс.)	К количеству избирателей, %
Франция (44,5 млн избирателей) [продолжение]							
«Левый фронт» / Jean-Luc Mélenchon	32,3 / 375	4,3 / 209	0,843	«Европа Экология Зеленые» / Pascal Duran	136 / 6,5	31,8 / 1	0,306
Демократическое движение / François Bayrou	69,6 / 258	7 / 42,6	0,580	Радикальная левая партия / Jean-Michel Baylet	3,7 / 7,7	0,6 / 5,9	0,017

Количество читателей блога Дмитрия Медведева в Twitter составляет 3,025% от общего количества избирателей в Российской Федерации. Это наибольшее сообщество среди российских партий и лидеров. Следует также отметить Либерально-демократическую партию России (Twitter Владимира Жириновского – 1,106%). Показатели остальных российских партий не так высоки: Коммунистическая партия Российской Федерации (Twitter Геннадия Зюганова – 0,212%) и «Справедливая Россия» (Twitter Сергея Миронова – 0,176%). Все эти партии являются парламентскими.

Наряду с парламентскими партиями, можно отметить партию «Великое Отечество», которая является «новой» (зарегистрирована после либерализации законодательства о партиях в 2012 г.). Количество участников сообщества лидера данной партии Николая Старикова в социальной сети ВКонтакте составляет 170 тыс. пользователей.

Особенностью рассмотренных российских партий является то, что сообщества лидеров по количеству участников намного превышают партийные сообщества. Это свидетельствует о персонифицированном характере анализируемых российских партий: сообщества партийных лидеров подчас играют более важную роль, чем сообщества партии. Данная особенность наблюдается и у итальянских партий, а также у большинства британских и французских партий (см. таблицу).

Среди партий Великобритании следует отметить Консервативную партию во главе с Дэвидом Кэмероном (2,068%). Лейбористская партия и ее лидер Эд Милибэнд имеют гораздо меньшие сообщества в социальных медиа (0,857%). Либеральные демократы и остальные партии также не отличаются многочисленностью сообществ. Данные показатели соответствуют распределению депутатских мест по итогам парламентских выборов в Великобритании 2010 г.:

306 депутатских мандатов получила Консервативная партия,

258 – Лейбористская партия,
57 – либеральные демократы,
28 мест достались остальным партиям.

Среди немецких партий наибольшее сообщество зафиксировано у Христианско-демократического союза Германии во главе с Ангелой Меркель. Остальные партии имеют небольшие сообщества в сравнении с ХДС. Вместе с тем следует выделить Партию пиратов Германии (0,201%), которая не получила мест по результатам парламентских выборов в 2013 г., но является второй по размеру сообществ среди немецких партий.

Пиратская партия – это новое явление в европейском политическом пространстве, особенно в Германии. «Пираты» позиционируют себя как партия, в которой возможен вклад каждого. Их главный принцип – «больше участия, больше демократии», который они проводят именно с помощью коммуникации с гражданами в социальных медиа. Как отмечает А.А. Литвиненко, для «пиратов» характерно присутствие во всех популярных социальных сетях и на блог-платформах, совмещение онлайн- и оффлайн-мероприятий, высокая степень смешения частной и публичной сфер благодаря умелому ведению страничек политиков в социальных сетях. Однако в отличие от других немецких партий политики от Партии пиратов более активно ведут общение с электоратом [9, с. 263].

Среди партий Италии наибольшие сообщества имеет партия «Движение пяти звезд» (3,712%), которую основал популярный блогер и сатирик Бeppe Гpилло. Его блог в 2008 г. входил в десятку самых влиятельных блогов во всей мировой паутине [10]. Каждая запись в его блоге получает несколько тысяч комментариев и откликов от читателей. Партия быстро стала популярной и добилась серьезных успехов: стала третьей на парламентских выборах 2013 г. (25,5%) и второй на европейских выборах 2014 г. (21%). По итогам парламентских выборов ей удалось получить 109 мандатов из 630 в палате депутатов и 54 кресла из 315 в сенате.

Демократическая партия Италии (3,448%), имеющая большинство по результатам досрочных парламентских выборов 2013 г., немного уступает «Движению пяти звезд». Лидер демократической партии Маттео Ренци, в настоящее время являющийся председателем Совета министров Италии, имеет 1,638 млн читателей микроблога в Twitter. Наряду с перечисленными партиями, большие сообщества имеют партии «Вперед, Италия» (1,471%) во главе с Сильвио Берлускони, «Лига Севера» (1,328%) во главе с Маттео Сальвини, а также партия «Левые Экология Свобода» (1,189%), возглавляемая Николой Вендола. В целом, в отличие от других стран, у большинства анализируемых итальянских партий и лидеров наблюдаются большие сообщества (по отношению к численности избирателей) в социальной сети Facebook и сервисе микроблогов Twitter.

Среди французских партий выделяются «Союз за народное движение» (Николя Саркози, 2,276%), Социалистическая партия (Франсуа Олланд, 1,966%), и «Национальный фронт» (Марин Ле Пен, 1,451%). «Национальный фронт» в настоящее время набирает популярность, о чем свидетельствует внушительное сообщество Марин Ле Пен в Facebook. Отметим, что данная партия по итогам выборов в парламент Франции в 2012 г. имеет только два места.

Среди политических партий США абсолютным лидером является сообщество представителя Демократической партии и Президента Барака Обамы (54,5 млн читателей в Twitter, что составляет более 30% всех избирателей Соединенных Штатов). Многие аналитики констатируют, что в ходе избирательной кампании Барак Обама широко использовал новые информационные технологии, в том числе социальные медиа. Он обращался к многомиллионной публике через электронные средства связи – блоги, видеохостинги и социальные сети, предоставляя избирателям возможность получать информацию и быть непосредственно вовлеченными в политический диалог [11, с. 120]. По мнению И.А. Быкова, «избирательные технологии Барака Обамы открыли новую эпоху “электронных выборов”. И это значит, что в ближайшем будущем успех или проигрыш на выборах будет зависеть от того, насколько масштабно и качественно представлен тот или иной кандидат в Интернете» [12, с. 48].

Причины разной степени вовлечения социальных медиа в политическую коммуникацию состоят в различии политических систем. Так, А.А. Литвиненко, сравнивая партии США и Германии, утверждает: «... в США партии зависят от пожертвований граждан, в то время как в Германии они получают финансирование из государственного бюджета. Как следствие, немецкие партии даже во время предвыборной кампании 2009 г. довольно слабо использовали возможности интерактивности в социальных сетях. В отличие от американских политиков, которые перестраивают свою пиар-стратегию в соответствии с возможностями новых СМИ, представители немецких ведущих партий не меняют форму общения с электоратом» [8, с. 263].

Итак, сформируем рэнкинг десяти лидеров и партий по количеству участников сообществ (по отношению к численности избирателей):

1. Барак Обама (Демократическая партия, США) – 30,3%.
2. Бeppe Гpилло («Движение пяти звезд», Италия) – 3,712%.
3. Маттео Ренци (Демократическая партия, Италия) – 3,448%.
4. Дмитрий Медведев («Единая Россия») – 3,025%.
5. Дэвид Кэмерон (Консервативная партия, Великобритания) – 2,068%.
6. Франсуа Олланд (Социалистическая партия, Франция) – 1,966%.
7. Ангела Меркель (Христианско-демократический союз, Германия) – 1,591%.
8. Сильвио Берлускони («Вперед, Италия») – 1,471%.
9. Марин Ле Пен («Национальный фронт», Франция) – 1,451%.
10. Маттео Сальвини («Лига Севера», Италия) – 1,328%.

В «десятку» партий с наибольшими сообществами входит партия «Единая Россия» благодаря сообществу Дмитрия Медведева в Twitter. Другие анализируемые российские партии, также активно используют интернет-технологии в своей деятельности. В рэнкинге десяти лучших партий присутствуют четыре итальянские партии, что свидетельствует как о высоком уровне использования интернет-технологий итальянскими партиями, так и о готовности избирателей Италии использовать Интернет для политической коммуникации.

В целом можно констатировать, что наибольшие сообщества имеют лидеры партий, занимающие высшие государственные посты. Это вполне объяснимо, так как участники таких сообществ могут не поддерживать саму политическую партию, а быть вовлеченными в сообщество благодаря деятельности лидера. Среди таких

лидеров можно отметить Барака Обаму, Дмитрия Медведева, Ангелу Меркель, Франсуа Олланда, Маттео Ренци и других. Это также относится к наиболее известным и в прошлом занимавшим высокие посты лидерам: Николя Саркози и Сильвио Берлускони. Вместе с тем выделяются и некоторые партии, которые используют Интернет как основной канал распространения своих идей, программ и ценностей, а также взаимодействия со своими сторонниками. Это партия «Движение пяти звезд» (Беппе Грилло) и Партия пиратов Германии, которые стали заметными политическими силами благодаря интернет-технологиям.

Таким образом, анализ интернет-сообществ российских и зарубежных политических партий показал, что российские партии имеют хорошие позиции по сравнению с зарубежными («Единая Россия» – одна из лидеров и занимает четвертое место в рейтинге). Кроме того, анализ позволил выявить некоторые особенности: 1) десять крупнейших наибольших сообществ являются персональными сообществами партийных лидеров либо наиболее известных представителей партий; 2) большинство наиболее популярных в социальных медиа партийных лидеров занимают (либо занимали ранее) высшие государственные посты; 3) партии Италии в целом имеют большие сетевые сообщества, что свидетельствует о высоком уровне использования интернет-технологий итальянскими партиями; 4) «Движение пяти звезд» (Беппе Грилло) и Партия пиратов Германии стали заметными политическими силами благодаря интернет-технологиям и активному взаимодействию со своими сторонниками; 5) одной из причин разной степени вовлечения социальных медиа в политическую коммуникацию является различие политических систем.

Итак, предпринятая попытка анализа интернет-сообществ политических партий позволила констатировать, что благодаря возможностям интернет-технологий в ближайшем будущем интенсивность использования социальных медиа в деятельности как зарубежных, так и российских политических партий будет возрастать.

Библиографический список

1. Международный союз электросвязи: Индекс развития информационно-коммуникационных технологий в странах мира в 2014 году // Центр гуманитарных технологий, 2014. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/11/24/6988>
2. Интернет в России: динамика проникновения. Осень 2014 г. // ФОМ: Фонд Общественное Мнение, 2014. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11889>
3. Балувев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования // Образовательные технологии и общество. 2013. № 2. С. 604–616.
4. TNS WebIndex, февраль 2013 // URL: <http://www.tns-global.ru/>
5. Фомин О.Н., Акаев Д.В. Политический блог: опыт социологического анализа // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 3. С. 68–73.
6. Социальные сети в России, лето 2014: цифры, тренды, прогнозы // Brand Analytics, Ай-Теко. URL: <https://br-analytics.ru/blog/?p=1671>
7. Сергодеев В.А. Сетевые Интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1 (113).
8. Мартыянов Д.С. Виртуальные сообщества в блогах: практика взаимодействия с политическими акторами // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2007. Т. 13, № 36.

9. Литвиненко А.А. Веб 2.0 во внешней коммуникации политических партий Германии // Теория и практика общественного развития. 2012, № 2.
10. The world's 50 most powerful blogs (09.03.2008) // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/technology/2008/mar/09/blogs>
11. Торочкова П.А. Социальные сети как элемент информационных технологий – новый актор мировой политики // Вестник РГГУ. Сер.: Международные отношения. Регионоведение. 2014. № 7 (129).
12. Быков И.А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы // Вестник Перм. ун-та. Политология. 2010. № 1 (9).

**A.A. Yeremin
Objective Prerequisites
of Interaction of State and Public
Authorities in Order to Promote
the Society's Interests**

The objective prerequisites of interaction of state and public authorities in order to promote public interests are considered. The interaction of different types of public authorities is analyzed. It is proved that all the current types of public authorities in the state must respect the balance of interests on the basis of rational compromise in order to promote the interests of the whole society.

Key words and word-combinations: public authorities, types of public power, interplay of different types of public authorities.

Рассматриваются объективные предпосылки взаимодействия государственной и публичной власти в целях реализации общественных интересов. Анализируется взаимодействие видов публичной власти. Доказывается, что все действующие в государстве виды публичной власти должны соблюдать баланс интересов на основе рациональных компромиссов и в целях реализации интересов всего общества.

Ключевые слова и словосочетания: публичная власть, виды публичной власти, взаимодействие видов публичной власти.

УДК 340.1
ББК 67.0

А.А. Ерёмин

**ОБЪЕКТИВНЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
В ЦЕЛЯХ РЕАЛИЗАЦИИ
ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВА**

Несмотря на различие в трактовках понятия «публичная власть», отечественные и зарубежные авторы единодушны в одном: на современном этапе развития общества государственная власть остается обязательным элементом общей системы публичной власти. В зависимости от объекта и исследуемого периода к нему могут добавляться от одного до трех видов (самоуправление, власть общественных объединений, власть надгосударственных структур) [1, с. 80]. Таким образом, на современном уровне развития общества государство неизбежно действует одновременно с другими видами публичной власти. В связи с этим возникает вопрос о характере взаимодействия между ними: можно ли считать государство объек-

тивно необходимым; что и каким образом влияет на развитие такого взаимодействия?

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что строгого определения публичной власти, принятого научным сообществом, не существует [2, с. 17]. Отчасти это вызвано тем, что ученых прошлого больше интересовал сам феномен власти, в таком виде он исследовался, начиная с философов Древней Греции, и его можно считать подробно изученным, хотя при этом также нет полного согласия [3, с. 67].

В последние десятилетия в связи с возросшей актуальностью изучения публичной деятельности предпринимались новые попытки дать определение публичной власти, причем задача решалась исследователями в контексте отдельных специализаций, поэтому определения имеют узкоспециальный характер, воплощаясь в понятийно-категорийных пределах определенной науки. Как правило, это политология, социология, отдельные отрасли юридического знания.

Анализ определений показывает, что, по мнению большинства исследователей, публичная власть – это вид социальной власти, возникающий в территориально-организованном сообществе для реализации артикулированных общественных интересов. При этом она должна быть легальной и проявлять себя посредством функционирования соответствующих институтов.

На количество видов публичной власти, фиксируемых различными авторами, решающее влияние оказывают масштабы и уровень развития рассматриваемого ими общества. Исследуя конкретные государства в различные исторические эпохи, они приходят к выводу о тождественности публичной и государственной власти, наличии только двух видов – государственной власти и самоуправления, в более современных и развитых сообществах отмечается власть международных институтов и общественных движений. В общей сложности признаются четыре вида публичной власти: государственная, самоуправление, общественные (профессиональные, политические и др.) движения, а также международная или надгосударственная. Факт существования любого из этих видов легко доказывается с позиций широко распространенной на Западе каузальной теории власти, поскольку если существует в какой-либо форме подчинение (следствие), то необходимо присутствует и причина – власть [4].

Для раскрытия темы объективных предпосылок взаимодействия государственной власти с другими видами публичной власти целесообразно принять наиболее полный список ее видов и рассмотреть их взаимосвязь в общем случае.

Многие теоретики отмечают, что часть своих правоприменительных полномочий государство делегирует негосударственным структурам. Государство, соглашаясь передать отдельные управленческие функции частным субъектам, не снижает их публичной значимости, а обязывает негосударственные субъекты действовать в соответствии с публичными интересами [5]. Из этого следует, что при современном уровне развития общества государство неизбежно действует одновременно с другими видами / видом публичной власти. При этом объект власти остается для них общим – население исследуемой страны или региона.

В таких условиях можно считать логически обоснованным вывод о первой и важнейшей объективной предпосылке взаимодействия государственной и дру-

гих видов публичной власти – существование не менее одного вида публичной власти, действующего одновременно с государственной властью на одной территории в отношении одного и того же населения. Рассмотрим дополнительные объективные предпосылки взаимодействия по каждому из видов.

Вопрос о взаимодействии государственной власти и местного самоуправления остается одним из самых актуальных в российской научной среде и подробно исследован в многочисленных публикациях различного уровня. В теоретическом плане, безотносительно к реалиям конкретного государства, необходимость такого взаимодействия следует из предназначения всякой публичной власти обеспечивать реализацию публичных интересов. Для этого требуется эффективное управление, сочетающее не только выработку, но и передачу управляющих воздействий на объект управления, а также обратные связи для оценки их эффекта [6, с. 28]. Соответственно возникает объективная необходимость в «низовом» звене, обеспечивающем такие функции.

Следующей предпосылкой взаимодействия можно считать объективную необходимость обеспечения жизнедеятельности населения [7]. Наиболее ярко она выражена в крупных сообществах, где условия компактного проживания могут сильно отличаться, в связи с чем оказывается невозможным рациональное и оперативное решение ежедневных проблем населения действиями общегосударственного масштаба. С реализацией задач коммунального, бытового, социального обслуживания населения на уровне города или поселка лучше всего справляется местное самоуправление, чем, собственно, и диктуется необходимость его существования. В этом плане государственной власти целесообразно оставить за собой обеспечение в кризисных ситуациях, а в остальном сотрудничать с самоуправлением.

Необходимость обратного взаимодействия обусловлена интересами населения в принятии справедливых законов, обеспечении своих базовых потребностей в области безопасности, в образовании, социальном и медицинском обеспечении. Таким образом, объективные предпосылки взаимодействия этих двух видов публичной власти возникают из их предназначения и общности объекта.

Масштабы и значение такого взаимодействия существенно возросли с появлением глобальных факторов в развитии цивилизации. Решающими в этой области стали появление в XX в. влиятельных институтов международного сотрудничества, а также расширение и углубление процессов глобализации [8]. Создание и укрепление роли Организации Объединенных Наций, возможность контроля за исполнением международных соглашений, применение международным сообществом различных инструментов понуждения к необходимым действиям в сочетании с преюдицией международного права перед национальным автоматически означают подчиненное состояние отдельного общества перед международным сообществом [9]. В результате у государственной власти возникает объективная необходимость сотрудничества с международным сообществом. Вне такого сотрудничества власть не способна решить вопросы экономического развития, различные территориальные, экологические, ресурсные и экологические проблемы и, как следствие, оказывается не в состоянии выполнять свои функции – обеспечивать соблюдение публичных интересов населения.

К такому же результату может привести пренебрежение реально происходящими процессами глобализации. В настоящее время экономика развитых

стран становится все более тесно связанной с мировой экономикой, а значит, и более зависимой от господствующего там международного разделения труда. Изоляция или непродуктивное сотрудничество государственной и надгосударственной публичной власти может привести к стагнации собственной экономики, снижению уровня жизни и безопасности общества. Вместе с тем международное сообщество достаточно открыто, и власть, отвечающая интересам народа, может войти в него, проявив рациональную готовность к компромиссам, то есть в этой области налицо как объективная необходимость, так и столь же объективная возможность сотрудничества.

Взаимодействие государственной власти и власти общественных движений отличается высокой динамичностью в силу ряда объективных изменений, интенсивно идущих во всех современных сообществах. В первую очередь они обусловлены развитием и массовым проникновением новейших информационных технологий во все сферы общественной жизни. Для качественной оценки взаимодействия между этими видами публичной власти необходимо вернуться к ее определению, данному в начале статьи, а именно к расшифровке характеристики «публичность».

Анализ категории «публичность» приводит к двум основным значениям: первое указывает на отношение к общественно-государственной сфере, второе – на открытость для людей (публики). При этом исследователи отмечают наличие иерархии значений и подчеркивают приоритет принадлежности к общественно-государственной сфере [10, с. 67]. По нашему мнению, в последние десятилетия в связи с развитием информационного общества происходит смещение акцента в сторону открытости. Категория «публичность» все больше означает открытость власти, прозрачность процессов принятия решений. Наряду с этим совершенствование механизмов обратных связей, возможность быстро получать реакцию общества на действия государственной власти помогает общественным движениям активнее влиять на ее решения.

Еще одним следствием развития информационных технологий стало изменение механизма создания общественного движения. Интернет предельно упростил процедуру создания и роста общественных движений, привлечения новых сторонников. Сегодня благодаря электронной регистрации, фантастической скорости распространения призывов, заявлений лозунгов в соцсетях общественные движения могут в считанные дни многократно увеличивать свою численность. Итогом становится заметное усиление власти и роли общественных организаций, что приводит к необходимости сотрудничества с ними власти государственной на основе баланса интересов, причем сотрудничества взаимовыгодного, поскольку государственная власть получает мощный канал для трансляции своей политики на группы населения, чьи интересы выражает то или иное общественное движение. Категория баланса призвана обеспечить согласование интересов субъектов общества, установить особое состояние социальной системы, направленное на разумное и эффективное развитие последней [11].

Подводя итог, можно констатировать следующее: факт развития и внедрения информационных технологий создает новые объективные возможности баланса интересов различных групп населения, а в результате – лучшей реализации публичных интересов.

Анализ взаимодействия видов публичной власти позволяет сделать вывод о наличии объективных предпосылок взаимодействия государственной власти со всеми видами публичной власти. Необходимость такого взаимодействия обусловлена в первую очередь самим фактом обязательного существования от одного до трех видов публичной власти одновременно с властью государства, в связи с чем она должна координировать с ними свою деятельность для максимальной реализации публичных интересов. В зависимости от вида публичной власти определяются следующие объективные предпосылки взаимодействия:

– самоуправление: наличие интересов и потребностей населения, существование круга задач, которые государственная власть не в состоянии решать оперативно и эффективно;

– надгосударственная власть (международные институты): наличие и усиление роли крупных международных организаций, приоритет международного права над национальным, расширение и углубление процессов глобализации;

– публичная власть общественных движений: развитие информационного общества, внедрение информационных технологий, делающих государственную власть более открытой и усиливающих возможности общественных движений.

Существование как объективной необходимости, так и предпосылок для взаимодействия не гарантирует его позитивного характера. Для выполнения своего предназначения – реализации публичных интересов – все действующие в государстве виды публичной власти должны соблюдать баланс интересов на основе рациональных компромиссов в целях реализации интересов всего общества.

Библиографический список

1. *Рачинский В.В.* Публичная власть как общеправовая категория: теоретико-прикладной аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2003.
2. *Кушхова Б.З.* Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
3. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права. М., 2000.
4. Власть: концептуальный анализ // Цифровая библиотека по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001076/st000.shtml>
5. *Мишуева Т.В., Касаева Т.В.* Межвузовский «круглый стол» «Актуальные проблемы ограничения публичной власти в современной России» (г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХ и ГС, 15 окт. 2013 г.) // Вестник ПАГС. 2013. № 39.
6. *Чиркин В.Е.* Государственное управление: элементарный курс. М., 2001.
7. Социология управления: учеб. пособие // Монографии, изданные в издательстве Российской академии естествознания. URL: <http://www.rae.ru/monographs/100>
8. Современный этап развития процесса глобализации мировой экономики // Институт экономики и антикризисного управления. URL: http://www.ieay.ru/nauch/sc_article/2005/03/Chuvakhina.shtml
9. Юридическая природа международного контроля // Все о праве. URL: http://www.allpravo.ru/diploma/doc33p0/instrum4605/print4607.html#_ftn7
10. *Сорокин Ю.Ю.* Публичная власть и интересы общества: проблемы взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2011.
11. *Репьева П.В.* Баланс интересов как условие эффективности управления общественной жизнью // Вестник ПАГС. 2013. № 38.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

A.Yu. Goloborodko
**The Fundamentals of the State
Cultural Policy as the Semiotic
Code in the Semantic Space
of the Modern Political Discourse**

The cognitive and pragmatic background as an immanent property of the political discourse producing a text materialization of “The Fundamentals of the State Cultural Policy” is considered. The author’s research grounds the feasibility of implementing complex educational activities aimed at filling the space of national consciousness with cultural and historical values and the reconstruction of spiritual matrix of the Russian people.

Key words and word-combinations: state cultural policy, national security, political discourse.

Рассматривается когнитивно-прагматический фон как свойство политического дискурса, продуцирующего текстовое воплощение Основ государственной культурной политики. Обосновывается целесообразность реализации комплексной просветительской деятельности, нацеленной на наполнение пространства национального сознания культурно-историческими ценностями и воссоздания духовной матрицы народа России.

Ключевые слова и словосочетания: государственная культурная политика, национальная безопасность, политический дискурс.

УДК 008.001
ББК 71.4

А.Ю. Голобородько

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В настоящее время языку политики уделяется значительное внимание: политическим дискурсом интересуются как профессионалы от политики, в том числе журналисты и политики, так и самые широкие массы граждан.

В последние десятилетия эта область знания стала объектом пристального изучения лингвистов. На Западе проблемы языка и власти, языка и идеологии, языкового манипулирования, роли мифа в политической коммуникации и т.п. находились в фокусе исследовательского интереса достаточно давно, но в нашей стране лингвисты стали активно разрабатывать эту проблематику преимущественно с момента начала перестройки, когда политическая коммуникация перестала

носить сугубо ритуальный характер [1, с. 5]. Особую актуальность приобрели вопросы теоретического моделирования политического дискурса, репрезентирующие собой, в частности, изучение когнитивного континуума функционирования политического дискурса; политическая метафористика как способ осмысления мира политики; особенности речевого поведения субъектов политического пространства; анализ вербальных стратегий в политической деятельности и других.

К числу актуальных направлений изучения пространства политических коммуникаций относится проблематика семиотической архитектуры дискурса политики – семиосферы, репрезентация природы которой возможна, на наш взгляд, в координатах известной метафоры зала музея Ю.М. Лотмана: «Представим себе в качестве некоторого единого мира, взятого в синхронном срезе, зал музея, где в разных витринах выставлены экспонаты разных эпох, надписи на известных и неизвестных языках, инструкции по дешифровке, составленные методистами пояснительные тексты к выставке, схемы маршрутов и экскурсий и правила поведения посетителей. Поместим в этот зал еще экскурсоводов и посетителей и представим себе это все как единый механизм (чем, *в определенном отношении, все это и является*). Мы получим образ семиосферы. При этом... все элементы семиосферы находятся не в статическом, а в подвижном, динамическом соотношении, постоянно меняя формулы отношения друг к другу. Особенно это заметно на традиционных моментах, доставшихся из прошлых состояний культуры...» [2, с. 168–169].

Одним из ведущих исследовательских трендов в области семиотического анализа дискурса является концептуальная позиция, в соответствии с которой политический дискурс представляет собой «знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий» [1, с. 6].

В рамках настоящей статьи рассмотрим некоторые особенности семиотического наполнения пространства политического дискурса в парадигме описания инструментария государственной культурной политики, призванного обеспечить укрепление национальной безопасности посредством использования защитно-охранительного потенциала культуры; при этом особое внимание уделим когнитивно-прагматическому дискурсивному фону, продуцируемому текстом Основ государственной культурной политики (далее – Основы), утвержденных Указом Президента РФ в декабре 2014 г.

При описании оснований для выработки государственной культурной политики в документе отмечается. «...перед Российской Федерацией стоит задача в исторически короткий период осуществить экономическую и социальную модернизацию страны, выйти на путь интенсивного развития, обеспечивающего готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира. Это возможно только при условии планомерных и последовательных инвестиций в человека, в качественное обновление личности. В недавнем прошлом такие вложения были явно недостаточными, что создало угрозу гуманитарного кризиса» [3]. Среди задач государственной культурной политики, определенных Основами, выделяется «...утверждение в общественном сознании ценности на-

копленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития» [3].

Не секрет, что в новейшей истории России задача разработки и реализации государственной культурной политики, направленной на формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития на основе утверждения ценности культурно-исторического опыта на современном этапе развития российской государственности, ставится впервые, и это, на наш взгляд, признак «семиотического переустройства», знак ценностного содержательного по(пере)ворота в определении стратегически важных направлений национального «движения», задающего векторы развития институтов общества и государственного управления при акцентировании необходимости их диалога и взаимодействия при разработке и реализации инструментария государственной культурной политики.

Политическая лингвистика как область исследования носит ярко выраженный междисциплинарный характер: в ней интегрируются достижения социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, стилистики, риторики, нарративного анализа и т.д. Дискурс-анализ в политической лингвистике позволяет установить «скрепы» между социологическим, культурным, межличностным и когнитивным аспектами власти; основная задача политического дискурса – вскрыть механизмы сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением [4, с. 51].

В контексте исследования политического дискурса как семиотического пространства принято рассуждать в категориях использования вербальных и невербальных знаков, ориентированных на «обслуживание» этой коммуникативной сферы, тезауруса прецедентных высказываний и текстов, а также представлений о типичных моделях речевого поведения в рамках этого типа коммуникации... [1, с. 13].

В рамках рассмотрения проблематики семиотики политического дискурса в контурах обеспечения национальной безопасности посредством использования защитно-охранительного потенциала культуры (аккумулированного нами в формате особого когнитивного исследовательского конструкта – государственной культурной политики, разрабатываемого в том числе на базе указанных Основ) релевантным представляется использование ряда подходов к рассмотрению политического дискурса, артикулированных в работах французской школы анализа дискурса.

Известный французский исследователь Ж.-Ж. Куртин, развивая концепцию архива М. Фуко, предлагает рассматривать политический дискурс как одну из разновидностей существования исторической памяти. [5]. Одним из свойств политического дискурса, по Ж.-Ж. Куртину, является его повторяемость, и, как отмечает исследователь, интерес к лингвистическим формам, посредством которых повторяемость вписывается в порядок дискурса, в конечном итоге приводит к анализу формирования преконструкта в интердискурсном разноразмерном пространстве – процесса, при котором создается база для конструирования определенных серий из формул высказывания. С помощью цитирования,

повторного цитирования и образования прекопекта объекты дискурса, которыми овладевает высказывание, приписывая их субъекту акта высказывания, обретают референтную стабильность в области памяти, создаваемой пространством рекуррентных формул [5, с. 100]. Говоря о связи дискурса с областью памяти, Ж.-Ж. Куртин вводит понятие «дискурсивных ритуалов» непрерывности, которые перекраивают время, соединяя настоящее время высказывания с дискурсивным прошлым и дискурсивным будущим [5, с. 101].

Только благодаря восприятию времени в более широком смысле слова, его отражению посредством познавательных процессов, происходит и отражение того, что изменяется с течением времени, т.е. отражение изменения является первичным по отношению к отражению самой воспринимаемой, представляемой или мыслимой реальности. Если память запечатлевает и хранит смыслы прошлого опыта отражения, а само отражение объективной реальности производно по отношению к эффектам отражения физического времени, за которое происходит последовательная смена состояний объекта отражения, следовательно, организация памяти в психическом контексте может быть понята только исходя из представления о психическом времени, в котором существует смысловая реальность.

В контексте изложенного обратимся к когнитивно-прагматическому фону политического дискурса, представленного Основами, уделив внимание анализу присутствия феноменов «памяти» и «времени» (в смысловом пространстве их реализации) как возможностей для определения правильных, с опорой на исторический опыт и традиции, действий в настоящем и будущем за счет осмысленного использования культурно-исторического потенциала прошлого.

По мере развертывания дискурса Основ в нем можно обнаружить формулы, конструирующие первоначальный, воображаемый дискурс, относящийся к области памяти; это проявляется, например, в том, что обозначается дискурсивными ритуалами непрерывности, которые, по терминологии Ж.-Ж. Куртина, перекраивают время, соединяя настоящее с дискурсивным прошлым и будущим.

Эти формулы вносят, на наш взгляд, в исследуемый дискурс линейную непрерывность движения времени: прошлое-настоящее-будущее, таким образом происходит синтагматизация временной протяженности, достигаемая, в частности, посредством погружения концептов «культура» («культурный потенциал») в языковые конструкции, манифестирующие непрерывность движения времени «прошлое-настоящее-будущее России» в преломлении к ценности национальной культуры.

Полагаем, приемы дискурсивного ритуала непрерывности, «следы» которого можно обнаружить в рамках дискурса Основ, обуславливают также возможность его переосмысления в координатах проблематики национального самосознания и национально-культурной идентичности как духовных опор народа: смысловая нить дискурсивной архитектуры Основ в своем суггестивном измерении обуславливает, с нашей точки зрения, необходимость культурной рефлексии в современном российском обществе. Культурная рефлексия при этом может, в нашем понимании, интерпретироваться как состояние сознания, повернутое на переосмысление состоявшихся культурных актов и культурного опыта в поисках новых парадигм развития культуры и культурного роста [6,

с. 65–66], с акцентом на необходимость учета традиционных социально-культурных исторических ценностей и установок.

Представляется, что очевидным сигналом, в аспекте продуцируемого дискурсом Основ перлокутивного эффекта в фоновом когнитивно-прагматическом пространстве практически ориентированной деятельности, является необходимость обращения к диалогическим формам взаимодействия институтов общества и структур государственной власти в рамках разработки и реализации инструментария государственной культурной политики как фактора противодействия обозначенным вызовам и угрозам национальной безопасности современной России, среди которых к числу наиболее опасных отнесена «деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России» [3].

В частности, в кругу принципов государственной культурной политики обозначено «делегиrowание государством части полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам» [3]. В семиотическом измерении этот принцип целесообразно, на наш взгляд, интерпретировать как установку на создание условий для внедрения в многослойное пространство коммуникаций общества и государства технологических инструментов реальной, традиционной, политики [7, с. 15–16], которая призвана преобразовать сложившуюся систему большей частью иллюзорных моделей взаимодействия институтов общества и государства на основе аккумуляции в среде их сотрудничества и сотворчества защитно-охранительного потенциала культурной памяти.

Бесспорным, по нашему мнению, эвристическим потенциалом в рамках рассмотрения дискурса Основ обладает изучение широко используемых культурно-языковых концептов «государство» и «общество», которые, как представляется, в контексте нашей проблематики маркируют актуальность, значимость и востребованность обращения к защитно-охранительному потенциалу культуры в рамках разработки и реализации управленческих решений в интересах развития общества и российской государственности.

Предположим, что имплицитно контуры будущей стратегии подлинного, конструируемого на диалогической основе, взаимодействия общества и государства в рамках разработки и реализации инструментария государственной культурной политики должны предусматривать осуществление разнообразных форм «мягкой силы» (взаимо)влияния, активизацию внедрения механизмов убеждения, просвещения и привлечения в противовес тактике давления и принуждения в практике принятия управленческих решений в интересах национального развития. При этом «просматривается» приоритетность этой стратегии как во внутрироссийском пространстве, так и в контурах международного межкультурного гуманитарного сотрудничества [3].

Еще на один аспект дискурса Основ государственной культурной политики как семиотического кода следует обратить внимание – речь идет о продуцируемой изучаемым дискурсом динамичности политического языка. Известно, что изменчивость и динамичность являются одной из особенностей политического языка, что эксплицируется тем фактом, что сама референциальная область, являющаяся объектом отражения в политическом дискурсе, является актуальной

и злободневной [1, с. 67]. Исследователи отмечают, что с точки зрения диахронической устойчивости в политическом языке разграничиваются три слоя лексики: а) политические константы, б) оценочно-маркированные политические термины и в) злободневная лексика «сегодняшнего дня». При этом Т.В. Шмелева обозначает лексику слоя «в» термином «ключевые слова текущего момента» [8]. Исследователь рассматривает «ключевые слова текущего момента» как особый язык, как «возрастание частотности», «формирование новых сочетаемостных возможностей», «активизация грамматического потенциала».

Считаем, анализируемый дискурс Основ репрезентирует достаточно богатую палитру знаков, которые, в контексте его динамичности, возможно интерпретировать в парадигме «ключевых слов текущего момента»; в качестве примеров выделим, например, такие языковые феномены, как «новая система управления процессами культурного развития», «культура как национальный приоритет», «деформация исторической памяти», конституирующих смысловую специфику рассматриваемого дискурса и усиливающих его информативность и «культуроустремленную» семантическую наполняемость.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, основной семантический посыл в его смысловом (приближенном к человеку – гражданину России) измерении в рамках когнитивно-прагматического фона дискурса Основ государственной культурной политики заключается в обращении к необходимости насыщения, в частности посредством системной просветительской деятельности, пространства национального сознания культурно-историческими ценностями, воссоздания духовной матрицы народа России, питающейся достижениями российской культуры как (в терминологии Ю.А. Жданова) особого, самостоятельного, измерения, что в конечном итоге должно обусловить возможность возрождения исторической и духовной памяти как ресурса противодействия различным типам контркультурных сообществ [9] и фактора укрепления национальной безопасности России.

Именно государственная культурная политика как актуальный фрагмент современного политического пространства и инструментарий определения стратегических направлений и практических нацеленных на духовное оздоровление российского общества действий способна выступить одним из продуктивных факторов гармонизации общественных отношений и роста качества жизни, залогом социально-экономического развития и гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России.

Государственная культурная политика способна стать одним из факторов погружения человека (гражданина России) в мир культуры и превращения его «сознательной жизни в жизнь культуры» [2, с. 178], где его (человека) движение / поведение естественным образом согласуется с семиотическими кодами (и одновременно продуцирует их), важнейшим в кругу которых является культурно-историческая память.

Библиографический список

1. Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М., 2000.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.

3. Основы государственной культурной политики: утв. 24 дек. 2014 г. Указом Президента РФ В.В. Путина № 808. М., 2015.
4. Hacker K.L. Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research. NY., 1996.
5. Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса // пер. с фр. и порт. М., 1999.
6. Трошина Н.Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе массмедиа // Этно-культурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М., 2000.
7. Горчева А.Ю. Политический менеджмент постсоветской России. М., 2003.
8. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.
9. Денисова Г.С., Котов С.В. Контркультурная сущность современного неонацизма // Власть. 2012. № 4. С. 156–160.

P.M. Fedorov
Trust of the Population
of Ukraine for the European
Political Institutions

Theoretical foundations of institutional trust model are analyzed. Using international and national sociological researches data, the two-factor model of institutional trust of modern Ukrainian society is proved. The problem of lack of consensus on the direction of political integration and considerable regional differentiation of Ukrainian citizens' political attitudes is considered.

Key words and word-combinations: Ukraine, institutional trust, euro-integration.

Анализируются теоретические основы модели институционального доверия. На данных международных и национальных социологических исследований обосновывается двухфакторная модель институционального доверия современного украинского общества. Рассматривается проблема отсутствия консенсуса относительно направления политической интеграции и значительной региональной дифференциации политических установок граждан Украины.

Ключевые слова и словосочетания: Украина, институциональное доверие, евроинтеграция.

УДК 32.001(477)

ББК 66.0(4Укр)

П.М. Фёдоров

ДОВЕРИЕ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ ЕВРОПЕЙСКИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ

Абстрактное доверие, доверие к социальным институтам выступает базовым условием функционирования и развития общества. По мнению Н. Лумана, любая система – экономическая, правовая или политическая – требует доверия в качестве обязательного условия, без доверия она не в состоянии стимулировать необходимую деятельность в ситуации неопределенности или риска. Непредсказуемость социальных изменений в трансформирующемся обществе, а также обусловленное этой непредсказуемостью снижение уверенности граждан в эффективном функционировании государства и институтов гражданского общества вызывают дефицит социального доверия, то есть доверия не только к конкретным институтам государственной власти, но и к социальной системе в целом.

Проблеме институционального доверия в трансформирующемся обществе посвящается значительное число современных публикаций, однако формирование теоретической модели и поиск эмпирических показателей институционального доверия остаются предметом дискуссий. Пожалуй, наиболее очевидно и значимо по своим последствиям проблема дефицита социального доверия проявляет себя в политических событиях последних лет на Украине. Актуальность доверия населения Украины европейским политическим институтам обусловлена необходимостью анализа предпосылок драматических событий в жизни современного украинского общества.

Традиция исследования проблемы доверия политическим институтам основывается еще на политической философии Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо [1–3] в рамках теории «общественного договора». В социологии этот вопрос исследовался М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, Т. Парсонсом [4–6] в контексте религиозной этики и веры как основания социального порядка в обществе. В работах основоположников социологической науки дифференцировано институциональное и личностное доверие. При этом М. Вебером теоретически доказана роль протестантской этики, поощрявшей межличностное доверие, в развитии западного капитализма, и предложена типология отношений доверия в обществе: ценностно-рационального, традиционного, аффективного и целерационального (в основе которого лежит ожидание определенного поведения людей и использование этого ожидания в качестве условий и средств для достижения рационально поставленной и продуманной цели) [7]. Э. Дюркгеймом показана роль общественной моральной солидарности и общих групповых символов в формировании социального доверия. Т. Парсонсом разработана модель усвоения акторами в качестве мотивов социального действия общепринятых ценностей, от которых зависит социальное единство, как основа социального порядка. Дж. Коулмен раскрыл влияние доверия на развитие структур гражданского общества и сформулировал концепцию «обобщенного доверия» как элемента социального капитала, определяющего базовые экономические и социально-политические изменения в обществе [8]. Идея зависимости эффективности экономической системы от присущего данному обществу «радиуса доверия» социальным институтам изложена в работах Ф. Фукуямы. Он, в частности, полагает, что для России характерна схема ассоциаций, по своей форме похожая на седло: крепкие семьи, сильное государство и практически полное отсутствие промежуточных объединений [9].

Значение институционального доверия, выражающегося в поддержке населением страны политических институтов, для легитимности политической системы и ее эффективного функционирования обосновано Д. Истоном. Однако современные исследования, в частности работы Р. Инглхарта, ставят этот тезис под сомнение. Так, результаты анализа эмпирических данных исследования World Values Survey свидетельствуют об отсутствии систематического воздействия доверия людей политическим институтам на достигнутые обществом результаты в развитии демократии [10].

Факторный анализ данных WVS, проведенный Р. Инглхартом, показывает, что рейтинги доверия общества как к основополагающим государственным

институтам, так и к различным социальным институтам, демонстрируют положительную корреляцию во всех случаях, и факторный анализ не выявляет полярности между доверием к их различным категориям. К аналогичным выводам приходят и исследователи European Social Survey: доверие разным политическим институтам основывается на базовых установках доверия или недоверия политической системе в целом, которые распространяются на ее отдельные элементы. Так, факторный анализ показывает, что в основе доверия всем институтам лежит один латентный фактор, то есть доверие или недоверие разным политическим и общественным институтам возникает на одной и той же основе и более или менее одновременно. Люди склонны формировать свое отношение ко всем таким институтам сразу, хотя некоторые различия в отношении к институтам есть. Кроме того, различные аспекты межличностного (социального) доверия также оказываются зависимыми от одного фактора [11].

В упомянутом анализе данных WVS и в анализе данных ESS используются совокупные данные по выборкам разных стран, что предполагает универсальную модель зависимости доверия различным политическим институтам от одного фактора обобщенного институционального доверия и различных аспектов социального доверия от одного фактора обобщенного социального доверия. Чтобы проверить применимость этой модели для исследования доверия населения Украины политическим институтам, нами проведен факторный анализ данных ESS шестой волны (2012 г.) отдельно по выборкам каждой из стран.

Действительно, для подавляющего большинства стран факторный анализ формирует двухфакторную модель. При этом переменные, измеряющие ответы на вопросы о социальном доверии («Большинству людей можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не мешает?», «Как Вы думаете, большинство людей постарались бы Вас использовать, если им представилась такая возможность, или же, на Ваш взгляд, люди постараются вести себя с Вами честно?», «По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать другим или они чаще всего заботятся только о себе?»), оказываются статистически связаны с одним общим фактором. Переменные же, измеряющие ответы на вопросы об институциональном доверии («Скажите, пожалуйста, насколько Вы лично доверяете разным группам людей или организациям: парламенту страны; судебной системе; милиции; политикам; политическим партиям; Европейскому парламенту; Организации Объединенных Наций?»), оказываются статистически связаны с другим общим фактором.

Однако в выборке населения Украины выявляется третий фактор – доверие международным политическим институтам. Факторная модель объясняет 81% вариации, коэффициент значим при $p < 0,000$.

Первый фактор (в скобках указан коэффициент корреляции):

«Большинству людей можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не мешает?» (0,87);

«Как Вы думаете, большинство людей постарались бы Вас использовать, если им представилась такая возможность, или же, на Ваш взгляд, люди постараются вести себя с Вами честно?» (0,89);

«По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать другим или они чаще всего заботятся только о себе?» (0,85).

Второй фактор (в скобках указан коэффициент корреляции):

«Скажите, пожалуйста, насколько Вы лично доверяете разным группам людей или организациям:

парламенту страны (0,88);

судебно-правовой системе (0,86);

милиции (0,83);

политикам (0,88);

политическим партиям?» (0,83).

Третий фактор (в скобках указан коэффициент корреляции):

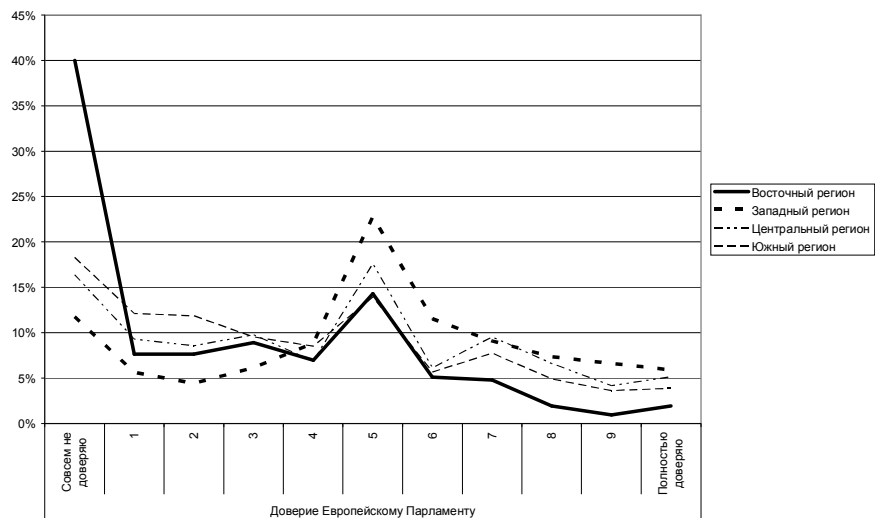
«Доверяете ли Вы лично международным организациям:

Европейскому парламенту (0,93);

Организации Объединенных Наций?» (0,93).

Факторы извлечены с применением метода основных компонентов, метод ротации – варимакс. Показатель теста КМО равен 0,809, что свидетельствует о пригодности данных и действительности факторной модели. Аналогичная по структуре факторная модель формируется для выборки респондентов Албании, Болгарии, Косова. Кроме того, трехфакторная модель, но с иной структурой характерна для итальянского общества.

В интерпретации значения выделенного третьего фактора обращает на себя внимание региональная дифференциация уровня доверия европейским политическим структурам населения Украины: наименьший уровень доверия демонстрируют респонденты восточных регионов, наибольший – западных (рисунки).

Региональная дифференциация уровня доверия
Европарламенту на Украине

По сравнению с предыдущей (пятой) волной исследования ESS, доля респондентов восточных регионов Украины, совершенно не доверяющих Европейскому парламенту, увеличилась с 22% (в 2010 г.) до 40% (в 2012 г.).

На значительную региональную дифференциацию установок населения Украины в отношении европейских политических структур указывают результаты опроса международного исследовательского центра Gallup, США. По данным опроса, проведенного в июле 2013 г. (N=1000, ошибка выборки не превышает 3,7%), 52% жителей западных регионов Украины одобряют деятельность Евросоюза – против 19% на востоке страны; в то же время только 25% жителей западных регионов Украины одобряют деятельность России – против 60% респондентов на востоке страны [12].

В период с 22 апреля по 14 мая 2014 г. Киевский международный институт социологии провел опрос общественного мнения в 110 населенных пунктах, расположенных во всех областях Украины. В результате полевого этапа были собраны 2022 анкеты, статистическая ошибка выборки с вероятностью 0,95 не превышает 3,3%. Этот опрос также демонстрирует региональную дифференциацию политических интеграционных установок: в западном и центральном регионах сторонников вступления в Евросоюз значительно больше, чем сторонников вступления в Таможенный союз (82% против 5% в западном и 58% против 12% в Центральном), а сторонников вступления в Таможенный союз значительно больше, чем сторонников вступления в Евросоюз, в восточном (63% против 12%) и южном (37% против 28%) регионах [13].

В исследовании Международного Фонда Избирательных Систем, проведенного на Украине с 26 октября по 8 ноября 2013 г. (опрошено 1517 респондентов, статистическая ошибка выборки 2,6%), отмечается, что интеграционные установки граждан страны разделены: 37% хотели бы, чтобы Украина предприняла шаги по присоединению к Европейскому союзу, а 33% – к Таможенному союзу. Отвечая на вопрос о предпочтительных близких экономических отношений страны, 34% респондентов ответили, что у Украины должны быть более близкие экономические отношения с Россией, а 35% – с Европой. Результаты этого исследования также свидетельствуют о значительных региональных различиях установок граждан страны: с большой долей проевропейских установок в западных, центральных регионах и пророссийских установок на востоке и юге страны. При этом для центральных регионов характерна динамика от пророссийских к проевропейским установкам: 37% респондентов в опросе 2013 г. (в 2012 г. – 23%) полагают, что у Украины должны быть более близкие отношения с Европой, в то время как 26% предпочитают более близкие отношения с Россией (в 2012 г. – 37%) [14].

В период 23–27 декабря 2013 г. компанией Research & Branding Group проведено исследование общественного мнения жителей Украины (объем выборки составил 2079 человек, ошибка выборки – 2,2%). На вопрос о том, какое интеграционное объединение выбрали бы украинцы, 43% респондентов ответили «ЕС», 30% – «Таможенный союз» [15].

Представленный анализ указывает направление дальнейшего совершенствования, с учетом региональной специфики, традиционной модели институцио-

нального политического доверия, предполагающей что доверие разным политическим институтам основывается на базовых установках доверия или недоверия политической системе в целом, распространяющихся на ее отдельные элементы.

Группой исследователей уже обозначена проблема отсутствия адекватной теоретической модели, позволяющей осмыслить процессы дезорганизации социальной жизни современного украинского общества [16]. При этом стоит учесть, что фактор, определяющий уровень институционального доверия населения Украины европейским политическим структурам, тесно связан с установками граждан в отношении вектора евроинтеграции, а данные социологических опросов демонстрируют отсутствие консенсуса в украинском обществе относительно направления политической интеграции и значительную региональную дифференциацию политических установок граждан Украины. Перед современным украинским обществом стоит сложная задача в области развития институционального доверия: реформа политических институтов и одновременный поиск интегрирующих общество «векторов доверия», что обусловлено спецификой двухфакторной модели институционального доверия. Однако потенциальная конфликтность доминирующих полюсов интеграционных установок позволяет говорить не о поиске консенсуса, а, скорее, о нахождении компромисса и снижении остроты стоящих перед современным украинским обществом проблем.

Библиографический список

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 2.
2. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М., 1985.
3. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М., 1998.
4. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2.
5. Зиммель Г. Избранное. М., 1996. Т. 1: Философия культуры.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.
8. Швери Р. Теоретическая социология Джеймса Коулмена: аналит. обзор // Социологический журнал. 1996. № 1–2.
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и сотворение благоденствия // Неприкосновенный запас. 2001
10. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М., 2011
11. Андреевкова А. Политическое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4 (98).
12. Before Crisis, Ukrainians More Likely to See NATO as a Threat. URL: http://www.gallup.com/poll/167927/crisis-ukrainians-likely-nato-threat.aspx?utm_source=West%20and%20Central%20Ukraine%20warmer%20toward%20NATO%20than%20E&utm_medium=search&utm_campaign=tiles
13. Полгода Евромайдану: к ЕС готовы присоединиться на 20% больше украинцев, чем к Таможенному союзу. URL: <http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=336&page=6>
14. Ifes public opinion in Ukraine 2013 key findings. URL: http://www.ifes.org/Content/Publications/Press-Release/2013/~media/Files/Publications/Survey/2013/Ukraine%202013%20Summary%20of%20Findings%20Public_Final.pdf

15. Пресс-релиз «Оценка социально-политической ситуации в Украине. Декабрь 2013». URL: <http://rb.com.ua/rus>

16. Рынковой Т. Технологизация государственного управления в Украине в контексте социальных и политических трансформаций // Вестник ПАГС. 2013. № 4 (37). С. 23–27.

M.V. Tyulpakov
Energy Cooperation between
Turkmenistan and China:
Present Condition and
Development Prospects

The article provides a brief overview of the history of relations between independent Turkmenistan and China, as well as a detailed analysis of the energy component of these relations. The author considers the basic stages and possibilities, as well as economic and political aspects of this kind of cooperation for China, Turkmenistan and other countries of the Central Asia.

Key words and word-combinations: Turkmenistan, China, Central Asia, energy, gas, oil.

Приводится обзор истории взаимоотношений независимого Туркменистана и Китайской Народной Республики, а также подробный анализ энергетического компонента этих взаимоотношений. Рассматриваются основные этапы и перспективы, а также экономический и политический аспекты такого рода сотрудничества для Китая, Туркмении и других стран Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова и словосочетания: Туркменистан, Китай, Центральная Азия, энергетика, газ, нефть.

УДК 338(1-773)(575.4+510)

ББК 65.7(5Тур+5Кит)

М.В. Тюльпаков

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТУРКМЕНИСТАНА И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В настоящее время Китайская Народная Республика (далее – КНР) в центрально-азиатском векторе внешней политики помимо очевидных геополитических мотивов руководствуется необходимостью поиска источников энергетических ресурсов. Это обусловлено все возрастающими темпами экономического роста Китая. Как справедливо отмечает Р. Медведев, «Китаю в последние 10 лет стало не хватать собственной нефти. Китай прекратил экспорт нефти и стал во все больших количествах ее импортировать» [1, с. 210], это же касается и природного газа. Туркменистан, обладая 17,4% от мировых запасов природного газа [2], предстает наиболее подходящим партнером для Китая. Актуально проведение анализа потенциала энергетического взаимодействия Китая и Туркмении как непосредственно для этих стран, так и для регионального рынка энергоресурсов.

Заинтересованность КНР в поступатель-

ном и стабильном развитии подкрепляется грамотной и дальновидной энергетической стратегией [3]. Сегодня и в долгосрочной перспективе выделяются следующие направления энергетической стратегии Китая:

- 1) увеличение сырьевой базы национального топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК);
- 2) разработка и использование новых технологий в развитии ТЭК;
- 3) достижение максимальной эффективности использования всех видов энергоресурсов путем рациональной диверсификации национальной энергетики;
- 4) при собственных довольно больших запасах энергоресурсов, увеличение объемов импорта энергоресурсов извне, разработка маршрутов их поставок [4].

Для китайской энергетической стратегии характерно стремление к долгосрочному закреплению в странах – донорах энергоресурсов. С точки зрения КНР, это обеспечивает гарантиями стабильность поставок извне. Китай начал проявлять интерес к топливно-энергетическому богатству Центральной Азии (далее – ЦА) уже на заре существования новых независимых государств на постсоветском пространстве. Сначала этот интерес был прикован исключительно к нефтегазовой отрасли Казахстана, а с начала 2000-х годов в центре внимания КНР появились и другие страны, в том числе Туркменистан. Если разделить потребности ТЭК Китая по отраслям и соответствующим странам, то получим: нефть – Казахстан; газ – Туркменистан; уран – Казахстан и Узбекистан.

Поступательное развитие китайской экономики с каждым годом требует все больше ресурсов, но экспортные возможности стран ЦА не настолько велики, чтобы стать единственными (даже первостепенными) источниками энергоресурсов для Китая (исключением может быть уран). Однако такой немаловажный фактор, как географическое положение, увеличивает привлекательность центрально-азиатских партнеров с точки зрения стабильности, безопасности и устойчивости поставок энергоресурсов, а прикладываемые сторонами усилия по укреплению транспортной инфраструктуры позволяют увеличивать процент центрально-азиатского импорта в КНР. Если систематизировать факторы экономической привлекательности стран ЦА и Туркменистана, в частности для Пекина, то получим следующее: во-первых, непосредственная географическая близость стран – участниц энергетического взаимодействия; во-вторых, не до конца раскрытый экспортный потенциал Казахстана, Туркменистана и Узбекистана, который может быть увеличен путем инвестиций в национальные экономики и совершенствования инфраструктуры региона, что может существенно увеличить долю ЦА в импорте КНР; в-третьих, транзитный потенциал региона позволит в случае необходимости обеспечить транспортировку углеводородов из Ирана и стран Ближнего Востока; в-четвертых, уровень экономического взаимодействия представляет собой плацдарм для политического взаимодействия.

Основное внимание Пекина в настоящее время фокусируется на нефтегазовых отраслях Казахстана и Туркменистана, а также на атомной отрасли Казахстана. Инвестиции и экономическое присутствие Китая в отраслях ТЭК других стран региона обуславливаются необходимостью создания транспортной инф-

раструктуры для обеспечения безопасности поставок из основных источников сырья и продвижением политических интересов Пекина в регионе.

Из всех областей сотрудничества КНР и Туркменистана ярче остальных выделяется газовая сфера взаимоотношений. Это проявляется в нарастающей динамике событий в двусторонних отношениях. За последние годы состоялось немало встреч высокого уровня между представителями Ашхабада и Пекина, которые были посвящены теме газового сотрудничества. Основой этого сотрудничества служит газопровод «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай».

Сегодня газ из Туркменистана в КНР транспортируется по трем веткам, что дает возможность довести его объем до 40 млрд м³/г.; в 2016 г. планируется открытие четвертой ветки, что позволит увеличить объем до 65 млрд м³/г. Решение об открытии четвертой ветки зафиксировано в мае 2014 г., когда состоялся визит Г. Бердымухамедова в Пекин. В рамках этого визита председатель Китая С. Цзиньпин так прокомментировал результаты встречи: «В этом контексте отмечалась нацеленность двух стран на наращивание стратегического сотрудничества на данном направлении, ускоренное строительство четвертой нитки газопровода Туркменистан – Китай, а также на расширение взаимодействия в области газо- и нефтепереработки, эффективное сложение усилий в целях обеспечения безопасности трубопроводной инфраструктуры и соответствующих объектов» [5].

Газопровод проходит от границы Туркменистана и Узбекистана по территории Узбекистана и Казахстана и пересекает северо-западную границу Китая, откуда газ распределяется по территории КНР. Создание подобной инфраструктурной взаимозависимости Китая и стран ЦА нацелено на поддержание стабильности в региональных экономических отношениях на долгосрочную перспективу. В настоящее время его протяженность составляет около 10 000 км [6].

Современные экспортные возможности Республики Туркменистан ограничены 65 млрд м³/г., при этом энергетическая стратегия КНР предполагает потребление в 2020 г. около 200 млрд м³/г., что при собственной добыче в 120 млрд м³/г. потребует 80 млрд м³/г. импорта. Основываясь на тенденциях разработки газовых месторождений Туркмении, можно сказать, что Ашхабад в состоянии самостоятельно обеспечить Пекин таким количеством газа, особенно учитывая недавно открытые месторождения («Галкыныш») и оставшиеся еще с советских времен («Южный Иолотань»). Именно на это направлены китайские инвестиции в энергетическую отрасль страны, и этим обоснована заинтересованность в совершенствовании газопроводов.

Потребность Туркменистана в КНР как в экономическом партнере очевидна: ни одна другая страна не способна в таком объеме принять экспорт довольно дорогого туркменского газа, при этом брать на себя все затраты по транзиту и строительству инфраструктуры. Экономика КНР уже более двадцати лет демонстрирует высокие темпы роста и потребности в энергоресурсах. Другие направления диверсификации туркменского газа (например, ЕС и Южная Азия) не могут конкурировать с КНР.

Помимо очевидной потребности Китая в импорте природного газа его участие в проекте газопровода «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай» обеспечивает Пекин возможностью реализации политических амбиций на постсоветском пространстве. Открытие в 2011 г. месторождения «Галкыныш» и углубление сотрудничества Туркменистана и Китая спровоцировали ответную реакцию США, которые начали лоббировать проект ТАПИ (соединяющего Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индию), который мог бы позволить использовать «Галкыныш» на выгодных для США условиях. Однако даже стороннему наблюдателю понятно, что на геополитической арене ЦА сегодня верх одерживает Китай: проект ТАПИ, судя по всему, свернут на неопределенный срок. Пока США и Россия продолжают выстраивать двусторонние отношения с Туркменистаном и другими странами ЦА, Китай с каждым годом интенсифицирует развитие энергетической инфраструктуры региона, обеспечивая себя экономическими гарантиями, на основе которых строится укрепление его политического и культурного влияния в регионе.

Судить о возрастающей роли Китая в Центрально-Азиатском регионе (далее – ЦАР) можно по увеличению количества стран, вовлеченных в сеть «Центральная Азия – Китай». Строительство так называемой ветки D (четвертая ветка газопровода), по данным официального сайта КННК, начинается в 2014 г. и предполагает участие помимо четырех имеющихся партнеров также Кыргызстана и Таджикистана [7]. Это важный момент в понимании политики КНР в ЦА. Казалось бы, проект нелогичный: первые три ветки проходят параллельно друг другу, а четвертая будет проходить через неудобную горную, политически нестабильную Ошскую область. Лишние 225 км трубопровода на первый взгляд кажутся экономическим просчетом Китая, так как требуют, помимо огромных затрат на строительство новых инвестиций в ТЭК этих стран, будущей оплаты транзитных услуг Киргизии и Таджикистану. Несмотря на острую потребительскую нужду в газе, эти страны будут не в состоянии покупать дорогой туркменский газ (360 долларов за 1 тыс. м³), то есть будут выполнять исключительно транзитную функцию.

Однако при более детальном анализе мотивов Пекина ясно, что Китай имеет далеко идущие политические цели: ЦА становится для Китая не только источником ресурсов, но и стратегическим тылом. Руководитель сектора экономического развития постсоветских государств Института экономики РАН Е.М. Кузьмина отметила: «Пекин приходит в Центральную Азию всерьез и надолго. Проекты строительства газопроводов в одном ряду с проектами строительства автомобильных и железных дорог» [8]. Инвестиции Китая в транспортную инфраструктуру ЦА оправданы стремлением Пекина политически укрепиться в регионе и экономически привязать к себе все страны ЦА.

Очевидно, что при продолжении курса в ЦА к 2020 г. КНР, с одной стороны, с помощью туркменского газа будет способна полностью обеспечивать прогрессивно увеличивающиеся потребительские нужды, а с другой – укрепит свое геополитическое доминирование в регионе за счет фактора экономической зависимости стран ЦА от Китая. В настоящее время ни одна из региональных

держав, а также ЕС и США не способны оказывать настолько же сильное влияние в регионе.

Туркменистан сегодня обладает богатыми энергетическими ресурсами, экспорт которых в совокупности с выгодным географическим положением, нейтральным статусом и уникальным способом ведения внешней политики (отказ от участия в блоках и формат исключительно двусторонних взаимоотношений) делает страну центром внимания крупных политических игроков. Будучи частью региона, на который направлена внешнеполитическая активность США, России, ЕС, Китая, Ирана, Турции, Афганистана, Туркменистан вынужден выстраивать прочные и долгосрочные отношения с представителями каждой из этих сторон, что успешно позволяет делать принцип нейтралитета. Однако Китай среди остальных выглядит наиболее преуспевающим в плане оказания влияния и упрочнения связей с Туркменией. В этом плане газопровод «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай» является лакмусовой бумажкой, отражающей уровень заинтересованности Китая и Туркменистана в упрочнении этих взаимоотношений. Есть основания полагать, что политический курс Пекина только наращивает обороты, превращая страны ЦА в своих экономических и стратегических партнеров в продолжающемся стремлении Китая к доминированию на евразийском континенте. Судьбу маленького в таких масштабах Туркменистана предопределить сложно, но при дальнейшей практике политики нейтралитета и повышении экспортного потенциала есть вероятность, что на какое-то время Туркмения станет «центрально-азиатской Швейцарией».

Библиографический список

1. *Медведев Р.* Подъем Китая. М., 2012.
2. BP Statistical Review of World Energy June 2014 // BP: Energy economics. London, 2014. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>
3. *Парамонов В., Строков А.* Центральная Азия в энергетической стратегии Китая // Центральная Евразия. М., 2012. URL: <http://ceasia.ru/energetika/tsentralnaya-aziya-v-energeticheskoy-strategii-kitaya.html>
4. World Energy China Outlook 2014–2015 // Independent statistics & analysis. Washington, 2014. URL: <http://www.eia.gov/conference/2014/pdf/presentations/xu.pdf>
5. *Цзиньпин С.* Туркменистан и КНР являются крупнейшими партнерами в газовой сфере // Neftegaz.ru. М., 2014. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/123874>
6. Транснациональный газопровод Туркменистан – Китай – успешная реализация международного энергетического партнерства // Центр новостей ООН. М., 2010. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=12888#.UuTMFRDHnIU>
7. Flow of natural gas from Central Asia // КННК (CNPC). Пекин, 2014. URL: <http://www.cnpc.com.cn/en/FlowofnaturalgasfromCentralAsia/FlowofnaturalgasfromCentralAsia2.shtml>
8. *Панфилова В.* Пекин взял Центральную Азию в газовое кольцо // Независимая газета. 2014. URL: http://www.ng.ru/cis/2014-03-14/1_asia.html

V.O. Kozlov
The Origins of the “North
American Type”
of Antimonopoly Legislation

On the basis of the analysis of personal correspondence and materials of debates in the U.S. Congress, issues related to the generation of the foundations of the “North American type” of antimonopoly legislation in the late XIX century are studied. The emphasis is on identifying the main lobbying groups, small business opinion, and basic versions of a draft of law against monopolies.

Key words and word-combinations: monopoly, trust, corporation, “economy of scale”, anti-trust laws.

На основе анализа материалов личной переписки и материалов обсуждений в Конгрессе США исследуются вопросы, связанные с выработкой основ антимонопольного законодательства североамериканского типа в конце XIX в. Особое внимание обращается на выявление основных лоббистских группировок, отражение мнения малого бизнеса; рассматриваются варианты законопроекта против монополий.

Ключевые слова и словосочетания: монополия, трест, корпорация, экономия от масштаба, антитрестовское законодательство.

УДК 347(73)
ББК 67.404.9(7Coe)

В.О. Козлов

ИСТОКИ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО ТИПА

В истории правоведения различают традиционно два типа антимонопольного законодательства – европейский и североамериканский. Европейский тип подразумевает борьбу со всеми крупными компаниями и ограничение их размеров, а североамериканский предполагает разделение монополий на «хорошие», «естественные» и «плохие». В 1990–2000-е годы в связи с переходом к рыночной модели экономики принят целый ряд законов, направленных на ограничение монополизации в экономике России, основой для которых стал наиболее популярный в мире североамериканский тип антимонопольного законодательства. Представляется важным определить, каковы были истоки и первопричины принятия первых подобных законов, в каких исторических условиях зарождалось антитрестовское (тресты были главной формой объединений) законодательство.

Происхождение первого антитрестовского закона – билля Шермана в США (1890) – до сих пор является предметом острых дискуссий среди исследователей. Особые споры в американской литературе вызывает вопрос о том, кто его лоббировал и в какой степени в этом процессе участвовали разные социальные слои предпринимателей. Таким образом сложилось три точки зрения по этому вопросу. Представители «прогрессивной школы» [1] утверждали, что доминирующую группу интересов в отстаивании свободы рыночной

конкуренции составлял средний класс, а его наиболее активной частью были фермеры. Консервативная трактовка «школы консенсуса» [2; 3] (Ч. Невинс, Ф. Аллен) предполагала, что главной действующей силой антимонополизма был малый и средний бизнес, активно поддерживающий антитрестовское законодательство в надежде на сохранение и возврат к свободной конкуренции. Согласно современной интерпретации (Ч. Моррис, Г. Брэндс) [4; 5], политический вес разного рода потребителей, фермеров, малого и среднего бизнеса в принятии антимонопольного законодательства был примерно равным. В отечественной науке вопросами и идеологическими предпосылками формирования антимонопольного законодательства в США активно занимались И.М. Супоничкая и Л.В. Байбакова [6; 7], исследовавшие социальную базу антимонополизма. Однако вопрос о том, кто все же продвигал законопроекты, направленные на борьбу с ограничением конкуренции, все еще остается открытым.

В настоящее время, опираясь на архивные данные, представляется возможным выявить главного лоббиста антитрестовского законодательства. Цель была и у крупного, и у среднего, и у малого бизнеса одна – установление правил игры на рынке, разными были мотивы. В связи с этим нужно ответить на вопрос о том, в какой степени предложения малых и средних компаний реализовывались на практике, какие конкретные законодательные инициативы выносились на рассмотрение в комитете по финансам Сената США по просьбе сторонников ограничения деятельности монополий. Заметим, что современная экономическая наука включает в их состав компании, занимающие свыше 60% рынка в какой-либо отрасли промышленности или сельского хозяйства [8, с. 310]. Объединения, в которых входящие в них предприятия теряют свою юридическую и хозяйственную самостоятельность и подчиняются совету директоров, были главной формой корпоративных объединений в 1880-х годах, превративших США в страну трестов. Именно на борьбе с ними и было акцентировано внимание широкой общественности.

Одним из инициаторов принятия федерального закона о запрете трестов был входивший в число лидеров республиканской партии сенатор Дж. Шерман. В конце 1880-х годов он получал многочисленные письма от мелких и средних нефтяных компаний с просьбами принять меры против злоупотреблений корпорации Дж.Д. Рокфеллера «Standard Oil», в которой в течение 1880-х годов сосредоточилось до 90% национальной нефтепереработки. Компании сетовали на то, что гигантская корпорация получала незаконные скидки от железнодорожных компаний из-за перевозки нефти в стальных цистернах, а не в деревянных бочках. Технология перевозки нефтепродуктов в стальных вагонах, производителем которых выступала компания крупного сталелитейщика Э. Карнеги, имела огромное конкурентное преимущество перед старым способом дистрибуции товаров. В деревянных бочках за время доставки продукта от месторождения до конечного потребителя испарялось до $\frac{1}{3}$ жидкого топлива, тогда как в цистернах – не более 10% [7, с. 119]. Железнодорожным компаниям было выгодно предоставлять скидки крупным трестам, так как объем их перевозок был несопоставим с теми, что были у малых фирм. Мелкие нефтяные компании, продолжавшие по старинке перевозить нефть в бочках, возражали против

понижения тарифов для нефтяного магната, заявляя о том, что это дает крупным переработчикам явные преференции в конкуренции с мелкими и средними нефтяными компаниями.

Переписка между сенатором и представителями нефтяных компаний, впервые вводимая в отечественной науке в научный оборот, является важным источником для выяснения позиций основных групп лоббистов антитреста. В ней сформулированы просьбы различных компаний о внесении в Конгресс США законопроекта о запрете скидок за использование цистерн. Так, в одном из писем фирмы «Great Western Oil Works» содержалось требование равных цен на грузоперевозки [9, р. 1–2]: «Считать законным для любого перевозчика транспортировку переработанной нефти и нефтепродуктов, хлопкового масла, скипидара в цистернах для любого грузоотправителя только при условии, что перевозчик устанавливает такой же тариф для перевозки в деревянных бочках» [9, р. 2]. Сенатор отреагировал на социальный заказ нефтедобывающих компаний внесением в Конгресс билля, почти дословно повторявшего текст письма, который позже был реализован в виде поправки к закону о межштатной торговле 1887 г. Его сутью было законодательное уравнивание в тарифах предприятий, перевозящих жидкое топливо как в цистернах, так и деревянных бочках [10, р. 2441]: «Считать законным уравнивание тарифов на перевозку нефтепродуктов в цистернах и бочках, признав скидки для перевозки в цистернах не соответствующими закону» [10, р. 2442].

Однако не все независимые нефтепроизводители поддерживали данное предложение. Наиболее активно выступал средний бизнес. Так, У. Уорнер, секретарь «National Oil Company» в Пенсильвании, выступил решительно против. По его словам, «Standard Oil» была не единственным перевозчиком, применявшим цистерны для получения выгодных железнодорожных тарифов. Уорнер утверждал, что из 8000 цистерн, использовавшихся в 1889 г., $\frac{1}{2}$ (4200 ед.) принадлежали корпорации Рокфеллера, а оставшаяся часть – железным дорогам (1700 ед.) и независимым нефтяным компаниям (2100 ед.) [11]. Следовательно, поставив вне закона скидки любым пользователям цистерн, предлагаемый сенатором законопроект был направлен на снижение конкурентоспособности не только «Standard Oil» как самого крупного владельца стальных вагонов, но и всех остальных предприятий. Запрет на использование цистерн исключительно в области межштатной торговли мог затронуть деятельность всего бизнеса. В частности, автор письма пояснял: «Множество других жидких товаров теперь также перевозятся в цистернах. Например, раньше всю серную кислоту мы получали в стеклянных бутылках. Если бы данный закон был одобрен, то издержки транспортировщика выросли бы, как минимум, на 50%» [11, р. 2]. По этим причинам он отождествлялся со «своеобразным бумерангом, брошенным в трест Рокфеллера безответственной силой, которая уберет ни в чем не повинных нефтепереработчиков с рынка, не достигнув конечной цели» [11, р. 2–3]. В конце письма Уорнер весьма настойчиво рекомендовал Шерману прислушаться к мнению мелких нефтепроизводителей: «Мы искренне рассчитываем, что Вы, тщательно изучив все аспекты этого вопроса, не сделаете ничего такого, что усугубит те трудности, с которыми мы сейчас сталкиваемся

каждый день, ведя дела о нарушении конкуренции с огромным трестом и его беспощадной мощью» [11, р. 3].

Из работ, принадлежащих Дж. Шерману, следует, что его действия не всегда отвечали стремлению возродить свободную конкуренцию на рынке и тем самым ограничить произвол монополий [12]. Эпистолярное наследие сенатора свидетельствует о том, что он не был «адвокатом корпораций», но также не был и защитником малого и среднего бизнеса, вытесняемого из экономической жизни корпоративными гигантами. Наибольшее влияние на него как сенатора из Огайо оказывали запросы небольших нефтяных компаний, находившихся в его родном штате. Всякий раз, когда к нему обращались с просьбами о запрете представления железными дорогами скидок за транспортировку нефти в цистернах, Шерман шел навстречу пожеланиям своих избирателей, несмотря на то, что подобные запреты могли существенно повысить цены на топливо. Как писал ему глава компании «National», мелкие компании могли окончательно потерять возможность конкурировать с трестом Рокфеллера, будучи лишенными самых бюджетных способов доставки нефти.

Американский исследователь А. Чэндлер отмечал, что царившие в нефтяной отрасли «антитрестовские настроения» были схожи со взглядами, господствовавшими и в других отраслях промышленности. По его мнению, во многих случаях антитрестовская агитация основывалась на неприятии технологических инноваций малым и средним бизнесом в транспортировке, в частности в виде новых типов железнодорожных вагонов и цистерн, постепенно вытеснявших с рынка неэффективные средства и новые технологии доставки грузов [13, р. 222–223].

Из содержания писем архива следует, что на Дж. Шермана оказывали давление различные группировки нефтедобывающих компаний. Вопреки распространенному среди многих современных исследователей мнению, малый и средний бизнес не был един в своей борьбе с крупными компаниями, что во многом предопределило быстрый переход к модели корпоративного капитализма в США [5, р. 7]. После отклонения замысла законопроекта о перевозке нефти в цистернах в сенатском комитете по вопросам финансов [14, р. 92–93], независимые производители, особенно средний бизнес, стали требовать от сенатора более решительных действий.

С. Мэйджор, один из руководителей сталелитейной компании «John Deere Co.» из штата Иллинойс, 29 августа 1888 г. написал Дж. Шерману письмо с просьбой поддержать его предложение о запрете трестов. В нем в качестве причины преуспевания трестов он назвал чрезвычайно высокие таможенные пошлины: «...цены, контролируемые монополистическим объединением, гораздо выше, чем они были бы в противном случае на открытом рынке» [15, р. 1–2]. Ссылаясь на собственный опыт, глава компании заявил, что цена так называемой «литой стали с мягкой сердцевиной» с 1880 по 1887 г. возросла более чем в 1,5 раза. «Будь в наших сводах законов строгое антитрестовское законодательство как элемент закрепления традиционной американской системы свободного рынка и честной конкуренции, в котором определялось наказание для лиц, вступающих в сговор друг с другом с целью ограничения производства и контроля цен, то его последствием был бы более равномерный диапазон цен» [15, р. 2], — утверждал С. Мэйджор. Данное письмо содержит два явных противоречия. С

одной стороны, нефтепроизводители, подобно многим современникам, утверждали, что высокие тарифы способствовали процветанию трестов, но при этом охотно пользовались преимуществами протекционизма для собственной выгоды, о чем подробно информировали передовицы газеты «New York Times» [16]. С другой стороны, по мнению руководителя «John Deere Co», антитрестовский закон должен быть нацелен против «активной и бескомпромиссной конкуренции», которая «стимулирует падение цен ниже издержек». На самом деле существовало множество доказательств того, что разрушительные ценовые войны способствовали обогащению монополий, а также вели к разорению не только мелких, но и даже средних предприятий.

Одним из характерных источников, доказывающих тезис о губительности подобного типа ценовых войн для среднего бизнеса, можно назвать письмо М. Каллахена, директора компании «Wave Trust Co.». В нем говорилось, что рентабельность производства стальных труб в связи с началом массового строительства нефтепроводов трестом «Standard Oil» упала почти до нуля: «Несмотря на увеличение заказов и рост производства, уровень прибыли все время снижается вместе с падением цен на сталелитейные изделия из-за захвата огромной доли рынка объединением Э. Карнеги и началом строительства магистральных трубопроводов Рокфеллером» [17, р. 1]. По его словам, заказы отдавались преимущественно крупным сталелитейным объединениям наподобие «Carnegie Steel».

Накануне внесения в сенат законопроекта о запрете монополистических объединений Дж. Шерман получил письмо от Ч. Тарбелла, директора компании «Ohio Oil» (отца «разоблачительницы» трестов начала XX в. И. Тарбелл), в котором он рекомендовал как можно жестче сформулировать положения билля и признать вне закона любые монополии в целом: «Считаю необходимым проинформировать вас о позиции большинства независимых нефтепроизводителей штата Огайо, полагающих, что необходимо признать противозаконными любые торговые объединения для того, чтобы нанести решительный удар по монополиям, в том числе по “Standard Oil of Ohio” Дж. Рокфеллера» [18, р. 1]. Ни одна другая компания в письмах к сенатору от Огайо не предлагала столь радикальный вариант борьбы с монополизмом крупных трестов. По словам Ч. Тарбелла, «он понимает то сильное давление, которое оказывают на республиканцев крупные компании, и хотел бы выразить пожелание сенатору устоять в этой борьбе и прийти к компромиссу с однопартийцами и представителями демократической партии» [18, р. 1].

Так и случилось на практике. Итоговый текст антитрестовского билля Шермана получился весьма расплывчатым и, как предполагает американский исследователь М. Джозефсон, принадлежал республиканцу Д. Эдмундсу, которым были написаны пять из восьми разделов закона [1, р. 212–213]. Вторая статья была направлена конкретно против монополий: «Любое лицо, которое монополизировало или пытается монополизировать, объединяется или сговаривается с другим лицом или группой лиц для монополизации какой-либо части коммерции или торговли между штатами или с иностранными государствами, признается виновным в мелком уголовном правонарушении» [10, р. 4092]. Однако в законе отсутствовали четкие формулировки понятиям «трест» и «сговор», не было дано

определение «монополии». Автор законопроекта, сенатор Дж. Шерман, фактически перенес ответственность за его реализацию на Верховный суд и суды штатов.

На наш взгляд, антитрестовские воззрения сенатора Дж. Шермана, на которые большое влияние оказала позиция представителей малого и особенно среднего бизнеса, носили весьма умеренный характер. Как он писал в мемуарах, «моей целью не было уничтожение крупного бизнеса, главным для меня было наведение порядка в отраслях промышленности» [12, р. 195–196]. Принятое им деление корпораций на «хорошие» и «плохие» позже стало основой современной модели антитрестовского законодательства. Дж. Шерман полагал, что в его документе отражены лишь общие принципы, которыми должны руководствоваться суды при рассмотрении антимонопольных дел [19, р. 1–2].

Материалы переписки сенатора Дж. Шермана с представителями среднего бизнеса свидетельствуют о том, что именно они стали основными лоббистами закона 1890 г.; принятый антитрестовский закон в большей мере отвечал его конкретным интересам. Степень сплоченности в борьбе с трестами в среде независимых предпринимателей на момент принятия закона была довольно низкой, и такая разобщенность наряду с активизацией лоббизма со стороны финансовой элиты и среднего бизнеса явилась одной из важнейших причин принятия антитрестовского билля в умеренной формулировке. Закон Шермана 1890 г. благодаря умеренности и компромиссным положениям стал основой для будущего развития антимонопольного законодательства североамериканского образца.

Библиографический список

1. *Josephson M.* The Robber Barons: The Great American Capitalists, 1861–1901. N.Y., 1934.
2. *Nevins A.* John D. Rockefeller: The Heroic Age of American Enterprise. N.Y., 1934.
3. *Allen F.* The Great Pierpont Morgan. N.Y., 1949.
4. *Morris C.R.* The Tycoons: How Andrew Carnegie, John D. Rockefeller, Jay Gould and J.P. Morgan Invented the American Supereconomy. San Francisco, 2007.
5. *Brands H.W.* The Triumph of Capitalism, 1865–1900. N.Y., 2014.
6. *Байбакова Л.В.* Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество (последняя треть XIX в.). М., 2002.
7. *Супоницкая И.М.* Монополии и антимонополистическое движение в США в конце XIX в. М., 1991.
8. Экономический словарь. М., 2013.
9. *Sherman J.* Letters. 1889. Feb. 8 / Library of Congress. Manuscript Reading Room.
10. Congressional Records. 50th Congress, 2nd Session. Vol. XXXIX. Washington, 1891.
11. *Sherman J.* Letters. 1890. May 14 / Library of Congress. Manuscript Reading Room.
12. *Sherman J.* Autobiography. Washington, 1912.
13. *Chandler A.* Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge, 1990.
14. Congress and the Monopoly Problem. 1890–1950. U.S. Congress. House, Select Committee of Small Business. Washington, 1951.
15. *Sherman J.* Letters. 1888. Aug. 29 / Library of Congress. Manuscript Reading Room.
16. The New York Times. 1890. Feb. 10.
17. *Sherman J.* Letters. 1889. June 6 / Library of Congress. Manuscript Reading Room.
18. *Sherman J.* Letters. Ohio Oil Co. 1890. Feb. 12 / Library of Congress. Manuscript Reading Room.
19. *Sherman J.* Letters. 1889. March 5 / Library of Congress. Manuscript Reading Room.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

I.M. Ignatenko
**Modern Stage of Redistribution
of Powers between Federal
Center and Regions of Russia**

One of the main problems of the Russian federalism – the redistribution of powers between the federal center and the regions of Russia, is studied. Basic problems of improving the federal relations are indicated. Attention is paid to the issue of budget equalization at the present stage of development of the country. Directions for reforming the process of redistribution of powers that allow to outline some prospects for the development of regions are highlighted.

Key words and word-combinations: federalism, redistribution of powers, federal relations, development of regions of Russia.

Исследуется одна из главных проблем российского федерализма – перераспределение полномочий между федеральным центром и регионами России. Обозначаются основные проблемы совершенствования федеративных отношений. Уделяется внимание вопросу бюджетного выравнивания на современном этапе развития страны. Выделяются направления реформирования процесса перераспределения властных полномочий, которые позволяют наметить некоторые перспективы развития регионов.

Ключевые слова и словосочетания: федерализм, перераспределение полномочий, федеративные отношения, развитие регионов России.

УДК 321
ББК 66.03

И.М. Игнатенко

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЦЕНТРОМ И РЕГИОНАМИ РОССИИ

В Конституции РФ (п. 1 ст. 1) закреплено: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [1]. Именно Основной Закон нашего государства заложил фундамент политико-правового регулирования федеративных отношений. В п. 3 ст. 5 Конституции РФ указано: «Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации» [1]. Важно отметить, что все регионы России имеют равные права в отношениях с федеральным центром и между собой.

Вместе с тем федеративные отношения

требуют постоянного развития. Перераспределение полномочий между федеральным центром и регионами России является одной из ключевых проблем российского федерализма, поскольку от того, каким образом и в каких пропорциях полномочия установлены, а затем будут перераспределяться, зависит эффективность работы органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях.

Прежде всего следует уточнить смысл слова «полномочие». В Конституции РФ понятия «полномочие» и «предмет ведения» не объединены. Сам термин «полномочие» начал употребляться в русском языке в XVII в. Теоретически юридический смысл данного понятия трактуется как способность субъекта права совершать юридически значимые действия, которой он наделяется другим субъектом права. В прикладном понимании этого термина соединились право на соответствующую деятельность и обязанность ее выполнения (реализации права).

Особенностью полномочий в федеративной России является неодинаковое соотношение права и обязанности на различных уровнях власти. В полной мере это распространяется и на перераспределяемые полномочия [2, с. 83]. Предметы ведения, регулирование которых отнесено к компетенции Российской Федерации, и предметы ведения, находящиеся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, прописаны в ст. 71–72 Конституции РФ. Рассматривая развитие федеративных отношений в Российской Федерации, следует констатировать, что нынешняя модель федерализма не является окончательным вариантом. Следовательно, на современном этапе необходимо дальнейшее реформирование системы федеративных отношений с целью поиска наиболее эффективных форм взаимодействия частей государственного механизма [3, с. 3].

Российская модель федерализма прошла несколько этапов в своем развитии, в которых прежде всего отразились «волнообразные» тенденции как децентрализации, так и централизации властно-управленческой вертикали. Речь идет о постоянном перераспределении компетенций государственного и муниципального управления, изменении управленческих полномочий и процедур взаимодействия территориальных структур федеральных органов власти и органов власти субфедерального уровня [4].

М.В. Глигич-Золотарева считает, что начиная с 1990 г. и по настоящее время четко просматриваются четыре этапа развития федеративных отношений: период с 1990 по 1993 г. – так называемый «парад суверенитетов»; с 1993 по 2000 г. – «парад заключения договоров»; период начальной стабилизации – с 2000 по 2003 г.; период относительной стабилизации – с 2003 г. по настоящее время [5].

Конституция РФ 1993 г. установила различные ограничения для процессов децентрализации в государственной системе. При этом в стране сохранилась тенденция асимметричного развития взаимоотношений «центр – регионы». В начале 1990-х годов государственная региональная политика была ориентирована на тушение локальных «пожаров»; федеральные власти должны были опера-

тивно реагировать на различные действия со стороны регионов. Именно в это время появилась практика заключения договоров о разграничении полномочий и предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами.

Дальнейшее развитие системы управления территориями связано с принятием в мае 2000 г. важного решения об образовании федеральных округов, представляющих собой своего рода надстройку по отношению к субъектам Федерации, управление которыми осуществляется с более высокого властного уровня. В установленной иерархии власти также можно отметить и роль округа как «канала взаимодействия» в отношениях между федеральным центром и регионами. Деятельность института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах позволила решать одну из сложнейших задач в системе двухуровневого управления – разграничение федеральных и региональных полномочий [6].

Рассматривая процессы распределения и перераспределения полномочий между федеральным центром и регионами России, исследователи выделяют три вопроса, которые требуют решения: 1) полномочия, как таковые (то есть необходимо определить их перечень для передачи на уровень субъектов Федерации); 2) основа передачи полномочий (обязательные или добровольные; по принципам симметрии или асимметрии); 3) финансовая составляющая (то есть каким образом будут компенсироваться передаваемые полномочия).

Сложившаяся система разграничения полномочий стала определенным основанием развития федеративных отношений, при этом центр практически полностью контролирует содержание и финансирование полномочий. Основное влияние на финансовую неустойчивость в субъектах РФ оказало различное проявление кризисных явлений 1990-х годов. Вплоть до настоящего времени наблюдается дальнейшая централизация и унитаризация. Одной из наиболее важных проблем, требующих решения в условиях изменения социально-экономического уклада в результате радикальных реформ в России, является организация взаимодействия государственных и региональных управляющих систем и органов. Последовательная ориентация на формирование экономических основ федеративного государства может быть обеспечена только механизмом комплексного регулирования регионального развития [7, с. 170].

Как известно, круг решаемых вопросов, прав и обязанностей между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ разграничен в соответствии с Конституцией РФ, это касается и сферы бюджета. Каждая административно-территориальная единица Российской Федерации имеет свой бюджет, в рамках которого сформированные средства предназначаются для обеспечения задач и функций, отнесенных к предметам его ведения. В ст. 14 Бюджетного кодекса РФ он назван региональным бюджетом [8, с. 170].

Важнейшей составляющей федеративных отношений является бюджетный федерализм. По определению А.Г. Игудина, «бюджетный федерализм – это отношения в государстве с федеративным устройством в части разграничения

бюджетных прав и полномочий, налогов и расходов между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов Федерации, а также внутри последнего между региональным бюджетом и местными бюджетами» [9, с. 11]. Региональное развитие современной России сталкивается с целым комплексом проблем. Для построения реального бюджетного федерализма необходимы серьезные усилия и продолжительное время. Наиболее проблемным является совместное ведение. Следует отметить, что межбюджетные отношения зависят от объема финансовых ресурсов в бюджетной системе страны.

Основным принципом эффективного функционирования модели бюджетного федерализма является адекватность объема доходных полномочий регионов объему расходных. В российской практике возникают горизонтальные финансовые дисбалансы. На это оказывают непосредственное влияние такие факторы, как ресурсный потенциал, природно-климатические условия, сложившаяся структура производства, различные национальные и исторические особенности регионов. Наблюдается также вертикальный дисбаланс, который порожден высокой централизацией бюджетных средств в стране. Для решения указанных проблем должна быть выработана политика бюджетного выравнивания, когда можно говорить об эффективном перераспределении, но уже не полномочий, а средств и ресурсов от богатых регионов бедным. Эффективность предполагает выравнивание, но не снижение стимула к экономическому росту, что может спровоцировать тенденцию иждивенчества.

Большая часть регионов России имеет дефицитный бюджет. В связи с этим возникла проблема не только экономического, но и политического характера. Лишь немногие регионы достигают некоторой сбалансированности бюджета собственными средствами. В современных условиях необходимо разделение федеральных налогов между центром и регионами с одновременным повышением эффективности их собираемости, за счет чего увеличится доходная часть бюджетов субъектов Федерации. Это позволит решить проблему асимметрии, а также укрепить основы федерализма в стране.

Таким образом, для вертикального выравнивания необходимо повышение собственных доходов региональных и местных бюджетов. Возможным решением может стать внесение изменений в Налоговый кодекс РФ. Эффективность горизонтального выравнивания напрямую зависит от разумной организации финансовой поддержки регионов.

В настоящее время предпринимаются определенные усилия федерального правительства, но до сих пор так и не сформирована стабильная нормативная база по расходам, учитывающая различия в природно-климатических, национально-демографических и социально-экономических условиях развития регионов. Остается открытым вопрос о предоставлении финансовой помощи отдельным регионам, таким как, например, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия. Указанным регионам выделяется достаточно большая доля средств бюджета по сравнению с другими субъектами Федерации при одинаковом объеме полномочий.

Аналитикам крайне сложно узнать объемы налоговых поступлений из бюд-

жетов одних уровней власти другим, что затрудняет выработку предложений для решения проблемы выравнивания бюджетной обеспеченности регионов и муниципальных образований. Можно выделить ключевые направления преодоления асимметрии в финансово-ресурсном обеспечении регионов Российской Федерации. Во-первых, требуется четкое и соответствующее возможностям каждого уровня бюджетной системы страны разграничение полномочий и расходных обязательств. Во-вторых, при расчете дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов с динамично растущей экономикой целесообразно принимать за базу не достигнутый ими высокий уровень, а среднероссийский показатель роста. Использование этой нормы призвано исправить сложившуюся в стране практику, при которой чем ниже темпы роста экономики региона, чем меньше наполняемость его бюджета, тем большую финансовую поддержку он получает из федерального бюджета. В-третьих, возможно, следует изменить порядок распределения созданной на территории субъектов Федерации стоимости [10].

Таким образом, становится очевидным, что проблема организации объективных финансовых отношений между центром и регионами, регионами и муниципалитетами остается сегодня одной из острейших. Накопленный в мировой практике опыт бюджетного федерализма может быть использован для модернизации модели межбюджетных отношений в России. С момента принятия Конституции РФ и до настоящего времени перечень полномочий органов власти федерального центра и регионов России постоянно пополнялся. Трансформация схемы разграничения предметов ведения и полномочий произошла после принятия ряда нормативных правовых актов. Основные из них:

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»;

Указ Президента РФ от 21 июня 2001 г. № 741 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления». Итогом работы этой Комиссии стало принятие ряда федеральных законов, закрепивших концепцию разграничения компетенции между федеральным центром и регионами;

Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”»;

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;

Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Феде-

ральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»», который привел к пересмотру других законодательных актов.

Кроме того, принято большое количество других нормативных правовых актов, в той или иной мере влияющих на схему разграничения полномочий. На протяжении последнего этапа развития федеративных отношений делаются различные попытки для улучшения данного вопроса. В частности, издано распоряжение Президента РФ от 27 июня 2011 г. № 425-рп «О подготовке предложений по перераспределению полномочий между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления». Две рабочие группы (под руководством вице-премьеров Д.Н. Козака и А.Г. Хлопонина) вырабатывали консолидированное понимание того, как именно будет меняться система налогообложения, распределяться бюджетные полномочия, переформатироваться властная вертикаль.

Проведена огромная аналитическая работа, а также выявлены некоторые несоответствия полномочий тому уровню власти, на котором они могут более эффективно реализовываться. В ходе сбора предложений по вопросу передачи полномочий на другой уровень регионы предлагали, с одной стороны, отдать федеральному центру около 250 полномочий, а с другой – передать с федерального на региональный уровень около 700 полномочий. По некоторым направлениям были выявлены общие интересы. В то же время до сих пор исполнение многих полномочий, которые регионы предлагают передать им полностью, дублируется. Примером могут служить полномочия по осуществлению контроля за соответствием качества оказываемой медицинской помощи установленным федеральным стандартам и полномочия по осуществлению контроля за применением цен на лекарственные препараты, включенные в перечень жизненно необходимых, и таких примеров – сотни [2, с. 86–88].

Таким образом, для передачи полномочий на уровень субъектов РФ необходимо выбрать наиболее целесообразный и эффективный путь, в первую очередь законодательный. Важнейшим прямым регулятором являются целевые программы, обеспечивающие эффективное решение различных задач на всех уровнях власти.

В работе В.Н. Лексина представлены предложения о перераспределении полномочий между центром и регионами:

1) закрепление государственных полномочий только в федеральных законах при строгой регламентации подзаконно-творческой деятельности федеральных органов исполнительной власти, направленной на реализацию положений, содержащихся в таких законах;

2) разработка и принятие Федерального закона «О порядке установления, ресурсного обеспечения и перераспределения полномочий между органами власти Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований».

Предлагаемый Федеральный закон должен закрепить положение о том, что главным предметом оценки деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов власти является исполнение закрепленных за ними полномочий [2, с. 93].

М.В. Глигич-Золотарева неоднократно предлагала составить подробный перечень полномочий с описанием необходимых действий для исполнения каждого из них. Оценка эффективности и результативности установления и перераспределения (передачи) полномочий должна стать основой для принятия любых решений в этой сфере [2, с. 93].

В заключение следует подчеркнуть, что при принятии решения о перераспределении полномочий между уровнями власти, в частности между центром и субъектами Федерации, необходимо учитывать интересы федерального центра, региональных властей, бизнес-структур и общественности. Только комплексное применение целесообразных решений в конкретных ситуациях, складывающихся в отношениях между федеральным центром и субъектами Федерации, способно привести к положительным результатам. Эффективное проведение реформы в области перераспределения властных полномочий откроет новые перспективы развития регионов, в том числе улучшение инвестиционного климата и увеличение показателей ряда отраслей.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. М., 2015.
2. *Лексин В.Н.* Категория полномочий в диагностике российского федерализма и качества государственного управления // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. Т. 5. № 6 (26).
3. *Петухов А.В.* Эволюция российского федерализма: политико-правовой анализ // Известия высших учебных заведений: Поволжский регион: Общественные науки. 2009. № 3 (11).
4. *Бухвальд Е.М.* Перераспределение полномочий: возможен ли новый этап развития российского федерализма? // Этап: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2012. № 1. С. 9–24.
5. *Глигич-Золотарева М.В.* Законодательная база федеративных отношений: состояние и перспективы // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 9. С. 3–7.
6. *Горшков А.С., Васецкий А.А.* О властной вертикали в системе политического устройства России (к 10-летию создания СЗФО) // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12, вып. 4 (59–60). С. 184–192.
7. *Казаков В.В.* Зарубежный опыт регионального выравнивания // Вестник Томск. гос. ун-та. 2008. № 313.
8. *Оганесян Т.О.* Правовые проблемы и пути совершенствования разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти в сфере бюджетных отношений // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115).
9. *Родионова В.М.* Бюджетный федерализм: содержание и проблемы // Финансы. 1994. № 8.
10. *Джумов А.М., Казанцев С.В.* Консолидация финансовых ресурсов в регионах // ЭКО: Всерос. экон. журн. 2007. № 12. С. 145–148.

D.S. Vorobyova
Constitutional and Legal Issues
of Children's Citizenship
in the Russian Federation
and Foreign Countries

The concept of citizenship and its impact on constitutional and legal status of a child is analyzed. The author considers the problems of observance of the rights of migrant's children and the possibility for them to obtain citizenship in the host state. The examples of foreign countries' practices are given.

Key words and word-combinations: citizenship of children, foreign countries, migrant's children.

Анализируется понятие гражданства и его влияние на конституционно-правовой статус ребенка. Рассматриваются проблемы соблюдения прав детей мигрантов и возможность получения ими гражданства в принимающем государстве. Приводятся примеры из практики зарубежных государств.

Ключевые слова и словосочетания: гражданство детей, зарубежные страны, дети мигрантов.

УДК 342.7
ББК 67.400.3

Д.С. Воробьева

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСТВА ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В последнее время особо актуальной и злободневной является проблема защиты прав детей. Дети как одна из наиболее уязвимых категорий социума нуждаются во всестороннем внимании, заботе и в том числе охране со стороны государства. Одним из аспектов такой охраны является должное нормативно-правовое регулирование тех или иных вопросов конституционно-правового статуса ребенка.

В рамках широкого формально-юридического понимания института конституционно-правового статуса детей нуждаются в рассмотрении наиболее проблемные вопросы гражданства, которым в отечественной конституционно-правовой литературе, к сожалению, уделено не достаточно внимания.

По мнению С.А. Авакьяна, наиболее распространенное определение понятия «гражданство» следующее: устойчивая правовая связь лица с государством, выражающаяся во взаимных правах, обязанностях и ответственности [1]. Данное определение находит отражение в абз. 2 ст. 3 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 31 дек. 2014 г.) «О гражданстве Российской Федерации». По поводу этого Ж.И. Овсепян указывает на смешение понятий гражданства и правового статуса: оба представляют собой совокупность прав, свобод и обязанностей [2, с. 52]. Можно, на наш взгляд, согласиться с позицией Е.А. Лукашевой, рассматрива-

ющей гражданство как один из элементов-условий правового статуса (в широком понимании) [3, с. 99], – так, в зависимости от принадлежности к гражданству того или иного государства различается правовой статус граждан, иностранцев, лиц с двойным гражданством и других, что и предопределяет комплекс гарантируемых лицу прав, свобод, обязанностей.

Зарубежные ученые-правоведы также склонны рассматривать гражданство как правовую связь между государством и его гражданами, влекущую признание за лицом комплекса прав, в первую очередь политических [4, с. 2–4; 5, с. 283; 6, с. 283]. Однако в связи с этим возникает вопрос о возможности наделения таковыми детей.

Влияние гражданства на правовой статус ребенка отражено на законодательном уровне. Так, в целях обеспечения прав и защиты интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации, не достигших возраста 14 лет, действует Указ Президента РФ от 13 апреля 2011 г. № 444 (в ред. от 29 июня 2013 г.) «О дополнительных мерах по обеспечению прав и защиты интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации», которым устанавливается перечень документов, удостоверяющих российское гражданство детей.

В то же время в соответствии со ст. 163 Семейного кодекса РФ отношения между родителями и детьми «...определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства». Таким образом, можно констатировать, что в Российской Федерации гарантируются права проживающих здесь детей-иностранцев, правда применительно к семейно-правовой сфере отношений.

В области конституционного права существует например, проблема, связанная с конституционно-правовым положением детей трудовых мигрантов. Данная проблема проистекает прежде всего из неурегулированности вопроса о продлении срока временного пребывания на территории Российской Федерации. Так, в ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 6 апр. 2015 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» оговаривается лишь возможность продления девяностодневного срока временного пребывания иностранного гражданина в соответствии со сроком действия его патента либо разрешения на работу, но не членов его семьи, в том числе несовершеннолетних детей. Исключение составляют лишь случаи, предусмотренные особыми соглашениями между государствами, как, в частности, Договором о Евразийском экономическом союзе, подписанном в Астане 29 мая 2014 г. (в ред. от 10 окт. 2014 г., с изм. от 8 мая 2015 г.) (сторонами договора на данный момент являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация), по которому срок временного пребывания (проживания) членов семьи трудящегося мигранта напрямую зависит от срока действия трудового или гражданско-правового договора данного трудящегося (ч. 5 ст. 97). Кроме того, в связи со сложившейся ситуацией на Украине Федеральной миграционной службой РФ на официальном сайте размещена «Памятка для граждан Украины, вынужденно покинувших территорию Украины», где указывается, что для продления срока временного пребывания необходимо обратиться в территориальное подразделение ФМС России по

месту нахождения с паспортом и миграционной картой, то есть выезда с территории Российской Федерации не требуется [7]. Во всех остальных случаях отсутствие возможности продления срока пребывания детей на территории Российской Федерации обязывает родителей-мигрантов вывозить их за пределы территории России каждые три месяца, что представляется сложным физически, материально, а кроме того, как показывает исследование, проведенное по инициативе ЮНИСЕФ, отражается на учебе таких детей [8, с. 21].

Ю.М. Юмашев отмечает, что в странах Евросоюза данный вопрос нашел урегулирование в ст. 10 Регламента ЕС 492/2011, в соответствии с которой «...дети мигрантов из других государств-членов должны получать все возможные виды образования... на тех же условиях, что и дети граждан принимающего государства-члена» [9, с. 156]. Согласно ч. 3 ст. 12 Директивы ЕС 2004/38 о праве граждан ЕС и членов их семей на свободу передвижения на территории государств-членов «...дети мигрантов могут заканчивать образование в принимающем государстве-члене даже после того, как их родители вернулись на родину» [9, с. 142].

Однако еще совсем недавно ограничение существовало в Швеции, и только с 1 июля 2013 г. вступил в силу закон, предоставляющий детям мигрантов-нелегалов право на образование наравне с остальными детьми [10].

Законопроект, ограничивающий права детей-иностранцев на доступ к образованию (при отсутствии подтверждения их родителями статуса налогового резидента Российской Федерации), находится на рассмотрении Государственной Думы [11]. Поступившие на законопроект заключения и отзывы носят преимущественно критический характер. Так, Общественная палата РФ усматривает в представленном законопроекте дискриминацию лиц по признаку гражданства. В официальном отзыве Правительства РФ указывается на неправомерность предлагаемого ограничения по причине несоответствия нормам Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 31 дек. 2014 г., с изм. от 2 мая 2015 г.) «Об образовании в Российской Федерации», в частности статье 67, согласно которой в приеме на обучение по основным общеобразовательным программам в государственную или муниципальную организацию может быть отказано только при отсутствии в ней свободных мест. Указанное замечание дополняется в заключении Правового управления Госдумы, ссылающегося на норму ч. 2 ст. 43 Конституции РФ, гарантирующую каждому (в том числе и иностранцу) «общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях». Кроме того, на основании п. «б» ч. 1 ст. 28 Конвенции ООН о правах ребенка государства-участники взяли на себя обязательство обеспечить доступность различных форм среднего образования для всех детей. Таким образом, принятие рассматриваемого закона будет противоречить и международным нормам, и национальному законодательству.

С другой стороны, специалистами в области демографии и миграции высказывались идеи о наделении детей мигрантов, окончивших в России образовательное учреждение (при условии обучения не менее трех-четырех лет), пра-

вом на получение вида на жительства, что в последующем упростило бы получение такими детьми гражданства Российской Федерации [12, с. 5; 13, с. 4]. Аналогичный вопрос, следует заметить, уже составляет предмет изучения палаты депутатов парламента Италии [14].

Вопросы гражданства детей обычно регулируются общими законами о гражданстве, однако в некоторых государствах они находят отражение в рамках отдельного законодательного акта или даже на конституционном уровне. Например, в ст. 4 Конституции Намибии 1990 г. оговаривается возможность получения гражданства по рождению детьми, родители (родитель) которых являются гражданами Намибии либо постоянно проживают на ее территории (исключение составляют дети нелегальных иммигрантов) [15, с. 163].

Особого внимания заслуживает практика Соединенных Штатов Америки. Поправкой 14 к Конституции США устанавливается, что гражданами страны являются все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах, то есть каждый ребенок, родившийся в США, независимо от статуса его родителей (даже если они находятся в стране без каких-либо разрешительных документов) рассматривается в качестве гражданина страны [16, с. 394]. Кроме этого, в соответствии с Законом США о гражданстве детей гражданство приобретает ребенок, въезжающий в США на постоянное жительство (ст. 1) [17]. Таким образом, по американскому законодательству широкому пониманию подлежит приобретение гражданства по «праву почвы».

Как и Соединенные Штаты, наиболее притягательными для мигрантов являются развитые страны Западной Европы. Однако законодательство стран Евросоюза предусматривает повышенные требования для признания лица гражданином. В частности, практикуется предоставление гражданства мигрантам в третьем поколении, то есть гражданином признается ребенок, отец или мать которого хотя и не являются гражданами принимающего государства, но родились и проживают на его территории (Закон о гражданстве Королевства Нидерланды) [18, с. 29].

В Российской Федерации, как уже отмечено, привилегии в получении гражданства мигрантами существуют пока только в проекте. Автоматически предоставлять гражданство всем детям, родившимся на территории страны (по примеру США), предложил глава Администрации Президента РФ С.Б. Иванов [19]. Однако в данный момент сложно говорить о применимости этой идеи: практика и результаты опроса общественного мнения свидетельствуют о том, что население России достаточно негативно относится к приезжающим из других стран [20]. Поэтому считаем, что наиболее оптимальным является предоставление вида на жительство лицам, получившим среднее (основное) общее образование в нашей стране (при условии обучения не менее четырех лет). Получение вида на жительство следует признать важной ступенью для приобретения в дальнейшем гражданства Российской Федерации, а упрощенный порядок его выдачи лицам, окончившим российские образовательные учреждения, будет способствовать тому, что ряды граждан смогут пополнить грамотные и достаточно адаптировавшиеся в российской среде выходцы из-за рубежа.

Таким образом, можно констатировать, что для России в настоящее время

характерен более жесткий по сравнению с рядом стран порядок предоставления гражданства, в том числе детям мигрантов, родившимся и (или) проживающим в Российском государстве. Нерешенной остается проблема обеспечения таким детям права на продление временного пребывания на территории нашей страны и права на образование. На наш взгляд, созрела необходимость в либерализации отечественного законодательства в указанной области конституционного права.

Библиографический список

1. Авакьян С.А. Российское гражданство: опыт и проблемы // НПП «Гарант-Сервис». URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/modern/3541101>
2. Овсепян Ж.И. Гражданство в России (общетеоретическое, историческое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д, 2008.
3. Лукашева Е.А. Понятие и структура правового статуса // Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. 2-е изд., перераб. М., 2009.
4. Coady M. Beings and Becomings: Historical and Philosophical Considerations of the Child as Citizen // Young Children as Active Citizens: Principles, Policies and Pedagogies / ed. by G.M. Naughton, P. Hughes, K. Smith. Newcastle, 2008.
5. Devenish G.E. A Commentary on the South African Bill of Rights. Durban, 1999.
6. Dugard J. International Law: A South African Perspective. Lansdowne, 2005.
7. Памятка для граждан Украины, вынужденно покинувших территорию Украины // Официальный сайт Федеральной миграционной службы Российской Федерации. URL: http://www.fms.gov.ru/foreign_national/novisas/index_ukr.php
8. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М., 2012.
9. Юмашев Ю.М., Постникова Е.В. Экономическое право Европейского Союза. М., 2014.
10. Федякина А. Дети нелегалов в Швеции пойдут в школу наравне со всеми // Рос. газ. URL: <http://www.rg.ru/2013/06/27/shvezia-site.html>
11. Законопроект № 350713-6 «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (в части ограничения прав на образование иностранных граждан) // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=350713-6&02>
12. Грицюк М. Аттестат с правом на гражданство // Рос. газ. 2013. 14 мая.
13. Грицюк М. Ребенок по найму // Рос. газ. 2013. 17 апр.
14. Область парламентской деятельности: гражданство и иммиграция // Официальный сайт палаты депутатов парламента Италии. URL: <http://www.camera.it/leg17/292?area=10>
15. Chipepera F., Ruppel-Schlichting K.G. Children's Right to Citizenship // Ruppel O.C. Children's Rights in Namibia. Windhoek, 2009.
16. Конституция США от 17.09.1787 г. // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
17. Закон США о гражданстве детей от 30.10.2000 г. (вступил в силу 27.02.2001 г.) // Официальный сайт Службы гражданства и иммиграции США. URL: <http://www.uscis.gov/iframe/ilink/docViwe/PUBLAW/HTML/PUBLAW/0-0-0-23122.html>
18. Васильева Т.А. Эволюция института гражданства в Нидерландах // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 12.
19. Балтачева М. Взять пример с США // Деловая газета «Взгляд». URL: <http://vz.ru/politics/2014/6/20/692048.html>
20. Отношение к мигрантам // Общественное мнение – 2015. М., 2014.

A.M. Minaev
The Right to Judicial Protection
as an Element of Procedural
Legal Relationships

The structure of arbitration procedural legal relationships is investigated. Peculiarities of implementation of the right to judicial protection in the arbitration proceedings are analyzed. The basic rights and obligations of the subjects of the arbitration proceedings are presented.

Key words and word-combinations: procedural legal relationships, the right to judicial protection, arbitral tribunal, subjective rights.

Исследуется структура арбитражных процессуальных правоотношений. Анализируются особенности реализации права на судебную защиту в арбитражном судопроизводстве. Представлены основные права и обязанности субъектов арбитражного судопроизводства.

Ключевые слова и словосочетания: процессуальные правоотношения, право на судебную защиту, арбитражный суд, субъективные права.

УДК 347.91/.95
 ББК 67.410.1

А.М. Минаев

ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Право на судебную защиту является одним из основополагающих конституционных прав. В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [1]. Во многом отмеченное положение было заимствовано и отраслевым процессуальным законодательством. Так, согласно ч. 1 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее также АПК РФ) одной из задач судопроизводства в арбитражных судах является защита нарушенных и (или) оспариваемых прав и законных интересов заинтересованных лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность [2].

Как обоснованно отмечает профессор А.А. Мохов, гражданские права участников судопроизводства защищаются арбитражными судами в строгой процессуальной форме. При этом судами в определенном законом порядке устанавливаются фактические обстоятельства спора, применяются правовые нормы, определяется фактический способ защиты нарушенного и (или) оспариваемого права, выносятся соответствующие судебные акты [3, с. 28–29]. По нашему мнению, эффективная реализация права на судебную защиту невозможна без возникновения соответствующих арбитражных процессуальных правоотношений, которые, в свою очередь, обладают определенными особенностями.

По мнению представителя московской

юридической школы М.К. Треушникова, арбитражные процессуальные правоотношения обладают свойствами, которые характерны и для других правоотношений. Так, подобные правоотношения могут существовать лишь на основе правовых норм между определенными субъектами, закрепляют юридически взаимное поведение их участников и обеспечены силой государственного принуждения. Ученый отмечает, что обязательным участником подобных правоотношений выступает арбитражный суд, что в первую очередь опосредовано задачами арбитражного судопроизводства. Суд, будучи специализированным органом государственной власти, обязан рассматривать и разрешать гражданские дела по существу. При этом, по мнению названного автора, властный характер полномочий арбитражного суда не подразумевает, что последний в арбитражном судопроизводстве обладает исключительно процессуальными правами, а все остальные участники процесса – процессуальными обязанностями. В нормах процессуального законодательства зачастую прямо закреплена корреспондирующая обязанность арбитражного суда по отношению к иным участникам арбитражного судопроизводства. В частности, арбитражный суд обязан принять исковое заявление по гражданскому делу, если оно подано в соответствии с требованиями процессуального законодательства [4, с. 117–118]. Во многом аналогичную позицию занимают и другие ученые, в частности Н.А. Чечина [5, с. 21–22].

В научной литературе выделяются также иные признаки арбитражных процессуальных правоотношений. В частности, О.С. Черникова отмечает исключительно правоприменительный характер деятельности арбитражного суда, так как арбитражный суд и иные участники правоотношений своими действиями не вправе создавать новые нормы права, а должны лишь применять имеющиеся процессуальные и материальные нормы. Кроме того, арбитражные процессуальные правоотношения характеризуются стадийным развитием. По нашему мнению, в арбитражных процессуальных правоотношениях отмеченный признак имеет важное значение. Так, заинтересованное лицо, обращаясь за защитой своих нарушенных прав в арбитражный суд с соответствующим исковым заявлением, инициирует судопроизводство в суде первой инстанции. В случае несогласия с вынесенным судебным актом заявитель вправе обжаловать его в вышестоящие инстанции в апелляционном и кассационном порядке, а также в порядке надзора, а кроме того, вправе требовать принудительного исполнения судебного решения.

Другой характерной чертой для арбитражных процессуальных правоотношений, по мнению О.С. Черниковой, является их системность. Субъективные права и юридические обязанности лиц, участвующих в деле, предусмотрены процессуальным законодательством, тесно связаны друг с другом и влекут правовые последствия как для арбитражного суда, так и для других участников процесса. Реализация процессуальных прав и обязанностей возможна только в рамках процессуальных правоотношений [6, с. 32–33]. Структура арбитражных процессуальных правоотношений аналогична структуре правоотношений в общей теории права и состоит из субъектов, объектов правоотношения, а также содержания последних.

Субъектами арбитражных процессуальных правоотношений выступают не-

посредственно арбитражный суд, граждане (физические лица) и организации (юридические лица). Кроме того, в прямо предусмотренных процессуальным законом случаях субъектами могут выступать иностранные физические и юридические лица, а равно лица без гражданства. Каждый участник преследует в арбитражном процессе свои цели и соответственно этому занимает в нем строго определенное положение: истца, ответчика, третьего лица и др. – в исковом производстве; заявителей, заинтересованных лиц – в административном (публичном производстве). Согласно своему процессуальному положению каждый участник наделяется определенной совокупностью прав и обязанностей.

В научной литературе субъекты гражданских процессуальных правоотношений условно разделяются на три группы: арбитражный суд; лица, участвующие в деле; лица, содействующие осуществлению правосудия. Характеризуя арбитражный суд как участника арбитражных процессуальных правоотношений А.М. Фаргиев отмечает, что указанный суд, являясь органом судебной власти, выполняет публично-правовые обязанности государства в рамках процессуального законодательства; при этом компетенция органа правосудия в данном случае определяется нормами федеральных конституционных и федеральных законов [7, с. 43]. По нашему мнению, именно арбитражный суд в силу своего специального статуса как органа, осуществляющего правосудие, обязан обеспечить право заинтересованного лица на судебную защиту, что часто находит свое подтверждение в процессуальном законодательстве. В частности, как уже было отмечено, в соответствии с ч. 2 ст. 127 АПК РФ арбитражный суд обязан принять к производству исковое заявление, поданное с соблюдением требований, предъявляемых Кодексом к его форме и содержанию.

Ко второй группе субъектов арбитражных процессуальных правоотношений относятся лица, участвующие в деле. Эта группа участников процесса занимает центральное место среди других субъектов. Лица, участвующие в деле, выполняют в арбитражном судопроизводстве важную роль. Их деятельность активно влияет на возникновение, изменение и прекращение арбитражных процессуальных правоотношений. Согласно ст. 40 АПК РФ лицами, участвующими в деле, являются стороны, заявители и заинтересованные лица – по делам особого производства, по делам о несостоятельности (банкротстве) и в иных случаях, предусмотренных АПК РФ, третьи лица, прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и организации, граждане, обращающиеся в арбитражный суд в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом. Всех указанных лиц отличает наличие определенной юридической заинтересованности в исходе дела, однако при этом степень подобной заинтересованности у данных лиц не одинакова.

Одна группа лиц, участвующих в деле (стороны, а также третьи лица в исковом производстве, заявители и заинтересованные лица по делам, возникающим из административных (публичных) правоотношений), присутствует в арбитражном судопроизводстве для защиты своих субъективных прав и законных интересов. Таким образом, отмеченные лица имеют как материально-правовую, так и процессуально-правовую заинтересованность в исходе дела. Другая группа лиц, участвующих в деле (прокурор, государственные органы, органы мест-

ного самоуправления и др.), защищает в процессе не свои, а государственные либо общественные интересы или права, свободы и законные интересы других лиц. В связи с этим отмеченные лица обладают лишь процессуально-правовой заинтересованностью.

По нашему мнению, именно ввиду своей прямой заинтересованности в исходе спора лица, участвующие в деле, широко реализуют свое право на судебную защиту, что находит свое отражение в соответствующих распорядительных действиях сторон. Так, заинтересованное лицо, как было отмечено, вправе инициировать судопроизводство путем подачи искового заявления (ст. 125 АПК РФ), ответчик вправе представить отзыв на исковое заявление (ст. 131 АПК РФ) или же предъявить встречный иск (ст. 132 АПК РФ), истец вправе изменить предмет или основание искового заявления, отказаться от заявленных требований полностью или частично (ст. 49 АПК РФ) и т.д. Как обоснованно утверждает профессор Т.А. Григорьева, субъекты правоприменения обладают определенной свободой в выборе осуществления субъективного права или исполнения юридической обязанности в зависимости от фактической ситуации, что подтверждает наличие элементов децентрализованного регулирования.

К третьей группе субъектов арбитражных процессуальных правоотношений относятся лица, которые содействуют осуществлению правосудия. Для оказания содействия обоснованному и своевременному разрешению дела в процесс могут привлекаться специалисты, эксперты, переводчики, свидетели. Данные лица являются субъектами арбитражных процессуальных отношений, наделяются определенными процессуальными правами и обязанностями, но в отличие от лиц, участвующих в деле, не обладают юридической заинтересованностью в исходе спора [8, с. 826–827]. С точки зрения С.Ж. Соловых, субъективное право на судебную защиту, теряя в процессе реализации свой абсолютный характер, становится относительным субъективным процессуальным правом потому, что в последнем случае в рамках процессуальных правоотношений выделяется не только правообладатель, но и обязанный конкретный субъект, то есть тот компетентный арбитражный суд, который обязан принять к своему производству требование о защите, рассмотреть его и вынести соответствующий судебный акт.

Фактически возникновение арбитражных процессуальных правоотношений правообладателя с арбитражным судом поставлено законодателем в зависимость от начала реализации субъективного права на судебную защиту. Для арбитражного суда как органа государственной власти, наделенного функциями отправления правосудия, значение реализации права на судебную защиту заключается в необходимости определенного претерпевания действия субъективного процессуального права на инициирование судебной деятельности. Претерпевание действия субъективного процессуального права на стадии возбуждения производства по делу для арбитражного суда заключается в исполнении обязанностей, сформулированных в ст. 127–129 АПК РФ. Таким образом, ученый приходит к выводу, что арбитражное процессуальное законодательство закрепляет реализацию права на инициирование судебного разбирательства, устанавливая порядок и основания обращения в арбитражный суд первой инстанции [9, с. 78].

Единообразное толкование объекта арбитражных процессуальных правоотношений в настоящее время в научной литературе отсутствует. В.В. Ярков под объектами рассматриваемых правоотношений понимает дела (споры), которые подведомственны арбитражным судам [10, с. 15]. По мнению Р.Ф. Гафарова и Д.Н. Горшунова, объект гражданско-процессуального правоотношения – то, на что фактически направлено осуществление судопроизводства, область юридически значимых связей, в рамках которой арбитражным судом рассматривается и разрешается гражданское дело.

Определение правильного вида судопроизводства является прерогативой арбитражного суда вне зависимости от соответствующих доводов истцов или заявителей. В рамках соответствующего вида производства подлежат защите либо установлению субъективные права и свободы в зависимости от характера материально-правовых отношений, лежащих в их основе, то есть фактически арбитражный суд определяет объект арбитражного процессуального правоотношения. В любом случае требование заинтересованного лица, обратившегося в суд, не зависит от избранной им формы обращения, а обусловлено именно характером правоотношения, объект которого должен быть установлен непосредственно арбитражным судом [11, с. 52]. Как отмечает И. Зайцев, для любого спора о праве характерны две спорящие стороны, одна из которых предположительно или действительно нарушает (оспаривает) субъективные права и законные интересы другой стороны, в связи с чем последняя обращается в суд [12, с. 2].

Под содержанием арбитражных процессуальных правоотношений в научной литературе понимается их фактически и юридически обусловленная объективная сторона, которая состоит в реализации корреспондирующих субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений. Содержание арбитражного процессуального правоотношения позволяет определить, относительно каких именно действий (бездействия), иных внешних по отношению к субъекту обстоятельств требуется судебное решение.

Для искового производства характерно проявление действий (бездействия), связанных с нарушением (угрозой нарушения) прав и законных интересов истца, невыполнением возложенной в соответствии с законом либо вытекающей из сделки обязанности, ее ненадлежащим осуществлением. В данном виде арбитражного судопроизводства в наибольшей степени проявляются дискреционные полномочия суда – возможность усмотрения, а также оценки доказательств и иных обстоятельств [11, с. 54].

В заключение сформулируем основные признаки, характеризующие арбитражные процессуальные правоотношения. По характеру содержания данные правоотношения являются охранительными, так как связаны с защитой арбитражными судами нарушенных и (или) оспариваемых прав и законных интересов заинтересованных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, что является одной из задач арбитражного судопроизводства (п. 1 ст. 2 АПК РФ). С учетом степени конкретизации субъектов правоотношения арбитражные процессуальные правоотношения являются относительными, так как после возбуждения производства по делу арбитражный суд определяет состав лиц, участвующих в деле, а также иных участников арбитражного судопроизводства.

По характеру обязанности арбитражные процессуальные правоотношения являются активными, так как субъективное право одной стороны правоотношений корреспондируется с обязанностью другой стороны в совершении определенных положительных действий. Так, в частности, при подаче заинтересованным лицом соответствующего искового заявления арбитражный суд обязан принять к производству последнее, если оно подано с соблюдением требований АПК РФ к его форме и содержанию (ч. 2 ст. 127 АПК РФ). Кроме того, как уже отмечалось, арбитражные процессуальные правоотношения носят публичный характер, так как арбитражный суд является обязательным участником подобных правоотношений, без его участия правоотношения вообще не могут складываться. Таким образом, фактическая реализация права на судебную защиту является важнейшей функцией правового государства и способствует как эффективному и своевременному осуществлению правосудия, так и повышению доверия граждан и юридических лиц к судебной системе.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993, с изм. от 21 июля 2014 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. от 8 марта 2015 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2015. № 10. Ст. 1411.
3. Гражданский процесс: учебник / Н.П. Артипов, В.А. Бабаков, И.А. Волков [и др.]; под ред. А.Г. Коваленко, А.А. Мохова, П.М. Филиппова. М., 2008.
4. Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова [и др.]; под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
5. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004.
6. Смушкин А.Б., Суркова Т.В., Черникова О.С. Гражданский процесс: учеб. пособие. М., 2007.
7. Фаргиев А.М. Гражданско-процессуальная правоспособность судебного органа // Российский судья. 2011. № 10.
8. Григорьева Т.А. Основы знаний об арбитражном судопроизводстве // Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / под ред. С.Ф. Афанасьева. М., 2013.
9. Соловых С.Ж. Конкретизация содержания субъективного процессуального права на доступ к правосудию в арбитражном судопроизводстве // Современное право. 2013.
10. Арбитражный процесс: учебник / А.В. Абсалямов, И.Г. Арсенов, Е.А. Виноградова [и др.]; отв. ред. В.В. Ярков. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
11. Гафаров Р.Ф., Гориунов Д.Н. Проблемы определения вида гражданского судопроизводства: теоретические основания и практические аспекты // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1.
12. Зайцев И. Административные иски // Российская юстиция. 1996. № 4.

I.Yu. Surkova, Yu.I. Tarsky
Paradoxes of the Higher
Education System Modernization
on the European Model

Issues of the higher education system modernization on the European model are studied. Implementation effectiveness of the continuous education principles, active scientific students' mobility, and credit system of training is considered. The correlation between the higher education system modernization processes and the modern political situation, the Russian traditions of training and the problem of "brain drain" is analyzed.

Key words and word-combinations: modernization, higher education, Bologna Process, scientific mobility, organization of educational process.

Исследуются проблемы модернизации системы высшего образования по европейскому образцу. Рассматривается эффективность реализации принципов непрерывного образования, активной научной мобильности студентов, кредитной системы обучения. Анализируется связь процессов модернизации высшего образования с современной политической обстановкой, российскими традициями обучения и проблемой оттока кадров за рубеж.

Ключевые слова и словосочетания: модернизация, высшее образование, Болонский процесс, научная мобильность, организация учебного процесса.

УДК 378
ББК 74.58

И.Ю. Суркова, Ю.И. Тарский

ПАРАДОКСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО ЕВРОПЕЙСКОМУ ОБРАЗЦУ

Процессы глобализации трансформировали облик большинства современных обществ, что, безусловно, отразилось на системе высшего образования, а также на управленческих стратегиях, используемых в высшей школе. Трансформация пространственно-временных параметров социальных процессов, создающих целостность мирового порядка, актуализировала проблему универсализации образовательной среды, взявшей курс на европейскую модель подготовки профессионалов. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на проблему интеграции России в единое образовательное пространство через реализацию Болонских соглашений.

Модернизация российского образования обусловлена несколькими факторами, опосредованными глобализацией. Во-первых, современный мир становится похожим на «глобальную деревню», где взаимозависимость

является результатом взаимодействия причин и следствий во всеобщей структуре [1, с. 32], а информационные потоки, благодаря новейшим техническим средствам, создают масштабную сеть коммуникаций / телекоммуникаций и уплотняют пространственно-временные дистанции. Под влиянием глобализации унифицируются потоки информации, их идеологическое наполнение, отбор и интерпретация фактов, в результате чего наблюдается слияние информационных национальных пространств в единое целое [2, с. 175]. Как пишет О.Н. Ежов, интернет-коммуникации позволили расширить диапазон распространения и трансформировать «время-длительность» во «время-деятельность» [3, с. 337]. Посредством инновационных технологий изменяются отношения в образовательной среде, поскольку техническая структура общества порождает инновационные методы обучения с использованием мультимедийных презентаций, интерактивных досок, видеороликов, фоторепортажей, а также новых форм дистанционного преподавания (применение электронной почты, скайп-трансляции; видеоконференции).

Во-вторых, темпоральные границы сужаются, и события, происходящие в одной части света, молниеносно становятся известными в другой. Мир воспринимается как социальная система, поэтому становится очевидным не просто распространение информации, а взаимовлияние процессов друг на друга. Конгрессы, конференции, научные школы, семинары позволяют аккумулировать информацию, распространять ее не только среди участников, но и во всем мировом пространстве, опять же через социальные сети, окутывающие, словно паутиной, всю планету. Безусловно, любые действия, выходящие за пределы повседневных образовательных практик, например забастовки испанских студентов против повышения цен на обучение (21 октября 2014 г.) или итальянских студентов против бюджетной политики в образовании (14 ноября 2012 г.), моментально становятся достоянием общественности.

В-третьих, все больше появляется людей-космополитов, пропагандирующих идеи мирового гражданства, при этом возникает запрос на унификацию требований к образовательным стандартам, способствующую признанию дипломов с возможностью последующего трудоустройства.

В-четвертых, происходит «разгосударствление» системы международных отношений, что ведет к формированию планетарного социума [4, с. 21–22]. Это проявляется в создании организаций наднационального характера, не связанных с каким-либо конкретным государством. Так, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, основанная в 1946 г., выступает за содействие укреплению мира и безопасности за счет расширения сотрудничества в области образования, науки и культуры, пропагандирует недискриминационную политику, соблюдение законности и прав человека.

Катализатором перестройки российской вузовской системы стал Болонский процесс, начало которого положено подписанием в 1999 г. в Италии Болонской декларации с целью создания единого европейского пространства высшего образования. В совместном заявлении европейских министров образования говорится: «Мы являемся свидетелями возрастающего понимания все большей части политического и академического мира в потребности установления более

тесных связей во всей развивающейся Европе, в формировании и укреплении ее интеллектуального, культурного, социального и научно-технологического потенциала» [5]. Это становится возможным из-за введения системы сопоставимых научных степеней, двухступенчатой системы образования, системы академических кредитов; благодаря стимулированию мобильности, продвижению европейских стандартов высшего образования, фокусировке на непрерывном обучении, установлению взаимодействия в европейском научном пространстве.

Ответом на вызовы глобализации стала модернизация системы российского образования, при этом требуется, с одной стороны, чтобы образовательная среда отвечала лучшим мировым стандартам, а с другой – чтобы она была адекватна отечественным социокультурным особенностям и воспроизводила передовой отечественный опыт образовательной деятельности [6, с. 118]. За любыми оптимизациями, связанными с унификацией, есть большая вероятность потерять самобытность, традиции и отечественные наработки в области образования. Эта опасность во многом грозит российской высшей школе при использовании единых европейских стандартов в рамках Болонских соглашений. Кроме того, существует опасение в снижении качества образования за счет укрупнения специальностей и преподавания по «облегченным, усредненным программам» [7, с. 11].

Повышение качества высшего образования и модернизация подготовки специалистов нового типа, отвечающих требованиям современного рынка труда и запросам потенциальных работодателей, становится центральным звеном при реализации реформ. Различные представления о качестве создают широкий диапазон оценочных подходов и критериев эффективности получаемых студентами знаний и навыков. Однако глобализация поставила задачу унификации стандартов, поскольку «идеальный образ качественной услуги подразумевает связанные между собой процесс, результат, сопоставимость цели и результата, достижение цели с наименьшими затратами» [8, с. 8].

Однако некоторые ученые считают, что Болонское соглашение нужно приветствовать для большей части специальностей, но не для всех. Например, для овладения профессиями врача, авиастроителя, военнослужащего требуются специальные углубленные знания, не всегда сопоставимые с европейскими стандартами [9, с. 151–153]. Кроме того, довольно расхожим становится мнение о том, что Болонские соглашения – это потребность объединенной Европы, а присоединение к процессу интеграции России – своего рода демонстрация неэффективности отечественной системы образования. Это тем более очевидно на фоне событий последнего времени, показавших достаточно антагонистические отношения между Европой и Российской Федерацией, все большее охлаждение и отдаление друг от друга не только в политической, но и в экономической, культурной, социальной, в том числе и образовательной, сферах (например, отказы зарубежных фондов от поддержки совместных проектов по причине «неблагонадежности российской стороны»; отказ от сотрудничества с российскими вузами западных партнеров из-за последствий санкций). Судя по всему, идея создания единого европейского пространства с вхождением в него нашей страны натолкнулась на стену политических решений, отнюдь не способствующих взаимному доверию и инклюзии.

Несмотря на это, в российских вузах началась достаточно активная работа по пересмотру образовательных стандартов, переходу на систему зачетных единиц, что позволит поставить российских специалистов на одну ступень с западными профессионалами, увеличив шансы на признание за рубежом, но при этом создаст предпосылки для нового витка утечки кадров за рубеж [10].

Реформирование высшей школы неизбежно привело к модификации управленческой структуры и организации учебного процесса, на что обращается внимание в статье А.А. Ветровой и Т.А. Бурлиной. Авторы проанализировали американские модели организации обучения и предложили адаптивный вариант учебного процесса, соотнесенного с условиями Болонской декларации [11, с. 313]. В отношении будущих государственных служащих важным представляется создание учебного плана, в первую очередь ориентированного на запросы работодателей и обратную связь с выпускниками, что позволит адекватно реагировать вузу на быстро меняющиеся условия рынка труда.

Использование в обучении индивидуального подхода, включающего как обязательную часть, так и предметы по выбору, должно ориентироваться на потребности студентов, которым будет предоставлена свобода посещения тех курсов, которые наиболее полно отвечают потребностям будущих специалистов. К сожалению, индивидуальный план студента не стал организационной основой учебного процесса, поскольку, по мнению Л.С. Яковлева, в вузе по-прежнему сохраняются субъект-объектные отношения, в которых студент – это «сырье, из которого вузовские педагоги должны сделать специалистов» [12, с. 110].

Кроме того, при европейском подходе к модернизации высшей школы преподаватели превращаются в коммерсантов, предоставляющих образовательные услуги, а студенты – в получателей этих услуг. Такой подход кардинально меняет сущность высшего образования, поскольку в высшей школе обучение профессии посредством предоставления знаний – это цель, а не услуга. Видимо, в этом кроется самое большое противоречие в использовании европейской модели преподавания на российском образовательном пространстве.

Споры о достоинствах и недостатках реформирования высшего образования в связи с процессом гармонизации и установления единого европейского пространства высшего образования затронули Национальный союз студентов Европы, который издал в 2003 г. бюллетень по результатам мониторинга. Оказалось, что учащиеся вузов привлекает в Болонской системе в первую очередь перспектива мобильности, поскольку это возможность путешествовать (благодаря кредитной системе) и работать в стране с лучшими условиями труда (благодаря стандартизации дипломов) [13]. Фактически молодые люди оценивают не качество своего образования, а возможность заниматься «академическим туризмом», посредством которого посмотришь мир и расширишь свои пространственные границы реализации шансов трудоустройства. Нельзя сказать, что подобный вид туризма носит негативную окраску, напротив, во многих случаях – это стимул для освоения других языков, познания чужой культуры, но в первую очередь это должно быть стимулом овладения теоретическими и практическими знаниями, которые в будущем успешно реализуются в профессиональной управленческой деятельности.

За время реализации Болонских соглашений оказалось, что существуют серьезные проблемы для обеспечения высокой мобильности студентов в зоне европейского пространства высшего образования. Одна из них – материальный фактор, поскольку во многих странах получение степени бакалавра или магистра сопровождается финансовыми обязательствами со стороны студентов. Так, в Норвегии на счету обучающегося должна быть сумма, обеспечивающая нормальные условия проживания, что ежегодно подтверждается банковской выпиской.

Для многих российских вузов мобильность студентов также связана прежде всего с финансовыми затратами, а уже потом является способом повышения качества и уровня образования, требующим пересмотра внутривузовских стратегий обеспечения образовательного процесса. В настоящее время подавляющее большинство российских вузов не может позволить себе командировать студентов, да и преподавателей за рубеж для проведения исследований или участия в крупных научных мероприятиях (конгрессах, конференциях, школах, курсах повышения квалификации). Кроме того, доходы вузовской интеллигенции не могут покрыть финансирование участия в данных мероприятиях, поэтому самостоятельная оплата – крайне редкий случай научной деятельности сотрудников, магистрантов и студентов высшей школы.

Реализация высокой мобильности провоцирует, помимо прочего, «утечку мозгов», что, естественно, беспокоит государства – участники Болонского соглашения [14].

Еще одним препятствием высокой мобильности на едином образовательном пространстве европейских стран становятся политические интересы, маркирующиеся сложностями получения визы, особенно в странах бывшего Советского Союза. Сложности сбора документов, подтверждающих право выезда за рубеж, сопряженные с доказательствами своей материальной состоятельности и семейного положения, а также последующая их подача в посольство отталкивают многих успешных студентов от академической активности.

Остаются и проблемы признания дипломов стран-участниц Процесса, особенно это касается подготовки докторов наук.

Знание иностранного языка (преимущественно английским, как наиболее распространенным в научном сообществе) находится по-прежнему на низком уровне. По данным последней переписи населения, английским языком владеет всего лишь 5,5% населения; немецким – 1,4%; французским – 0,4% [15, с. 134]. Более того, согласно отчету «Индекс ЕФ», Россия находится на 29-м месте из 54 стран мира и на последнем месте в Европе по уровню владения английским языком [16]. В связи с этим говорить об эффективном международном сотрудничестве в области образования и высокой научной мобильности преждевременно.

Безусловно, академическая мобильность не является основополагающим требованием образовательной модификации; в первую очередь изменения касаются структуры профессиональной подготовки, которая подразделяется на бакалавриат и магистратуру. Болонский процесс, бесспорно, является частью глобализации, что, в свою очередь, актуализирует проблему сохранения национальных традиций образования, в том числе российских академических подходов. Так,

С. Медведев отмечает: «Россия и Европа должны добиваться интеграции в сфере высшего образования. Это означает двухсторонний процесс взаимного учета интересов, причем Россия не только адаптирует свои внутренние системы в соответствии с болонскими стандартами, но также переведет свои национальные традиции на язык совместного общения...» [17, с. 36]. В связи с этим решили использовать комбинированную модель, оставив при этом на время подготовку специалистов. Фактически мы сейчас находимся в пограничной зоне, когда последние специалисты выпускаются из российских вузов, а дальнейшее образование будет выстраиваться только из расчета бакалавриата и магистратуры.

В сфере подготовки государственных служащих планируется уделять серьезное внимание системе непрерывного образования, поскольку настоящий профессионализм подразумевает регулярное обновление знаний, навыков, умений, позволяющих эффективно решать задачи различного уровня сложности. Переход на более высокие должностные ступени качественно иного уровня служебной деятельности должен быть сопряжен с обязательной многоступенчатой учебой. Остается актуальным вопрос: за чей счет будет осуществляться финансирование курсов повышения квалификации или переподготовки? С одной стороны, специалисты лично заинтересованы в повышении уровня своего профессионализма, поэтому должны вкладывать определенные ресурсы в прохождение обучения, однако в России средняя зарплата по регионам не всегда может перекрыть затраты на обучение. С другой стороны, в хорошей подготовленности своих специалистов заинтересованы предприятия, но опять же в силу экономических причин руководство не настроено оказывать материальную поддержку в области повышения квалификации.

Таким образом, начавшаяся гармонизация и модернизация высшего образования в соответствии с требованиями Болонского соглашения приближает Россию к основной цели создания единого европейского пространства высшего образования. Однако данные нововведения выявили парадоксы модернизации образования.

Во-первых, с одной стороны, унификация образовательных стандартов позволяет расширить возможность студентов в выборе образовательного учреждения и места работы по всей Европе, а с другой – есть вероятность потери национальной идентичности образовательной системы при использовании образцов европейских стандартов.

Во-вторых, использование индивидуальной модели обучения студентов с возможностью выбора курсов, вписывающихся в общий набор кредитов, на практике подменяется пожеланиями административного корпуса, например отбором предметов по усмотрению деканата, то есть в вузе продолжают господствовать субъект-объектные отношения.

В-третьих, высокая академическая мобильность, открывающаяся в рамках создания единого образовательного пространства, не только позволяет налаживать научные связи, обмениваться опытом, создавать совместные проекты, но и способствует «утечке мозгов из страны» или инициирует практики «академического туризма».

В-четвертых, идея непрерывного образования вполне обоснованно доказывает профессионалам необходимость самосовершенствования, повышения адаптивности к меняющимся условиям жизни, однако сталкивается с банальной проблемой финансовой ответственности при направлении сотрудников на курсы повышения квалификации, переподготовки или для участия в научных мероприятиях.

В-пятых, благие намерения создания единого европейского образовательного пространства с дополнительными ресурсами мобильности, непрерывного образования, унифицированными образовательными стандартами попадают на практике в зону влияния политических решений, санкций и манипуляций, что подрывает саму идею социальной инклюзии.

Библиографический список

1. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. Киев, 2003.
2. Дубровский С.В. Глобальная пирамида как результат исторического развития, характеристик социума и состояния среды // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 173–183.
3. Ежов О.Н. Онтология социального времени. Саратов, 2000.
4. Левашов В.К. Глобализация и социальная безопасность // *Социологические исследования*. 2001. № 3. С. 19–28.
5. Болонская декларация // Совместное заявление европейских министров образования, г. Болонья, 19 июня 1999 года. URL: http://www.france-jus.ru/upload/docs/Declaration_Bologne.pdf
6. Тарская О.Ю. Концептуальная модель культурно-информационной парадигмы образования // *Вестник ПАГС*. № 3. 2011. С. 117–122.
7. Малинский И.Г. Болонский процесс и проблема интеграции систем высшего образования // *Изв. Сарат. ун-та. Сер.: Социология. Политология*. 2009. № 3. С. 10–12.
8. Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2007.
9. Селуянов А.А. Проблемы реализации Болонских соглашений в рамках реформирования военного образования // *Успехи современного естествознания*. 2007. № 12. С. 151–153.
10. Демин А.А. О правовом регулировании подготовки молодых кадров для государственной службы в зарубежных государствах // *Вопросы управления*. 2012. № 2. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2012/02/56/>
11. Ветрова А.А., Бурлина Т.А. Эффективное управление учебным процессом на основе анализа опыта участия зарубежных и российских вузов в Болонском процессе // *Фундаментальные исследования*. № 11-2. 2013. С. 309–314.
12. Яковлев Л.С. Реформа образования как ключевой компонент постмодернизации // *ВУЗ. XXI век*. 2012. № 1. С. 95–111.
13. Кислицын К.Н. Болонский процесс как проект для Европы и для России. // *Высшее образование для XXI века*. 2010. № 11. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/11>
14. Bologna: At the finish line: An account of ten years of European higher education reform. Brussels, February, 2010
15. Население России, 2010–2011 / под ред А.Г. Вишневого. М., 2013.
16. Россия замыкает рейтинг европейских стран по уровню владения английским языком // Информационное агентство России ТАСС. URL: <http://tass.ru/arhiv/645383>. 1.11.2012
17. Медведев С. Болонский процесс, Россия, глобализация // *Высшее образование в России*. 2006. № 3. С. 31–36.

**Yu.Yu. Chilipenok
Three Generations
of Russian Workers:
Labor Practices Study**

Based on an empirical study carried out by the author, peculiarities of working life of three generations of Russian workers that take the most significant segment of the labor market are considered. A conclusion that features of working path of the three generations of Russian workers studied vary significantly, which manifests in almost every essential aspect of working life, is drawn.

Key words and word-combinations: theory of generations, social and labor relations.

На материалах эмпирического исследования, проведенного автором, в статье рассматриваются особенности трудовой жизни представителей трех поколений российских работников, наиболее активно представленных сегодня на рынке труда. Делается вывод о том, что особенности трудового пути представителей трех исследуемых поколений российских работников имеют существенные различия, которые обнаруживаются практически во всех основных аспектах трудовой жизни.

Ключевые слова и словосочетания: теория поколений, социально-трудовые отношения.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Ю.Ю. Чилипёнок

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ РАБОТНИКОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУДОВОГО ОПЫТА

Современные ученые уделяют существенное внимание социально-трудовым отношениям, рассматривая различные их аспекты, в частности исследуя специфику трудового опыта работников, принадлежащих к разным поколениям.

Теория поколений появилась в Америке более двадцати лет назад. Ее авторы Нейл Хоув и Уильям Штраус [1] пришли к выводу, что ценности поколений определяются социально-экономическими условиями, в которых происходило формирование личности и мировоззрения представителей этих поколений.

В России данная теория стала известна позднее и, безусловно, имеет свою специфику. Наиболее распространенная российская периодизация [2, с. 75] выглядит следующим образом:

поколение Победителей – 1900–1923 годы рождения;

Молчаливое поколение – 1923–1943 годы рождения;

поколение беби-бумеров – 1943–1963 годы рождения (мы назвали их «поколение 60», сейчас им 70–50 лет);

поколение X (Неизвестное поколение) – 1963–1983 годы рождения (мы назвали их «поколение 40», сейчас им 50–30 лет);

поколение Y (поколение Миллениум) – 1983–2003 годы рождения (мы назвали их «поколение 20», сейчас им 30–10 лет);

поколение Z – 2003–2023 годы рождения.

По данным Федеральной службы государственной статистики за 2014 г., из 143 667 тыс. человек (население России) представителей «поколения 60» насчитывается 36 036 тыс. человек (25%) от всего населения; «поколения 40» – 41 211 тыс. (28,6%); «поколения Y» – 36 272 тыс. человек (25,2%) [3, с. 71]. Именно эти поколения наиболее активно представлены на современном рынке труда.

Стремительность и кардинальность изменений, произошедших и продолжающих происходить в России, определяют современную разительность различий поколений и уникальность новейших исследовательских возможностей. Уникальность ситуации состоит в том, что возрастные категории олицетворяют не только различные поколения, но и различные эпохи. Представители «поколения 60» в настоящее время заканчивают трудовой путь, выходя на пенсию. Во времена СССР пик их трудовой деятельности пришелся на период «развитого социализма». Представители «поколения 40» переживают активный этап трудовой деятельности, добравшись до пика своей карьеры через все трудности перестройки. «Поколение 20» находится в начале трудового пути, но уже сейчас это яркие представители современных рыночных отношений.

Цель настоящего исследования: изучение специфических особенностей трудового опыта представителей трех поколений российских работников.

Для проверки гипотетических положений данного исследования проведен анкетный опрос 726 жителей Нижнего Новгорода, Казани, Самары. С учетом квоты (примерно по 80 человек в каждой возрастной группе в городе, мужчин и женщин поровну) получен следующий состав респондентов: 241 человек в возрасте 55–65 лет («поколение 60»); 245 человек в возрасте 35–45 лет («поколение 40»); 240 человек в возрасте 17–25 лет («поколение 20»). Вопросы анкеты формировались на основе предварительно проведенного качественного опроса экспертов, а в ходе пилотажного исследования удалось выявить недостатки анкеты и скорректировать ее. Итоговый вариант анкеты содержал 35 вопросов открытого и закрытого типа. Вопросы касались выбора профессии и факторов, влияющих на успешное трудоустройство и карьерный рост; оформления трудовых отношений; ценностей и мотивации к труду; ожиданий от трудовой жизни; официальных и неофициальных отношений с начальством и коллегами; конфликтов, дискриминации, использования свободного времени, отношения к выходу на пенсию и другого.

Основной гипотезой нашего исследования явилось предположение о том, что особенности периода в жизни страны, в котором формировались мировоззрения трех разных поколений, обусловили серьезные различия на всех этапах трудовой жизни этих поколений – от первичного трудоустройства до выхода на пенсию, формируя специфический для определенного поколения трудовой опыт.

В первой части исследования, посвященной вопросам первичного трудоустройства, подробно рассмотрены особенности вступления в трудовую жизнь представителей всех трех поколений [4]. Отметим некоторые интересные результаты.

Респонденты из «поколения 60» назвали наиболее престижными профессиями своего времени следующие: инженер, партийный работник, дипломат; учитель, научный работник, врач; работник торговли, высококвалифицированный рабочий, снабженец. Отметили респонденты и ряд популярных «романтических» профессий: моряки, летчики, геологи, актеры. Представители «поколения 40» указали следующие занятия и профессии: собственник бизнеса, предприниматель, чиновник, депутат; бухгалтер, юрист, риэлтор, адвокат; менеджер, секретарь-референт. «Поколение 20»: врач частной клиники (стоматолог, пластический хирург), государственный служащий; ди-зайнер, банкир, топ-менеджер; программист, менеджер по продажам.

Среди представителей всех поколений достаточно высока доля тех, кто не имел четкого представления о своих карьерных устремлениях, когда впервые шел устраиваться на работу: «поколение 60» – 21%; «поколение 40» – 37%; «поколение 20» – 25%.

Чаще других шли работать по полученной специальности представители «поколения 60» – 47%; 33% – из «поколения 20»; реже остальных начинали свой трудовой путь с работы по специальности, полученной при обучении, представители «поколения 40» – 28%, и это неудивительно, так как перестро-ечные процессы, начавшиеся в России в тот период, серьезно изменили планы большинства жителей нашей страны.

Не было большой разницы в ответах представители всех поколений, касаю-щихся возраста, когда респонденты начали свой трудовой путь: указан средний возраст 18–22 года.

Проблемы с устройством на работу в наибольшей степени знакомы «поко-лению 40» – 67%, менее – «поколению 20» – 33%, представители «поколе-ния 60» испытывали проблемы с трудоустройством крайне редко – в 11% случаев.

Основные проблемы, возникавшие в процессе трудоустройства, предста-вители «поколения 40» обозначили так: отсутствие вакантных рабочих мест и информации о вакансиях, важность наличия прописки, опыта работы, необходимость знания ПК, непригодность имеющегося образования, слож-ность понимания сути и должностных обязанностей новых профессий, от-сутствие официального оформления и т.д. «Поколение 20» среди основных сложностей отмечает: большое количество некачественной информации о вакансиях и работодателях, необходимость опыта работы, сложность с полу-чением хорошей работы и низкую оплату труда. «Поколение 60» в качестве основной проблемы отмечает отсутствие свободы выбора (направления, рас-пределения) и необходимость состоять в партии для получения хорошей должности.

Отвечая на вопрос о важности наличия высшего образования при устрой-стве на работу, представители «поколения 60» подчеркивали престижность высшего образования, которое не было общедоступным, но обеспечивало его обладателям уважение, более высокий доход и статус. «Поколение 40» не счи-тает значимой роль высшего образования в их трудоустройстве. Полученное первое высшее образование для «поколения 40» почти в трети случаев оказа-

лось не единственным. Проблемы перестроечного времени отодвинули на второй план вопросы получения (или окончания) образования, к чему пришлось вернуться через некоторое время. «Поколение 20» согласно с необходимостью наличия высшего образования для устройства на работу, но не относит его к числу наиболее важных факторов.

По мнению респондентов всех поколений, успешность трудоустройства и дальнейшей карьеры всегда зависела от нескольких факторов: образования, опыта работы, связей, личных качеств и доли удачи и везения. На первое место представители всех поколений ставят опыт, также всегда важны были связи и лишь затем образование и личные качества.

Дальнейшие вопросы к респондентам были посвящены непосредственно процессу трудоустройства. Пути поиска работы существенно различаются у рассматриваемых поколений, хотя во все времена один из самых распространенных путей – поиск работы через личные связи, родственников и знакомых, то есть по неформальным каналам (более 50% респондентов каждого поколения отметили этот вариант). Кроме того, у каждого поколения появлялись каналы поиска работы, которых не было у предыдущих: СМИ, Интернет, кадровые агентства и т.д.

«Поколению 60» в наименьшей степени знакомы проблемы прохождения собеседования при приеме на работу. Большинство респондентов сообщают, что оно было скорее формальным в отделе кадров (53%) либо вообще не было никакого собеседования (38%). «Поколение 40» также согласно с условным характером собеседований (33%) либо их отсутствием (38%). «Поколение 20» в большинстве своем считает, что сейчас пройти собеседование при приеме на хорошую работу достаточно сложно (72%).

С должностной инструкцией при приеме на работу чаще всего знакомили представителей «поколения 60» – 78%, в отличие от «поколения 40» (28%), так как для новых профессий и должностей их еще просто не было, а инструкции, сохранившиеся с советских времен, мало отражали действительное положение дел, да и вопросам официального оформления в переходный период, как правило, не уделялось должного внимания. Не часто знакомят с должностными инструкциями при приеме на работу и современную молодежь (34%), хотя сегодня должностные инструкции существуют практически для всех должностей.

Неизменно актуальным при изучении социально-трудовых проблем является вопрос дискриминации при трудоустройстве. С гендерной дискриминацией при устройстве на работу сталкивались 12% респондентов «поколения 60», 29% «поколения 40», 18% «поколения 20»; с дискриминацией по возрасту знакомы 15% опрошенных из «поколения 60», 24% «поколения 40» и 25% «поколения 20»; национальную дискриминацию заметили 3% представителей «поколения 60», 14% «поколения 40» и 37% «поколения 20».

Представлялось интересным выяснить мнение наших респондентов о проблемах адаптации на новом рабочем месте. Так, 62% из «поколения 60» указали, что не испытывали сложностей, впервые устроившись на работу, так же как и 43% из «поколения 40» и 52% из «поколения 20». Как наиболее распростра-

ненный способ адаптации респонденты «поколения 60» отметили наставничество; коллектив помогал в большей степени или «не помогал никто» представителям «поколения 40»; представители «поколения 20» также выбрали наставничество и помощь коллектива.

Следующий вопрос анкеты выявлял отношение респондентов к смене места работы. При ответе на вопрос о продолжительности работы на одном месте большинство представителей «поколения 60» (57%) ответили, что 20–25 лет работы на одном месте в их времена считалось нормой; среди опрошенных из «поколения 40» преобладает мнение, что на одном месте без изменения должностных обязанностей можно работать от 5 до 10 лет (56%); большинство представителей «поколения 20» (61%) собираются менять содержание работы каждые 3–5 лет.

Что касается переезда для работы в другой город или страну, то, конечно, это наиболее присуще молодому поколению (58% «поколения 20» отметили, что готовы переехать для работы в другой город, и 49% – в другую страну для работы). Для «поколения 60» возможность переезда для работы в другую страну была практически нулевой. «Поколение 40» также имело небольшую возможность для работы за границей, но в другой город переехать готовы были многие (43%), лишь бы была возможность заработать.

Следующий блок вопросов анкеты ориентирован на выяснение ценностно-мотивационной направленности респондентов. В целом в ходе исследования удалось выявить общую тенденцию снижения роли нематериальных мотивационных факторов от поколения к поколению, хотя полностью своего значения, они, конечно же, не утратили. Материальная мотивация важна всегда, но особенную ценность она представляет для современной молодежи.

Наиболее значимыми факторами для «поколения 20» являются: возможность карьерного роста, заработная плата и гибкий рабочий график; наименее значимый фактор – близость места работы к дому и дружеские отношения в коллективе. «Поколение 40» наиболее важными факторами считает заработную плату, приобретение нового опыта и возможность самореализации; наименее важны стабильная, спокойная работа и близость работы к дому. Для «поколения 60» ценными оказались факторы: близость работы к дому, заработная плата и стабильная, спокойная работа; наименее значимы самостоятельность в решениях и приобретение нового опыта [5].

Не удивительна и разница в ответах респондентов разных поколений об отношении к сверхурочной работе без оплаты, субботникам. Более привычна эта ситуация для представителей «поколения 60»: 72% респондентов этого поколения отметили, что в советские времена субботники были привычным делом и не воспринимались как какая-то повинность. Представители двух других поколений не отрицают полностью возможности сверхурочной работы без оплаты (32% «поколения 40» и 29% «поколения 20»), хотя относятся к этому с меньшим энтузиазмом, чем их предшественники. Процент примерно одинаков, но различны причины. Среди ответов на открытый вопрос о ситуациях, в которых это приемлемо, наиболее характерными были следующие мнения: «поколение 20»: «если это новый опыт», «если потом

получу за это какую-нибудь явную или неявную выгоду»; «поколение 40»: «если нужно помочь коллегам», «если аврал или какая-нибудь срочная и важная ситуация». Представители всех поколений (в тех или иных формулировках) обозначили такой вариант, как «если попросит (или заставит) начальник, – чтобы не портить отношения». Таким образом, если представители «поколения 60» дополнительную (а иногда и чужую) работу расценивали как показатель доверия к себе и своим силам (и могли быть даже счастливы по этому поводу), то представители «поколений 40 и 20», напротив, весьма трепетно относятся к тому, чтобы не выполнять обязанности «того парня».

Следующий блок вопросов касался ожиданий работников от работодателей. Таких ожиданий высказано множество: от стандартного обеспечения надлежащих условий труда и достойной зарплаты, путевок, детсадов, медицинского страхования, оплаты обучения, признания заслуг и поощрения инициативности и самостоятельности, хороших рекомендаций при увольнении до организации корпоративных мероприятий и «вхождения в положение работника» (отпустить пораньше, дать денег в долг) и т.д. [4, с. 167].

На вопрос «Что Вы ожидали от коллектива?» от представителей всех трех поколений получены примерно одинаковые ответы: дружеских, неформальных отношений; помощи и поддержки в работе; помощи и поддержки в личных делах; продуктивной совместной работы; общения во вне рабочее время. Правда, следует отметить, что большую важность помощь и поддержка именно в работе имели для «поколения 40», а для «поколения 60» наиболее интересны были нерабочие аспекты отношений с коллегами.

Чаще всего «дружеские» отношения в коллективе складывались у представителей «поколения 60» (77% респондентов выбрали этот вариант). Большинство (69%) «поколения 20» определяют отношения в коллективе как «формальные», а 54% «поколения 40» чаще всего сталкивались с разного рода проявлениями соперничества среди коллег.

Гордость за свое предприятие наиболее свойственна «поколению 60», престиж и имидж компании интересуют «поколение 20», а представители «поколения 40» в большинстве оказались равнодушными и к тому, и к другому.

Следующий блок анкеты затрагивал проблемы неформальных отношений. Большинство (92%) респондентов ответили, что в той или иной мере сталкивались с проявлениями неформальных отношений в течение своей трудовой жизни.

Без официального оформления чаще всего приходилось работать представителям «поколения 40» (57%). «Поколение 20» и сейчас достаточно часто встречается с предложениями о работе без официального оформления (41%), особенно в первые месяцы работы и в тех случаях, когда опыт работы не является обязательным условием для трудоустройства (операторы call-центров, промоутеры, сетевой маркетинг и т.д.). «Поколению 60» проблема работы без официального оформления практически не знакома (6%).

Следующая группа вопросов касалась интересов респондентов вне рабочего времени, а также их отношения к завершению трудовой деятельности.

Большинство представителей «поколения 60» проводили свой отпуск дома, на даче, на Черном море; «поколение 40» за свою насыщенную жизнь попробовало все варианты – от невозможности вообще пойти в отпуск до поездок в самые экзотические страны; «поколение 20» предпочитает отдых за рубежом, правда чаще всего за счет родителей, хотя некоторая часть студентов выбирает летом работу. В целом ответы на вопросы о способах проведения свободного времени и отпуска были разнообразными. Но что удивительно, ответы о планах на пенсию оказались одинаковыми у представителей всех поколений: заниматься здоровьем, внуками, хобби, путешествиями.

Среди опрошенных нами представителей «поколения 60» 33% работают и еще 23% готовы работать после выхода на пенсию. Не исключают возможность работы после достижения пенсионного возраста 54% «поколения 40». «Поколение 20» пока мало задумывается над этим вопросом.

На вопрос «Хотели бы Вы совсем не работать?» доля ответивших «да» была ничтожно мала у респондентов всех трех поколений, большинство ответов «да» и «не знаю» дали представители «поколения 20» (8%).

В завершении анкеты мы спросили респондентов о том, довольны ли они своей трудовой жизнью. Большинство респондентов «поколения 60» признались, что в целом довольны, работали с удовольствием и любили свою работу (62%). Большинство «поколения 40» (51%) ответили, что сейчас уже все хорошо, но поначалу было очень сложно. Большинство «поколения 20» (57%) о начале своей трудовой жизни отзывались так: все нормально, неплохо и без особого восторга, хочется чего-то большего.

Таким образом, в ходе анализа ответов респондентов удалось выявить различия на всех этапах трудового пути представителей трех исследуемых поколений. Исследование подтвердило предположение о том, что ценности, отношение к труду, трудовая мотивация и вообще отношение к жизни имеют серьезные различия в зависимости от возраста. Но в любом случае лично для себя, на индивидуальном уровне, представители всех поколений определяют главные ценности: здоровье, поддержку семьи и лишь потом материальное благополучие.

Библиографический список

1. *Howe N., Strauss W.* Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. N.Y., 1991.
2. *Антипов А.* За Икса не отвечаю // В мире науки. 2013. № 3. С. 73–78.
3. Российский статистический ежегодник, 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014.
4. *Гапонова, О.С., Чилипенко, Ю.Ю.* Мотивация поведения субъектов социального взаимодействия на рынке труда // Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление. Екатеринбург, 2012. № 5. С. 159–170.
5. *Чилипенко Ю.Ю.* Три поколения российских работников: особенности включения в трудовую деятельность // Современное общество и труд: сб. науч. статей / отв. ред. Р.В. Карапетян. СПб., 2014. С. 357–365.

S.V. Khvostantsev
**Family Social Adaptation
 in Conditions
 of the Modern Social Reforms**

The need of strengthening the adaptive function of the family at the society, social groups, and personality levels in conditions of the state refusal of the paternalism policy is proved. The possibility of family gradual transition from passive consumption to business and consumer participation practices in the development of their own labor capacity is considered.

Key words and word-combinations: family, social policy, consumption, politics of paternalism, labor potential.

Доказывается необходимость усиления адаптивной функции семьи на уровне общества, социальной группы, личности в условиях отказа государства от политики патернализма. Рассматривается возможность постепенного перехода семьи от практик пассивного потребления к практикам хозяйственного и потребительного соучастия в развитии собственного трудового потенциала.

Ключевые слова и словосочетания: семья, социальная политика, потребление, политика патернализма, трудовой потенциал.

УДК 316.34/.35
 ББК 60.54

С.В. Хвостанцев

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ

Научный интерес к изучению проблематики семьи обусловлен рядом кризисных моментов в процессе ее функционирования и развития. Во-первых, в результате динамичных реформ российского общества быстро изменяются условия жизнедеятельности семьи, необходимость частой смены жилья, изменения места работы совершеннолетних ее членов, адаптации к новым условиям социальной и трудовой среды. Во-вторых, изменяются требования к профессиональной деятельности отдельных членов семьи, постоянно внедряется новая техника, модернизируются технологии реализации профессионального труда, что предполагает необходимость постоянного профессионального приспособления отдельных личностей семьи. В-третьих, проявляется неспособность традиционного института семьи эффективно функционировать в новых условиях. Формируется важнейшая функция семьи, связанная с социальной адаптацией на уровне общества, отдельных социальных организационных систем, личностей. Поэтому в новых условиях актуализируются следующие вопросы: изучение сущностных основ семьи, уточнение уровней ее проявления, выявление новых ее функций, разработка направлений трансформации норм и образцов семейной жизнедеятельности индивидов.

В социологической литературе семьей называется основанная на браке или кровном родстве малая социальная группа общества,

члены которой «объединены совместным проживанием и ведением домашнего хозяйства, эмоциональной связью, взаимными обязанностями по отношению друг к другу» [1, с. 890]. Исследование процессов развития семьи важно осуществлять с учетом уточнения роли государства в данных процессах. В России приоритетом общественной политики традиционно считается принцип государственного патернализма. Реализация данного принципа предусматривает активное воздействие, вмешательство, а порой и непосредственное управление государством процессами функционирования семьи. «Государственный патернализм провозглашает значительную роль государства в интервенции в семью, которая в случае необходимости может носить принудительный характер, с целью сохранения семьи, усиления воспитательного воздействия на ребенка или защиты ребенка в случаях плохого обращения» [2, с. 17].

В результате реализации государственного патернализма российское общество традиционно обеспечивало поддержку процессов функционирования и развития семьи, активно реализовывалось проектное конструирование функционального социально-экономического потенциала семьи. В условиях активного государственного патернализма российское общество контролирует и поддерживает образовательное и воспитательное развитие детей. Государство оказывает серьезную поддержку процессам материального обеспечения детей, стремится максимально освободить родителей от ряда функций, связанных с социализацией ребенка [3]. Усиление социальной защиты семьи является отражением роста общественной и индивидуальной ценности семьи, обеспечивающей полноценную жизнь и развитие человека, а также необходимости социального «учета интересов семьи и детей и принятия специальных мер их социальной поддержки в период социально-экономической трансформации общества» [4]. Между тем в ходе современных социальных реформ изменяется отношение государственных структур и семьи, осуществляется отход от традиционных основ государственного патернализма семьи, предоставляются новые возможности саморазвития и реализации потенциала членов семьи.

Рассмотрим сущностные изменения семьи россиян в результате последнего этапа реформ на трех основных уровнях: общественном, групповом, личностном.

Первый уровень – общественный (макроуровень). На данном уровне семья расценивается как социальный институт в системе других основных институтов общества. Семья как социальный институт – это исторически сложившаяся форма организации, координации и регулирования социальной жизни, обеспечивающая реализацию основных социальных функций жизнедеятельности. На уровне социума в целом институт семьи характеризуется общественными «нормами, санкциями, образцами поведения, правами и обязанностями, регулирующими отношения между супругами, родителями и детьми» [5, с. 315]. В условиях государственного патернализма постоянно наращивался регулирующий потенциал общественного развития семьи. В результате действий государства расширялись практики государственного конструирования семейных отношений, осуществлялась попытка максимальной типизации опривыченных практик взаимодействия между членами семьи. Советское государство активно создавало нормативную базу, укрепляло социально-экономические условия фун-

кционирования детских садов, школ, клубов, центров творческого и спортивного развития, направляло существенные средства на поддержку проектов социального конструирования семейных отношений и пыталось формировать определенные социально необходимые стилевые практики семейного взаимодействия мужчин и женщин, что способствовало становлению определенных ролевых позиций членов семьи и обеспечивало реализацию социального контроля «через нормы, стереотипы и представления» [6, с. 59].

В условиях трансформации системы социального управления в российском обществе, перехода от авторитарной (централизованной) к демократической модели взаимодействия семьи и государства происходит ослабление механизмов государственного семейного патернализма. Семье передаются дополнительные права, создаются возможности саморазвития, а также самореализации трудового потенциала ее членов. Семья сохраняет ряд традиционных функций: репродуктивную (обеспечение продолжения человеческого существования через деторождение); первичной социализации (становление личности, обеспечение воспитания и усвоения социальных норм, ценностей, принципов и образцов поведения); хозяйственную (удовлетворение основных базовых (повседневных) и развивающих (интеллектуальных) потребностей); рекреационную (восстановление физических и интеллектуальных способностей человека). Одновременно появляется дополнительная функция – *социальной адаптации и защиты*, направленная на активное социальное приспособление семьи как самоорганизующейся малой социальной группы к изменяющимся материальным, социальным, духовным условиям внешней социальной среды, к трансформирующимся нормам, принципам, ценностям внешнего социального взаимодействия. Социальная адаптация семьи призвана, с одной стороны, приспособить семью в целом и ее членов к функционированию в условиях резкого ослабления государственного патернализма, а с другой – защитить семью «от неблагоприятных факторов окружающей социальной среды путем профилактики социальных рисков и компенсации последствий их свершения за счет ресурсов семьи, в сочетании с эмоциональной поддержкой» [1, с. 891].

Второй уровень – групповой (микроуровень) [7, с. 37]. Семья на микроуровне – это социальная группа, объединенная рядом общих признаков, основные из которых – брак, кровно родственные связи, моральная ответственность и взаимопомощь. «В этом качестве семья реализует прежде всего естественные (витальные) потребности своих членов. Здесь можно говорить о таких ее характеристиках, как сплоченность, ценностно-ориентационное единство членов семьи, внутрисемейные отношения между различными семейными подсистемами (детско-родительские, супружеские отношения, отношения между поколениями, сиблингами)» [2, с. 14]. Социологи предлагают рассматривать семью на микроуровне как активного социального агента, субъекта социальной адаптации, способного на постоянные изменения и взаимодействия. В новых условиях вместо мотива и готовности неизменно реализовывать предлагаемые обществом взаимодействия с внешними институтами социальной среды, ориентироваться на пассивное потребление предлагаемых государством ресурсов, становится важным инклюзивное развитие и реализация собственного потенциала семейных групп. Несложно сделать вывод о том, что сегодня на микроуровне необходимо создание государством условий не пассивного потребления

ресурсов, предоставляемых обществом отдельным семьям, а мотивации проявления активности, адаптивности, достижения оптимального благополучия, роста экономического потенциала функционирования каждого члена семьи. Необходимо сворачивание семейного государственного патернализма дополнить разработкой и внедрением государственных проектов поддержки процессов хозяйственной самостоятельной деятельности семьи, целевого развития возможностей хозяйственной деятельности каждого субъекта семьи.

Семья как микросоциальная система постепенно должна перестать быть «получателем» непосредственной финансовой и экономической помощи, в перспективе должны сокращаться льготы и пособия со стороны государственных органов. Семья на микроуровне должна постепенно перейти от практик пассивного потребления результатов социальной политики государства к практикам соучастия, превратиться в субъект реализации социальной политики и хозяйственной жизни общества. Последнее и предполагает перераспределение обязанностей, прав, ответственности, отношений, в целом отражающих взаимодействия семьи и государственных структур. При этом семья как микросоциальная система и «реальность, обусловленная предыдущим развитием нашей страны, находилась и находится в состоянии объекта» [8, с. 124] социальной политики.

Третий уровень – индивидуальный (личностный). В рамках структурно-функционального анализа рассматривается личность как компонент и одновременно подсистема семьи. Семья предстает как сфера жизнедеятельности отдельных субъектов. На уровне отдельных личностей семьи осуществляются конкретные практики социальной адаптации, реализуется сфера жизнедеятельности человека, удовлетворяются физические и духовные потребности [9]. В процессе деятельности личности, вступления ее в семейные отношения проявляются ее социально-типические обобщенные существенные черты, развиваются социальные качества, характеристики, ценности, социальные принципы и установки, трансформируются мотивы поведения, социальной и социально-экономической деятельности.

В процессе личностных потребительных практик осуществляются или не осуществляются адаптационные процессы относительно внешней социальной среды отдельных членов, а также семьи в целом. Личностные семейные отношения формируются, развиваются и обновляются под влиянием внешних социальных условий, координат и норм, позволяющих реализовывать определенный стиль поведения и действия. Поэтому сворачивание практик государственного патернализма семьи усложняет процессы индивидуального функционирования ее членов. Возрастают риски социальной неопределенности статусного и ролевого проявления как во внутренней (внутри семейной), так и внешней (вне семейной) социальной системе. Ввиду того что личность мужчины и женщины принадлежит не только семье как социальной малой группе, но и ряду иных внешних по отношению к семье социальным группам, они объективно вынуждены осуществлять постоянные действия, направленные на активизацию адаптационного взаимодействия, представляющего собой комплекс взаимообусловленных действий, определяющих приспособление к изменениям и вызовам внешней социальной среды семьи. Личность совершенствуется и обновляется в результате внутри- и внешнесемейного взаимодействия, усвоения актором норм, принципов, ценностей посредством образовательной и трудовой деятельности.

Таким образом, адаптация является важнейшей функцией семьи на личностном уровне. Адаптационное взаимодействие ориентировано на реализацию практик приспособления, при которых деятельность личности как субъекта адаптации представляет собой причину и следствие по отношению ответных мер и действий представителей внешних социальных групп семьи. Поэтому можно констатировать, что определенная конфигурация адаптационного взаимодействия членов семьи по отношению к внешним социальным институтам и формирует изменения социальной роли и ее социального положения в обществе. Ведь личностное проявление семьи имеет сложную многоцентровую внутри- и внешнесемейную структуру. Современная семья – целостная группа и в то же время условно распадающаяся на несколько личностей, в чем-то сходных, а в чем-то противоположных относительно друг друга. Одновременно каждая личность в семье зависима от внешней системы социальных координат. При изменении качественных параметров данной системы (в результате сворачивания государственного патернализма) неизбежно трансформируется положение личности в семье и в обществе, изменяются сущностные черты личностей, входящих в ту или иную семью. Поэтому важнейшими функциями семьи на личностном уровне в современных условиях являются не только познавательная (постижение истин внешней среды, накопление общих представлений о ее функционировании), оценочная (соотношение индивидуальных действий представителей внешней среды с принятыми критериями, образцами, разделяемыми нормами), стабилизирующая (достижения устойчивости, постоянности, неизменности личностного взаимодействия с внешней средой семьи), мотивационная (осмысление ситуации во внешней социальной среде и формирование, выбор, оценка и обновление модели поведения и деятельности относительно факторов внешней социальной среды), но и *адаптационная*. Адаптационная личностная функция семьи направлена на приспособление личностных действий и трудовых функций к изменяющимся внешним условиям, нормам, правилам, процедурам, возможностям существования отдельных ее членов.

Обобщая итоги данного анализа, можно констатировать, что современная семья проявляется на общественном (институциональном), групповом (микросистемном), индивидуальном (личностном) уровнях. В результате реформирования социальной политики России, отказа от практик государственного патернализма создаются предпосылки развития социальной адаптации семьи на разных уровнях ее проявления.

На уровне российского общества динамично развиваются нормы, правила, процедуры, ценности социального института семьи и формируется дополнительная ее функция в форме социальной адаптации и защиты. Реализация данной функции на макроуровне позволяет в результате обновления ценностей, профилактики социальных рисков, аккумуляции внутренних резервов для компенсации неблагоприятных последствий осуществлять приспособление, а также самозащиту семьи к изменяющимся материальным, социальным, духовным условиям общественного развития в целом.

Семья на микроуровне проявляется как специфическая, относительно устойчивая социальная группа, объединенная рядом общих признаков (родство, совместное хозяйство, совместное проживание). На данном уровне семья по-

стоянно вступает во взаимодействия с организациями и социальными группами внешней среды и наиболее уязвима в условиях сокращения факторов государственной поддержки. Для эффективного функционирования семьи на микроуровне важна деятельность государства, направленная на косвенную поддержку условий хозяйственной адаптации и самозанятости семьи, а также поддержку саморазвития ее группового культурного потенциала.

Семья на личностном уровне проявляется как структурно-функциональная система жизнедеятельности ее отдельных субъектов. Основные личностные характеристики семьи связаны с поведением отдельных личностей, ведением конкретной трудовой, образовательной, досуговой деятельности. Семья на личностном уровне проявляется как система поведенческих практик, реализации взаимодействия отдельных ее членов (личностей) со структурами, организациями, отдельными акторами внешней социальной среды. В условиях отказа государства от политики патернализма важно перейти от практик пассивной реализации представляемых государством возможностей трудоустройства и осуществления хозяйственной деятельности к практикам жесткой конкурентной борьбы на рынке труда, готовности переезжать на новое место жизнедеятельности, адаптировать свой трудовой потенциал, накапливать свои способности в форме человеческого капитала новой организации, общества, собственной семьи.

Необходимо констатировать, что реализуемые в последние годы практики отстранения государства от процессов непосредственной экономической поддержки семьи не поддерживаются большей частью российского населения. В России преобладают представления, стереотипы и убеждения об обязанности государства непосредственно поддерживать и регулировать системы потребления семьи (данная традиция проявлялась регулярно и стабильно в течение последних десятилетий). В целом для населения логична и понятна позиция чиновников, нацеленная на отмену практик полного потребительного обеспечения семьи государством в результате реализации семейных льгот, субсидий, дотаций. При этом потенциал адаптации к новым условиям в современной российской семье еще не сформирован.

Поэтому в новых условиях государство должно реализовывать опосредованную поддержку процессов адаптации как на макро-, так и на микро- и личностном уровнях. Важно, с одной стороны, расширить и поддержать суверенитет, хозяйственные права и интегрированные возможности современной семьи, а с другой – предоставить длительные льготы, направленные на развитие трудового потенциала, создать оптимальные условия реализации человеческого капитала, раскрепостить инициативный потенциал отдельных личностей семьи. Государство призвано, отходя от механической потребительской поддержки семьи «сверху», разрабатывать и внедрять программы поддержки инициативы и экономического творчества семьи как первичной микросоциальной системы общества.

Библиографический список

1. Социальная политика. М., 2008.
2. Ловцова Н.И. Трансформация семейной политики в современной России. Саратов, 2005.
3. Малярова Н.В., Несмеянова М.И. Социальная защита детства: концептуальный подход // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 79–83.

4. Основные направления государственной семейной политики: утв. Указом Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712. М., 1996.
5. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М., 1998.
6. *Ильиных С.А.* Представления о семье студентов Минска и Новосибирска // Социологические исследования. 2014. № 3.
7. *Ямкова З.А.* Семья как малая социально-психологическая группа // Семья в России. 1996. № 3–4.
8. *Шакиро М.А.* Семья в структуре государственного управления // Семья в процессе развития. М., 1994.
9. *Быченко Ю.Г., Лопухин В.Ю.* Человеческий фактор экономики в условиях перехода общества на инновационный путь развития // Вестник ПАГС. 2011. № 1 (26).

V.V. Yershov
**Cultural Capital of Soldiers
and Sergeants Serving
under Contract**

Basic and additional indicators of cultural capital are specified. It is proved that the study of cultural capital of contract soldiers should be based on the analysis of their values and education, and the change of the existing system of knowledge, abilities, and skills. The analysis of empirical study of the development of military contractors on the basic system of development indicators of the potential cultural capital is drawn.

Key words and word-combinations: cultural capital, values, education, military contractors.

Уточняются основные и дополнительные показатели культурного капитала. Доказывается, что исследование культурного капитала военнослужащих-контрактников должно быть основано на анализе их ценностей, а также образования, изменения имеющейся системы знаний, умений, навыков. Проводится анализ данных эмпирического исследования развития военнослужащих-контрактников по основной системе показателей развития потенциального культурного капитала.

Ключевые слова и словосочетания: культурный капитал, ценности, образование, военнослужащие-контрактники.

УДК 008.001:355
ББК 71.0+68.0

В.В. Ершов

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ СОЛДАТ И СЕРЖАНТОВ, ПРОХОДЯЩИХ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ

В последние годы в России увеличивается состав граждан, поступающих на военную службу по контракту. Все больше молодых людей идут служить в армию на должности солдат и сержантов и осуществляют трудовую деятельность по различным военным специальностям. Они не только несут военную службу, выполняют специфические профессиональные обязанности, но и осуществляют образовательную деятельность, осваивают специфические ценности, нормы, принципы трудового взаимодействия, развивают профессиональный потенциал, строят карьеру военного. На практике формируются новые тенденции культурного развития, карьерного роста, капитализации культурного потенциала в форме возрастающего дохода, повышения властных полномочий воен-

нослужащего. Данные явления в обобщенной форме представляют собой процесс развития культурного капитала солдат и сержантов. Между тем исследование данных процессов пока не осуществляется, но они требуют отдельного рассмотрения, осмысления и анализа, ввиду того что обеспечение развития и использования культурного капитала военнослужащих солдат и сержантов является фактором роста не только эффективности их труда, но и повышения функциональных возможностей военной организации, общества в целом.

Таким образом, целью нашего исследования стала социологическая интерпретация процессов развития культурного капитала солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту на примере функционирования отдельной военной организации. Согласно поставленной цели ограничим состав исследуемых военнослужащих отдельной их группой – солдатами и сержантами, проходящими военную службу по контракту. В дальнейшем, употребляя термин «военнослужащие», будем иметь в виду именно солдат и сержантов (контрактников).

Для реализации поставленной цели на начальном этапе выявим специфику данного социального процесса, уточним основные поверхностные показатели, по которым можно исследовать изменения культурного капитала военнослужащих солдат и сержантов. Комплексное рассмотрение развития культурного капитала солдат и сержантов предполагает анализ множества комплексных и взаимосвязанных процессов. Важнейшие из них следующие: совершенствование системных ценностей, традиций, установок; накопление профессиональных знаний, умений, навыков; рост эффективности реализации профессиональных действий акторов; оптимизация трудовых отношений; карьерный рост и повышение дохода индивидов. Комплексное рассмотрение развития культурного капитала военнослужащих – сложный и многогранный процесс, поэтому на начальном уровне исследования можно раскрыть некоторые основные показатели, например изменение ценностей, а также образовательных характеристик в рамках реализуемых социально-трудовых отношений военной организации.

Солдаты и сержанты, проходящие военную службу по контракту, являются акторами специфического труда, развитие которого связано прежде всего с качественным ростом ценностей, убеждений, а также образовательным совершенствованием профессиональных знаний, умений, навыков. Следовательно, анализ развития культурного капитала данной категории военнослужащих предполагает в первую очередь исследование трансформации ценностей, образовательных предпочтений, изменения имеющейся системы знаний, умений, навыков. Затем как внешнее проявление данного развития могут рассматриваться образ жизни военнослужащих, карьерный рост, доход и трансформация статуса и власти.

В научной литературе находим подтверждение изложенных теоретических суждений. Ряд ученых обосновывает универсальные принципы анализа развития культурного капитала работников различных организаций (в том числе военных). Они доказывают, что данная оценка может осуществляться по системе универсальных методик и основываться на анализе прежде всего ценностных и образовательных трансформаций. Исследователи предлагают ценности,

знания, умения, навыки рассматривать как базовую систему показателей культурного капитала работников не только на макро-, но и на микроуровне [1]. При этом изменения в системе трудовой сферы, затрагивающие социальную ответственность, социально-трудовые связи [2], социально-трудовые отношения, профессиональные сдвиги и перемещения [3], интерпретируются как внешнее социальное проявление культурного, социального и организационного [4] капитала работников. Доход, карьерный рост, статусные характеристики предлагается рассматривать как формы социальной реакции трудового накопления культурного капитала [5]. При данном подходе наиболее полно охарактеризовать конечное (внешнее) проявление культурного капитала можно только в отдельных случаях в контексте анализа статусных и властных изменений трудовых акторов [6, с. 2].

Исследователи, рассматривая развитие культурного капитала в различных формах проявления, не отрицают того, что первичные сущностные характеристики культурного капитала заложены в системе ценностей, а также в процессах освоения и трудового применения знаний, умений, навыков, идей акторов труда [7]. Поэтому представляется логичным, анализируя практики проявления культурного капитала военнослужащих, охарактеризовать процессы обновления ценностей, знаний, умений, навыков на примере функционирования отдельной военной организации.

Для подробного рассмотрения развития культурного капитала военнослужащих по данным характеристикам проанализируем некоторые результаты эмпирического исследования, проведенного нами методом сплошного анкетного опроса в январе – марте 2014 г. Опрошены все солдаты и сержанты Саратовского военного института внутренних войск МВД России, проходящие военную службу по контракту (N = 252).

Исходя из поставленных задач эмпирического исследования, можно уточнить систему ценностных параметров комплекса жизнедеятельности военнослужащих. Данную систему должны составлять два основополагающих блока: 1) показатели, отражающие общую характеристику ценностей солдат и сержантов в сфере образования и семьи; 2) показатели, отражающие общую характеристику ценностей военнослужащих в сфере профессионального труда. На основе данных по двум предложенным группам ценностей в дальнейшем можно рассмотреть показатели, отражающие образовательное развитие, а в последующем и изменения реального статуса, власти и дохода военнослужащих.

Таким образом, подвергнем исследованию базовые показатели развития культурного капитала на уровне не только ценностей, но и образовательного потенциала военнослужащих солдат и сержантов. Выявим характеристики дебюта трудового взаимодействия, перехода (или поступления) на военную службу, изменения в процессе реализации профессиональной деятельности военного. Данные компоненты исследования носят долговременный стратегический характер. С одной стороны, ценностные приоритеты в сфере формирования образовательного потенциала характеризуют выбор профессии, жизненные цели, поведенческие практики индивидов, с другой – являются показателем потенциального культурного капитала. Качественное изменение системы ценностей

раскрывает процесс развития культурного потенциала личности. На основе анализа процесса изменения ценностей можно охарактеризовать изменения интересов, мотивов, потребностей к труду. Именно обновление ценностей показывает не только изменения в системе потенциальных возможностей акторов, но и трансформацию характера деятельных стратегий, выбираемых и реализуемых военнослужащими в процессе трудового взаимодействия. Жизненные цели, а также трудовые предпочтения, мотивы поведения и деятельные стратегии в целом складываются в результате актуализации различных систем ценностей и ценностных предпочтений индивидов. По сути, ценности, их качественные преобразования, являются важнейшими индикаторами изменений не только потенциальной, но и трудовой формы культурного капитала солдат и сержантов.

С учетом изложенного основной акцент сделан в нашем эмпирическом исследовании на анализе процесса изменения ценностей военнослужащих. Первый вопрос анкеты, предложенной респондентам, был нацелен именно на выявление основных жизненных ценностей, а также уточнение их изменения в период до и после поступления на военную службу. Военнослужащим предлагалось выбрать наиболее важную из восьми вариантов жизненных ценностей. В результате обработки заполненных анкет четко прослеживается приоритет такой ценности, как «высокий заработок, рост материального благополучия». До поступления на военную службу ей отдали предпочтение 49,2% респондентов. После поступления на военную службу приоритетность данного сегмента резко возрастает (65,32% у опрошенных контрактников). Такая же тенденция прослеживается относительно второй по значимости ценности «дело по душе, а также интересная работа». До поступления на военную службу она преобладала у 31,74% респондентов. Военнослужащих, разделяющих данную ценность, насчитывается 43,65%. В данной категории военнослужащих повышается интерес к профессии военного. Растет число военнослужащих, считающих значимым, перспективным и интересным для себя военную службу.

Обратная тенденция наблюдается в рамках ценности «семья, хорошие отношения в семье». До поступления на военную службу данная ценность преобладала у 50,00% респондентов. После поступления на военную службу данный сегмент снижается. Уже в процессе военной службы 41,26% опрошенных заявляют о приверженности данной ценности. Для осуществляющих профессиональную деятельность военнослужащих постепенно теряется значимость семьи, потребности ориентированы прежде всего на достижение профессиональных целей и задач.

Исходя из приведенных результатов, считаем логичными трансформации в системе третьей по значимости ценности «профессиональный рост». До поступления на военную службу данная ценность преобладала у 27,77% респондентов; после поступления и на службе по контракту – 44,44%. Профессиональный рост рассматривается не только как результат образовательного развития и роста практического мастерства военного, но и как предпосылка карьерного роста и повышения благосостояния военнослужащего. Стабильный рост ценностей, связанных с повышением образования, наблюдается у 18,25% респондентов до поступления на военную службу и у 26,19% после ее реализации

в военной организации. Рост ценности образования хотя и несколько отстает от роста ценности профессионального роста, но в целом данные тенденции взаимосвязаны и взаимозависимы.

Место первоначального проживания и получения первоначального образования влияет на расстановку ценностей по степени социальной значимости для респондентов. Если для представителей сельской молодежи при поступлении на военную службу важны прежде всего «высокий заработок, материальное благополучие» (30,15% опрошенных), то для представителей городского населения данный показатель значительно ниже (17,46% опрошенных). Тем не менее в процессе военной службы данные различия постепенно нивелируются.

Согласно полученным результатам, у подавляющего большинства респондентов оправдались ожидания после поступления на военную службу. В полной мере ожидания соответствуют реалиям военной службы у 38,09% опрошенных (в начале поступления на военную службу). В процессе осуществления военной службы данный показатель возрастает: 42,85% опрошенных заявляют о соответствии ожидания реальному положению дел на военной службе.

Военнослужащие в целом удовлетворены уровнем образования, полученным до поступления на службу. Только 12,69% опрошенных отмечают, что полученные знания не пригодились им в процессе военной службы. Еще меньше (3,17%) считают профессионально не пригодными знания, полученные после школьного обучения (до поступления на военную службу). Подавляющее большинство респондентов уверены, что полученные знания в целом важны и необходимы в процессе военной службы (30,15% это относят к знаниям, полученным в школе, и 25,39% – к знаниям, полученным после окончания школы), а также что большинство знаний пригодились в процессе реализации военной службы (34,92% относят это к знаниям, полученным в школе, и 33,33% – к знаниям, полученным после окончания школы). Несложно заметить, что военнослужащие высоко оценивают практическую профессиональную пригодность своих знаний, полученных в гражданских учебных заведениях. В целом такую оценку дают 65,07% респондентов по знаниям, полученным в школе и 58,72% – по знаниям, полученным после окончания школы. Незначительная часть военнослужащих полагают, что только некоторые знания им пригодились в процессе военной службы (22,22% – в отношении знаний, полученных в школе, и 17,46% – знаний, полученных после окончания школы). Удовлетворенность уровнем образования приводит к тому, что большинство респондентов стремятся работать по специальности, полученной в гражданских учебных заведениях.

Военнослужащие положительно оценивают изменения в их образовании за время прохождения военной службы: 16,66% – в начальном периоде военной службы и 45,23% – за весь период. Только 26,98% опрошенных считают, что их уровень образования за время прохождения военной службы повысился незначительно, а 27,77% не видят вообще изменений в уровне своего образования за данный период.

Военнослужащие высоко оценивают систему профессиональной подготовки в военной организации: 21,43% – на «отлично», 49,20% – на «хорошо» и 26,98% – на «удовлетворительно». При этом подавляющее большинство воен-

нослужащих (66,67%) считают необходимым постоянно и систематически повышать уровень своего профессионализма; 28,60% готовы частично, но не в полной мере повышать профессионализм (они уверены в том, что необходимы только кратковременные курсы по повышению профессионального потенциала военнослужащего); 4,76% считают, что данная деятельность в рамках службы по контракту не нужна.

Анализ результатов анкетирования показал, что большинство военнослужащих связывают образовательное развитие с ростом их трудовых возможностей, карьерным ростом, а значит, и повышением доходов. Высокие показатели профессионализма (по результатам аттестационных испытаний) позволяют военнослужащим занимать стабильную должность, получать премиальные выплаты, уверенно и устойчиво реализовывать свой культурный потенциал. В то же время военнослужащие современной военной организации считают неэффективными традиционные подходы к оценке компетентности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. В рамках реализации карьерного роста военнослужащих-контрактников пока не изжиты проблемы «блата» и «связей».

Таким образом, анализ различных теоретических разработок по культурному капиталу позволяет в комплексе рассмотреть его изменения. Конкретизированные параметры социальной оценки культурного капитала работников военной организации можно условно представить в виде трех относительно независимых комплексов. Первый комплекс – изменения в системе формирования культурного потенциала (первичная внутренняя форма – потенциальный культурный капитал): проявления в системе социально значимых компонентов потенциальной формы культурного капитала, прежде всего в системах ценностей, знаний, умений, навыков, социальных норм, профессиональных компетенций. Второй комплекс – изменения в системе трудовой сферы (вторичная базовая внутренняя форма – профессиональный культурный капитал): качественные сдвиги в системе профессиональной трудовой деятельности акторов проявляются в виде качественных изменений в системе так называемых «объективных заказов», а также «объективных профессиональных перемещений» военнослужащих-контрактников. Третий комплекс – изменения в системе внешнего проявления культурного капитала (внешняя форма – культурная социально-экономическая капитализация): качественные сдвиги в системе статуса и власти.

Исследование культурного капитала работников военной организации можно осуществлять как в целом по трем комплексным проявлениям, так и в рамках одного из его системных показателей. Проведя первый этап исследования, мы рассмотрели культурный капитал военнослужащих на уровне его первичной формы – потенциального культурного капитала. Анализируя изменения субъективных представлений о наличии и динамике роста культурного потенциала, практик профессиональной деятельности, изменения статусных характеристик акторов до и после поступления работника на военную службу по контракту, можно сделать следующие промежуточные выводы.

Во-первых, как до поступления так и после поступления на военную службу военнослужащих солдат и сержантов прослеживается приоритет ценности «высокий заработок, рост материального благополучия». Во время военной службы

данная ценность постепенно становится более значимой. Развиваются ценности интересной работы, удовлетворенности трудовых потребностей, профессионального карьерного роста. При этом в целом падает значимость семейных ценностей, улучшения отношений в семье.

Во-вторых, несмотря на то что военнослужащие положительно оценивают систему гражданского образования, они обосновывают ее постепенный отрыв от профессиональных требований военного-контрактника, построения профессиональной карьеры военнослужащего. Данное противоречие частично решается в результате постоянного роста эффективности системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки военнослужащих-контрактников.

В-третьих, на протяжении военной службы солдаты и сержанты, проходящие службу по контракту, стремятся достичь в конечном итоге роста материального обеспечения, повышения благосостояния их семей. Реализация данной стратегии возможна в рамках эффективного профессионального образования, через реализацию успешной карьеры военнослужащего, получении в последующем профессии военного офицера. Военнослужащие определяют важнейшие факторы, которые позволяют добиваться хороших результатов в работе: усердие и ответственное отношение к работе, а также успешное профессиональное обучение, формирование современных знаний, умений и навыков военного специалиста. Поэтому респонденты нередко нацелены на профессиональный рост в рамках их основной гражданской специальности, если она гарантирует повышение оплаты труда.

В-четвертых, образовательное развитие представляет собой основной инструмент роста потенциального культурного капитала данной категории военнослужащих-контрактников. Практически 33,33% респондентов считают необходимым расширять систему образовательного профессионального развития военнослужащих как носителей культурного капитала. Одновременно акторы доказывают необходимость не только повышения эффективности, но и модернизации материальной, технологической и духовной системы образовательного накопления знаний и профессионализма военнослужащих. Предлагается организовать комплексное консультативное, образовательное и наставническое сопровождение развития компетенций солдат и сержантов военной организации.

Библиографический список

1. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of education / ed. by J. Richardson. NY, 1986.
2. *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. NY, 1995.
3. *Горбунова Н.В.* Тенденции развития культурного капитала в современной России. Саратов, 2006.
4. *Баландина Т.М., Зиновьева Е.А.* Управленческое конструирование адхократической организационной культуры. Саратов, 2014.
5. *Радаев В.* Экономическая социология. М., 2000.
6. *Быченко Ю.Г.* Культурный капитал // Человеческие ресурсы. 2001. № 2.
7. *Ершов В.В.* Методологические основы исследования трансформации культурного капитала организации // Вестник ПАГС. 2014. № 6 (45).

A.I. Pireev
Peasant Community
in the Context of Stolypin
Agrarian Reform

The article examines the impact of Stolypin agrarian reform on the behavior of the peasant community. Natural, geographical, psychological, and financial factors that contributed to the sustainability of the community are analyzed.

Key words and word-combinations: peasant community, P.A. Stolypin, the Peasant Bank, shortage of arable land, rural overpopulation.

Рассматривается влияние Столыпинской аграрной реформы на поведение крестьянской общины. Анализируются факторы природно-географического, морально-психологического, финансового характера, способствовавшие устойчивости общины.

Ключевые слова и словосочетания: крестьянская община, П.А. Столыпин, Крестьянский банк, малоземелье, аграрное перенаселение.

УДК 94(47)"17/1917"
ББК 63.3(2)5

А.И. Пиреев

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА В КОНТЕКСТЕ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Исследователи, занимающиеся изучением аграрных отношений в России начала XX в., выводят объективную необходимость ликвидации крестьянской общины и замены слоем крестьян-собственников из ее неспособности вписаться в рыночную реальность в силу экономической неэффективности, слабой рыночной мотивации. Дополняется данная аргументация ссылкой на внутриобщинные процессы: расслоение в среде общинников, уменьшение роли общины как гаранта социальной защищенности, конфликт поколений и т.д. Вместе с тем исследователи единодушно утверждают, что община в ходе реформ выстояла. Широко известны общие данные результатов реформы: к 1916 г. в Европейской России из общины вышло 26,9%, или 2478 тыс., домохозяев из 9,2 млн общинников; на хутора и отруба перешло всего около 10% всех хозяйств.

Не вдаваясь в анализ итогов реформ в сопоставительном наклонении (что было бы, не будь войны), остановимся на вопросе о причинах устойчивости крестьянской общины в условиях Столыпинской аграрной реформы. Вопрос представляет определенный интерес, тем более что потенциал реформ оценивался и П.А. Столыпиным, и определенной частью исследователей как весьма обнадеживающий. Сам реформатор, начиная преобразования, надеялся на интенсивный и массовый выход крестьян из общины. Это просматривается в его облегченном объяснении приверженности крестьян общине. Еще в 1905 г. в отчете

царю он объяснил привязанность крестьянства миру не тем, что «оно его любит: оно просто другого порядка не понимает и не считает возможным», а также подавлением активных элементов деревни «испорченной молодежью» [1, л. 27]. Обеспечив гарантированные условия выхода и показав притягательную перспективу, правительство, полагал Столыпин, добилось бы перелома в жизни деревни. По его расчетам, из общины должно было выйти от 77 до 88% крестьян [2, с. 248]. Изучив крестьянские анкеты Вольного экономического общества, знаток аграрной истории, современник реформ И.В. Чернышев сделал вывод о том, что Указ 9 ноября 1906 г. показался выгодным значительной части крестьянства, которое сотнями тысяч потянулось из общины тотчас же после его опубликования [3, с. 12]. Современный исследователь Б.Н. Миронов положительный потенциал реформы определяет масштабом недовольства крестьян общинными порядками. Он говорит о 56% крестьян, недовольных в той или иной степени общинным строем жизни [4, с. 482].

Несмотря на обнадеживающие перспективы, реформа, разогнавшись в 1907–1909 гг., с 1909 г. начала неуклонно сбавлять темпы. В 1910 г. вышло из общины 342,2 тыс. домохозяев, в 1912 – 122,3 тыс., в 1914 – 97 тыс., а в 1915 – 29,9 тыс.

Основополагающим фактором, сдерживающим процесс приватизации, стал довольно низкий в целом уровень социально-экономического [5, с. 500]. и культурного развития деревни, слабость внутриобщинной дифференциации. В 1910 г. из орудий вспашки более $\frac{2}{3}$ составляли деревянные сохи, косули, плуги, имевшие лишь железный наконечник, из орудий рыхления – деревянные бороны составляли 97% [5, с. 500]. По оценке министра внутренних дел В.К. Плеве, относящейся к периоду работы редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах, община соответствовала общему культурному уровню развития основной массы крестьянства [6, с. 12]. Современные исследователи пишут о социальном качестве населения как объективной причине неудачи столыпинских преобразований и устойчивости общины.

Связь между общекультурным уровнем развития деревни и положительной динамикой выходов из общины прослеживается явно, если брать результаты реформ по регионам. Масштабы и темпы выхода крестьян в данном случае определялись уровнем развития капиталистических отношений в городе и деревне [7, с. 60]. Наибольшее количество крестьян (бедных и зажиточных) вышло в Таврической (63,6%), Екатеринославской (54,1%), Самарской (49,4%), Киевской (48,6%), Курской (43,8%) губерниях – там, где капиталистические отношения в крестьянских хозяйствах были более развиты, чем в других регионах Европейской России.

Немалое значение в деле продвижения реформы Столыпин придавал, помимо мер административного, полицейского давления, и роли примера. В циркуляре от 14 июня 1908 г., настаивая на обязательных выделах крестьян, кроме согласия общины и не дожидаясь очередного передела, он рассматривал выделившиеся хозяйства в качестве примера для оставшихся в общине, которые «по недостаточному знакомству со способами ведения хозяйства..., еще не решаются требовать выдела своих участков» [8, с. 203].

Между тем именно реальные условия проведения реформы и облик значительной части новых собственников, трудности их существования не стали ускорителями преобразований. Чем дальше продвигалась реформа, тем менее привлекательной представлялась она для крестьянства. Более того, множились факторы, обеспечившие устойчивость общины.

Поставив целью преобразований формирование широкого слоя собственников как фундаментального условия преодоления социально-экономического и политического кризиса, власть оказалась не в состоянии изыскать достаточные финансовые средства. Недостаток финансирования реформы, порядок субсидирования Крестьянским банком не только затрудняли, но нередко и перекрывали крестьянину путь к самостоятельному ведению хозяйства. Политика разрушения общины и насаждения хуторов и отрубков требовала приблизительно от 250 до 500 руб. на каждого выходящего из общины, в то время как субсидии не превышали 165 руб., и это тогда (1907–1914 гг.), когда цена десятины земли постоянно росла: со 104 руб. в 1904 г. до 136 руб. в 1914 г. Денежных средств не хватало даже для частичного покрытия расходов по реформе на переселение и для широкомасштабного землеустройства [5, с. 499; 9, с. 118].

Проводившаяся Крестьянским банком политика субсидирования крестьянства под залог наделных земель вела к их фактическому закабалению. Крестьяне в течение восьми лет выплатили банку за оказавшиеся в залоге земли (12 млн дес.) немалую сумму – 578 млн руб., включая 13 млн руб. пени за просрочку платежей. Кроме того, по просрочкам платежей банк отобрал у неаккуратных плательщиков 540 тыс. дес. земли, т.е. разорил 54 тыс. своих «фермеров». Банковская задолженность тяжелым бременем ложилась на крестьянские хозяйства, затрудняя земледелие. Как показало обследование 1913 г. в 12 уездах, ссуды получили лишь 16% хозяйств, а средняя сумма их составила 109 руб. Таким образом, большинство образованных Столыпиным единоличных хозяйств были обречены, государство предоставило их самим себе [5, с. 499; 9, с. 119].

Не затронутое реформой крупное помещичье землевладение сохранило весь комплекс полукрепостнических, кабальных форм эксплуатации крестьян (отработки, испольщину, зимний наем, высокую арендную плату), распространяя их как на общинников, так и на новоиспеченных собственников. Одновременно сохранялось и крестьянское малоземелье, препятствовавшее созданию полноценных хозяйств. Малоземельные и средние хозяйства видели в общине единственное спасение от разорения и нищеты. Проблема малоземелья усугублялась несогласованностью аграрной реформы с интенсивной промышленной политикой, вследствие чего аграрное перенаселение не только не уменьшилось в годы реформ, но и выросло. Не обеспечивая в достаточной степени село машинами и удобрениями, промышленность в то же время не смогла вобрать из деревни излишнюю рабочую силу. Избыток ее, составлявший в 1901 г. 23 млн человек, к 1914 г. вырос до 32 млн [4, с. 412]. Это усиливало проблему малоземелья и, как следствие, способствовало сохранению общины как института социальной защиты.

Подавляющая часть хуторян и отрубников также страдали от малоземелья,

тем самым существенно снижалась привлекательность внеобщинного землеустройства. Земельный минимум составлял от 8 до 15 дес. У хуторян и отрубников имелось 9,8 дес., то есть чуть более потребительской нормы. Но около половины участковых хозяйств располагали восемью десятинами, то есть меньше потребительской нормы [5, с. 498]. Из хуторских хозяйств только 60% были зажиточными, остальные слабыми и нежизнеспособными. К тому же у новых владельцев возникали проблемы с содержанием скота, что приводило к сокращению поголовья.

На пути реализации идей землеустройства (хутора и отруба) серьезным препятствием стал природно-географический фактор. Широкие массивы супесчаных или суглинистых почв, нередко перемежавшиеся солонцеватыми или подзолистыми почвами, давали урожай только в годы с обильными осадками. Имея полосы в разных частях надела, крестьяне-общинники обеспечивали себе ежегодный средний урожай: в засушливый год выручали полосы в низинах, в дождливый – на взгорках. Получив же при выделе надел в один отруб, крестьянин попадал во власть стихии. Первый неурожайный год – и он разорялся. Эти обстоятельства практически сводили на нет усилия землеустроительных комиссий, поскольку в данных условиях чересполосное землепользование в предельной общине являлось более надежным способом выживания в неурожайный год. Этим и объясняется низкий процент хуторян. В то же время неравноценность почвы подталкивала крестьян к переделам. Таким образом, прослеживается зависимость между качеством земли и практикой переделов земли, обеспечивавших прочность общины [10, с. 1029]. Не случайно с 1912 г. земельные переделы вновь пошли по восходящей. Хутора привились только в северо-западных губерниях, где не существовало прочных общинных традиций (здесь отсутствовала передельная община), а также отчасти в Псковской и Смоленской. Ландшафт этих мест способствовал расселению по хуторам. На Северном Кавказе, в Степном Заволжье, Северном Причерноморье хуторскому хозяйству мешали трудности с водой.

Социально-психологическое напряжение, возникавшее между основной массой общинников и выделенцев, не могло не сдерживать от укрепления земли в собственность собиравшихся порвать с общиной, но опасавшихся нажить в ее лице врага. Вокруг вышедших создавалась враждебная среда: их изгоняли со сходов, отказывали в праве участвовать в покупках и аренде земли обществом, выделяли худшие земли, чинилась физическая расправа, порча скота, поджоги построек, избиения хуторян и т.д. А поощрение правительством выходов из общины в любое время, не дожидаясь очередного передела, напряжение лишь усиливало. Постоянные переделы и новые землеустройства, связанные с закреплением и выделением крестьянских наделов, создавали атмосферу неустойчивости и всеобщей истерии. В этих условиях административное давление на общину с целью форсирования естественных процессов разложения общины способствовало ее консолидации.

Политика укрепления земли в собственность натолкнулась на морально-психологическое сопротивление крестьян введению частной собственности до-

мохозяина на землю, что являлось исходным моментом аграрной реформы. В глазах крестьян эта мера означала либо быстрое измелъчание земельных наделов, либо нарушение равенства в семье («огораживание» внутри крестьянского двора) [11, с. 29]. Идея равенства, составлявшая основу крестьянского менталитета, оказывала определяющее влияние и на хозяйственное поведение крестьян. Хозяйства охотно жертвовали потенциальным повышением производительности на укрепленных участках ради уравнительного распределения земель [10, с. 1029]. Реформа не соответствовала «базовым инстинктам», менталитету народа. В итоге достижение поставленной цели становилось маловероятным.

Реформа дала и противоположный ожидаемому правительством результат. Освободившись от зажиточной части общинников и пауперизированных слоев, община стабилизировалась. Создавались условия для оживления традиций сплоченности крестьян в защите своего общинного строя. Открытое обсуждение преимуществ и недостатков реформаторской практики способствовало активному выяснению не только отрицательных, но и положительных сторон общинной жизни по сравнению с нововведениями. Община предстала не как фискальный орган, а как демократическая организация местного управления, товарищеская и соседская община, дававшая крестьянам чувство социальной защищенности. Обсуждение на сходах приговоров о выходе из общины привело к оживлению ее деятельности. Она стала решать больший круг вопросов, чем до революции 1905–1907 гг. Все это стало ответом общины на усилившуюся угрозу традиционному образу жизни. Старые идеалы обрели волю к жизни. Община вступила на путь приспособления к новым условиям: усовершенствование орудий и машин, рациональные способы обработки земли (многопольный севооборот).

Предложенный правительством вариант аграрных преобразований порождал ограничители, сужавшие потенциал реформы и приближавшие ее пределы. Крестьянство, которое, кстати сказать, не считало общину идеальным и единственным для себя способом существования, могло пуститься в «самостоятельное плавание» только тогда, когда решена главная проблема – выживание. Для этого необходим избыток прибавочного продукта и накопленный «запас прочности». Не случайно из общины вышли категории крестьян, которые настолько тяготились общинными порядками, что сама возможность выхода из нее была для них важнее условий выхода. Это крестьяне, которые либо решили порвать связи с деревней вообще, продав свои участки земли (таких было 52,5% от числа укрепившихся) [7, с. 60], либо весьма состоятельные, имевшие ресурс отказаться от общины как компенсатора недостаточности общих условий хозяйствования. Однако в ходе реформы проблема выживания обеспечивалась в русских условиях в значительной степени за счет института, который, по условиям аграрной реформы, шел под снос, – то есть общины. Не показав безусловных преимуществ, реформа сулила лишь смутные перспективы, что удерживало значительную часть крестьян в лоне общины.

Библиографический список

1. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10243. Л. 27.
2. *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия. М., 1990.
3. *Чернышев И.В.* Община после 9 ноября 1906 г. (По анкете Вольного Экономического Общества): в 2 ч. Пг., 1917.
4. *Миронов Б.Н.* Социальная история России (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. Т. 1.
5. *Корелин А.П.* К стабильности через реформы? // Россия в начале XX века: исследования. М., 2002.
6. Труды Редакционной Комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. 1. СПб., 1903.
7. *Ковальченко И.Д.* Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2.
8. П.А. Столыпин: Грани таланта политика: [сб. документов]. М., 2006
9. *Анфимов А.М.* Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1992. № 3.
10. *Туманов П.* Некоторое влияние земельных реформ на производительность российского сельского хозяйства в 1905–1913 гг. // Экономика и математические методы. 1991. Т. 27, № 6.
11. *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

V.N. Gasilin
The Mithological Conception
by Dmitry Merezhkovsky

The reconstruction of the mithological conception by D.S. Merezhkovsky is presented, based on the analysis of his trilogy "The Mystery of the Tree". The emphasis is on the most ancient civilizations reflected in Christianity and Russian philosophy. The significance of the conception for the contemporary civilization and contemporary Russia is accentuated.

Key words and word-combinations: Merezhkovsky, mythology, "The Mystery of the Three".

Представлена реконструкция мифологической концепции Д.С. Мережковского на основе анализа его трилогии «Тайна трех». Центральное место уделено рассмотрению древнейших цивилизаций, отразившихся в христианской религии и русской философии. Подчеркнуто значение концепции Мережковского для современной цивилизации и для современной России.

Ключевые слова и словосочетания: Мережковский, мифология, «Тайна трех».

УДК 1
ББК 87

В.Н. Гасилин

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДМИТРИЯ МЕРЕЖКОВСКОГО

Жизнь Д.С. Мережковского была переполнена различными событиями, активной деятельностью, он оставил после себя большое литературное наследие [1]. Изучал историю философии в Петербургском университете. Известность получил как литератор, литературный критик. Первое стихотворение «Нарцисс» появилось в 1881 г., затем были созданы трилогия «Христос и Антихрист», включающая историко-философские романы «Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи», «Петр и Алексей» (1896–1904), двухтомное исследование «Толстой и Достоевский» (1901–1902), сборники «Вечные спутники» (1897), «Грядущий хам» (1906) [5], «В тихом омуте» (1908), «Не мир, но меч» (1908) и другие произведения. Еще в 1894 г. Мережковский опубликовал статью, имевшую большой успех, – «О причинах упадка русской литературы», в которой кроме прочих достоинств содержится идея провозглашения нового, символического искусства. «Мы свободны и одиноки... перед этим ужасом бледнеют все прежние ужасы», – писал он. Это

были, видимо, предчувствия будущих трагедий, связанных с Первой русской революцией, реакцией, Первой мировой войной и большевистской революцией 1917 г.

Он явился одним из инициаторов и основателей Религиозно-философских собраний в Петербурге, объединивших различных представителей русской интеллигенции, создателем журнала «Новый путь» (1903–1904; потом – «Вопросы жизни»). После Первой русской революции, в 1907 г., было создано Религиозно-философское общество, в деятельности которого Мережковский принял активное участие; цель – объединение «интеллигенции и церкви». Результатом явилось движение, получившее название «Новое религиозное сознание», – религиозно-философское, «богоискательское» течение, лидерами которого стали Д. Мережковский, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Булгаков, З. Гиппиус и другие.

Об этом течении стоит сказать особо. Оно было далеко не однородно, о чем свидетельствуют хотя бы фамилии его участников; сами «богоискатели» именовали его по-разному: «неохристианство», «новый идеализм», «мистический реализм», «трансцендентный индивидуализм» [2]. Смысл этого движения его представители видели в спасении России, в объединении интеллигенции с Русской Православной Церковью, свободной от консерватизма и рутины. Можно (с оговорками) согласиться с оценкой этого движения, данной В. Курабцевым: «В основе “Нового религиозного сознания” были глубокое недовольство секуляризированной культурой, антиперсоналистической государственной и общественной жизнью, “мертвенным” христианством, поверхностностью ценностей значительной части русской интеллигенции, а также, и прежде всего, жажда личной веры, нахождения смысла личной и мировой жизни у светской, неукорененной в христианстве интеллигенции» [3, с. 388].

На наш взгляд, не стоит относиться к богоискательству с абсолютно положительных позиций, но следует все же видеть в нем и некий положительный заряд идей; они направлены не просто на объединение интеллигенции, но на объединение ее с Церковью. «Богоискатели» выступили против социалистических идей, прежде всего марксистских. В.И. Ленин писал о том, что они выступали «против крайностей клерикализма и полицейской опеки *для усиления* влияния религии на массы для замены хоть некоторых средств отупения народа, слишком грубых... – более тонкими, более усовершенствованными средствами» [4, с. 434–435]. Но Ленин был, как марксист, последовательным атеистом и, разумеется, ни в коей мере не разделял религиозные устремления богоискательства, рассматривая религию, аналогично Марксу, как «опиум народу». Кроме того, он уверял: «Люди всегда были и *будут* глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [4, с. 228].

Новое религиозное сознание – одно из ярких интеллектуальных движений России первой половины XX в., обогатившее нашу культуру. Д.С. Мережковский первым заговорил о новом религиозном сознании, задумавшись над идеями, видимо не без влияния исканий Н.Ф. Федорова («Философия общего дела»), над проблемами преодоления смерти. Эта тематика стала для него важной в последующем творчестве. О влиянии идей В.С. Соловьева и Н.Ф. Федорова на

становление и развитие этого движения писал Н.А. Бердяев [5, с. 27–38]. Корни этого движения связаны, по его мнению, с вечными религиозными поисками русской души, литературы (особенно Тютчева и Достоевского, «всей русской философии», начиная с Чаадаева). Мережковский подчеркивал значение творчества в жизни человека и общества, но в еще большей степени это сделал Бердяев, остановившись на проблеме, которая ориентирована, по его мнению, на «безмерную ценность индивидуальности» и таинственную религиозную сущность творчества.

В 1906 г. Мережковский вместе с женой уехал в Париж (до 1914 г.); это не была эмиграция, они временами приезжали в Россию. Большевистскую революцию 1917 г. Мережковский не принял прежде всего из-за кровавого террора, не говоря уж о жестком атеизме власти в интеллектуальной сфере. В декабре 1919 г. он вместе с женой, Д. Философовым и секретарем В. Злобиным бежали из Петрограда в Минск, Варшаву, а в 1920 г. в Париж. Здесь он стал проводить свои литературные «воскресенья», здесь он прочитал лекцию «Большевизм, Европа и Россия», в которой обличал большевизм во лжи. В 1922 г. в Мюнхене вышла его работа в соавторстве с З. Гиппиус, Д. Философовым и В. Злобиным – «Царство Антихриста». В книге описывались ужасы большевистского режима. Ясно, что ни о каком возвращении в Россию не могло быть и речи.

Мережковский был противником тоталитаризма в любой его форме; для него это прежде всего большевизм и нацизм; его философское кредо – духовная свобода и творчество (как и у Бердяева), основанные на христианстве. Выступая в радиопередаче, организованной после нападения Гитлера на СССР, он повторил то же, что писал с 1920 г. о большевиках как абсолютном зле: «Большевизм никогда не изменит своей природы, как многоугольник никогда не станет кругом, хотя можно увеличивать до бесконечности число его сторон... Основная причина этой неизменности большевизма заключается в том, что он никогда не был национальным, это всегда интернациональное явление с первого дня его возникновения в России, подобно любой стране, для достижения конечной цели – захвата мирового владычества» [6]. Не случайно З. Гиппиус закончила свою книгу о муже словами: и он и она «были и в начале, и в конце, и всегда “за интервенцию”». Писатель верил, что духовное начало, культура и разум, планомерно уничтожавшиеся большевиками, возвратятся в Россию. Он был убежден, что повергнутая в кровь Россия духовно возродится и начнет «спасение мира», которое другие народы завершат. Этого ему, конечно, не могли простить коммунисты. После освобождения Парижа от немцев в дом Мережковских явилось несколько вооруженных людей, но Мережковского уже не было в живых [7].

В 1927 г. вместе с женой Мережковский организовал литературное и философское общество «Зеленая лампа». На одном из собраний он говорил: земля есть место подготовки не только для неба, но и для новой, справедливой жизни на земле. В настоящее время эта проблема, выдвинувшаяся на первый план, стала в процессе совершенствования мира социальной проблемой – искания социальной справедливости; это творческая задача христианства [8]. В эмигрантские годы он продолжал писать исторические и философские романы «Рождение богов. Тутанхамон на Крите» (Прага, 1922).

Центральным произведением эмигрантского периода явилась трехтомная работа «Тайна трех», которая включает в себя книги: «Тайна трех: Египет и Вавилон» (Прага, 1925), «Тайна Запада: Анлантида-Европа» (Белград, 1930) и «Иисус Неизвестный» (Белград, 1932–1934). Трилогия появилась на пике популярности Мережковского в Европе. Еще с 1922 г. Мережковский, наряду с И. Буниным, А. Куприным, упоминался как наиболее вероятный номинант на Нобелевскую премию (премию получил Бунин). Мережковский, по сути дела, создал в этих произведениях свой *новый жанр*, который современники затруднялись определить. Во всяком случае это не литература, в том числе историческая литература, но и под обычный жанр философских работ эти сочинения не подходили. С точки зрения Г. Струве, «все написанное и напечатанное им [Мережковским] после 1926 года относится к тому роду писаний, на который трудно наклеить какой-нибудь ярлык» и правильнее всего было бы сказать: «Это единственный в своем роде Мережковский» [9, с. 90, 253]. По мнению Струве, есть основания считать, что трилогия (заметим, что Мережковский старался почти всегда разделять свои произведения на три части, трилогии, что отнюдь не соответствует троичности диалектики, например, у Гегеля) является частью «большого, оставшегося незаконченным труда, в который так или иначе входят почти все последующие писания Мережковского и который с правом можно назвать трудом его жизни» [9, с. 253].

Это удивительное по литературному стилю и форме произведение. Каждая из частей трилогии разбита на «подразделы», которые связаны некоторой последовательностью изложения мыслей автора и образуют, несомненно, единое, с позволения сказать, целое. Они связаны, скорее, не сюжетно (какой может быть сюжет в нелитературном произведении!), не монологически, как научный или классический философский трактат; они связаны единой мыслью автора, стремящегося выразить свое, новое мировоззрение.

На содержании «Тайны» сосредоточим свое внимание. Разумеется, изложить «Тайну» вряд ли возможно, тем более что содержание трилогии написано великолепным, неповторимым литературным стилем. Это нужно читать и самому пережить те мысли, которые стремился передать автор. Причем Мережковский не рассчитывал и не очень надеялся, что его книги будут немедленно приняты и поняты читателями (может, время еще не настало?); он предлагал эти книги читателю в качестве *послания* в запечатанной бутылке, которое, плаывая некоторое время в стихии океанических волн, все же будет поймано, прочитано и понято...

Трилогия посвящена судьбам современной цивилизации. Это грандиозный философский и социальный проект. Впрочем, он уже, собственно, не социальный, завершительный в смысле завершения социальности, и в этом отношении утопичный. Этот проект – центральная мысль Мережковского, которую он обдумывал многие годы. Суть этой мысли или идеи достаточно проста. Богом был дан Ветхий Завет, который утеряли в виде скрижалей евреи как «богоизбранный» народ. Второй Завет был дан Сыном, Иисусом Христом, пришедшим в мир, чтобы искупить грехи людей, принявшим муки на кресте, умершим и воскресшим, показавшим людям возможность достичь вечной жизни. Христос дал людям Новый Завет, но люди не воспользовались заповедями

Христа, а то и исказили их. Поэтому грядет появление Третьего Завета, завета Духа – Матери. Он-то и завершит Божественный цикл. Это общая схема. На деле она воплощена Мережковским в грандиозную картину мировой истории.

Подобного рода идею высказывали и ранее в разных интерпретациях. Например, итальянский монах XII в. Иоахим Флорский полагал: «Отец не спас мира, Сын не спас его; Мать спасет его; Мать есть Святой Дух». Мир проходит три последовательных этапа: 1) Бога Творца, бога Ветхого Завета, когда жизнь проходит под знаком Закона (господин – раб); 2) период Сына Божьего Христа (отец и дитя) – период, продолжающийся и поныне; 3) грядущий период, когда откроется Третий Завет – Царство Духа, когда жизнь будет проходить в полной любви. Вот высказывание или интерпретация В.В. Зеньковского: «Первый Завет – религия Бога в мире; второй Завет Сына – религия Бога в человеке – Богочеловека; третий – религия Бога в человечестве – Богочеловечества. Отец воплощается в Космосе; Сын – в Логосе; Дух – в соединении Логоса с Космосом, в едином соборном вселенском Существе – Богочеловечестве» [10, с. 59].

Здесь требуется пояснение, касающееся проблем пола. На эту проблематику Мережковского вывел В.В. Розанов, но их взгляды в определенном, а точнее говоря, мистическом аспекте достаточно соприкасаются. Введение в Троицу женского начала все же проблематично, хотя о какой проблематичности можно говорить, если все рассуждения развертываются в плоскости мистики, а не формальной логики.

Приведем оценку творчества Мережковского, которую дал его современник Н.А. Бердяев. Она интересна, хотя и неоднозначна (она написана и касается только первого этапа творчества мыслителя – до 1916 г.). Он справедливо отмечает, что огромное влияние на Мережковского оказал Розанов, его постановка религиозных тем, его критика христианства. Однако между этими мыслителями произошел разлад; «но он и доныне не может освободиться от обаяния розановской религии плоти», писал Бердяев. «Вся религиозная мысль Мережковского, – писал в то время Бердяев, – вращалась в тисках одной схемы, в эстетически для него пленительном противопоставлении полярностей, тезиса и антитезиса, в мистически волнующем его ожидании синтеза, откровения третьей тайны, тайны соединения полярностей» [11]. Главная полярность – Христос и антихрист. И далее: «Он политик в мистике и мистик в политике по первоначальному своему чувству жизни» [11, с. 130]. «Он любит связывать свои тезисы и антитезисы с писателями и художниками: Леонардо да Винчи – тезис, Микеланджело – антитезис; Достоевский – тезис, Л. Толстой – антитезис; Тютчев – тезис, Некрасов – антитезис и т.д.». Это положение несправедливо, поскольку не противоречит только триадичности, но и по сути дела неверно: разве можно противопоставлять то, о чем говорит Бердяев, в качестве противоположностей? Поэтому Бердяев и пишет: «*Тайна Мережковского и есть тайна двоения, двоящихся мыслей, а не тайна троичности*» [11, с. 131]. Это также несправедливо, ибо противопоставление того, что Бердяев называет «тезис и антитезис», в трактовке Мережковского не соответствует обычному диалектическому (например, в духе Гегеля) пониманию. Заметим, что диалектики как какой-то единой концепции невозможно обнаружить в истории философии [12].

Далее Бердяев пишет, что для Мережковского и близких ему людей характерна «кружковая психология»: «Эта сгущенная по духу сектантская, намагниченная атмосфера вокруг идей Мережковского, эта сверхличная магия и есть, вероятно, самое притягательное, наиболее влияющее. Мережковский никогда не говорит от “я”, он всегда говорит от “мы”. “Наше”, а не “мое” хочет он поведать миру, открыть истину соборную, а не индивидуальную. Для него существует лишь коллективный, а не личный религиозный опыт» [11, с. 135–136]. Во-первых, Бердяев упрекает Мережковского в том, чем сам страдает с самого начала своего творчества, во всяком случае в экзистенциально выраженных работах. Во-вторых, Мережковский (по крайней мере в «Тайне») постоянно беседует с читателем как с другом. В этом ценность его писаний: не безличное «мы», а диалог с читателем, не навязывание какого-то мнения, а стремление к сомыслию, основанное на личностной позиции.

Кратко концепция Мережковского состоит в следующем. Он собрал множество свидетельств о том, что женское божество у народов, в различных религиях играло ведущую роль (Иштвар, Изид... и т.п.). Самое интересное, что эти божества были двуполыми (мужеженщинами). Какие доводы? Назовем, как минимум, два. «Биологический закон»: нет однополых особей, все промежуточные. Применительно к людям это означает: «Всякая особь данного пола содержит в себе зародыш пола противоположного, мужская – женского, женская – мужского...» [13, с. 299]. Поэтому идеал – мужеженщина, сочетающая в себе свойства обоих полов. Мережковский также приводит примеры выдающихся, гениальных, духовных людей (мужчин), которые сочетали в себе не только мужские, но отчасти женские черты: Александра Великого, Наполеона, Леонардо да Винчи, юного Гете, Байрона (можно добавить: Шеллинг, Кьеркегор и др.). Эти образы можно множить и множить.

Религиозная картина мира, которую нарисовал Мережковский, конечно, отличается от «схемы», она богаче, колоритнее, хотя суть в принципе одна. Попытаемся изложить ее, выделив наиболее важные, с нашей точки зрения, идеи. Первая идея, которая просто бросается в глаза при чтении трилогии, – это мысль о надвигающейся на человечество катастрофы. После ужасов Первой мировой войны Мережковский предсказывает Вторую мировую войну, которая может стать для человечества последней. А это Конец света – Апокалипсис: «Через 20–30–50 лет будет вторая война; если не мы, то наши дети, внуки, правнуки увидят ее: все это знают или предчувствуют. «Мир, мир», – говорят, а звучит: “Война, война”» [13, с. 223]. И далее он пишет: «Нынешний мир – щель между двумя жерновами, духота между двумя грозами – перемирие между двумя войнами. Десять лет я решаю и все не могу решить, где сейчас душнее, страшнее, – здесь, в Европе, или там, в России. Может быть, равно. Только по-разному» [13, с. 225].

Во второй книге из трилогии, как следует из ее названия, одной из центральных тем является тема Атлантиды. «Тайна второй и, должно быть, последней всемирной войны и есть тайна Запада – Атлантида-Европа» [с. 13, 227]. Почему Атлантида? Представление об этой погибшей цивилизации ввел в широкий оборот Платон две с половиной тысячи лет назад. К настоящему времени об Атлантиде имеется огромное количество литературы, но она не дает ответа о ее дей-

ствительном существовании, что и позволяет считать изложенное Платоном мифом. По Платону, Атлантида располагалась в Атлантическом океане за Гибралтаром и погибла примерно 12 тысяч лет назад (между 9750 и 8570 гг. до н.э.). Сведения об Атлантиде Платон привел в двух диалогах: «Тимей» и «Критий».

Греков до эллинизма спасала если не религиозная, то эстетически врожденная аксиома *благого конца* – меры: все, что прекрасно здесь, на земле, ограничено, замкнуто, причем замкнуто на себя, закончено. Эту тему можно развивать, казалось бы, бесконечно, как, например, это делал Алексей Федорович Лосев. Тогда ограниченность, конец лучше бесконечности. Поэтому в греческом искусстве эсхатология – начало эстетики, а в греческой мистерии – начало религии [13, с. 230]. «Личность бесконечна только в нездешней, трансцендентной возможности, а в здешней – ограничена, замкнута... Быть бесконечным здесь, на земле, значит быть безличным. Наша воля к земной бесконечности есть тайная воля к безличности». Действительно, жить бесконечно для человека бессмысленно, нет цели...

По мысли Мережковского, «от него-то и освобождает эсхатология, метод религиозно-исторического познания, не менее точный, чем все научные методы. Чтобы понять середину – всемирную историю, надо видеть ее начало и конец; чтобы понять смысл пути, надо видеть, откуда и куда она ведет» [13, с. 231]. Здесь Мережковский вполне солидарен с мыслью, четко выраженной В.С. Соловьевым: бесконечное развитие невозможно и бессмысленно. «Первое знание, данное человеку: “я”, бытие внутреннего мира, личности – психология, в самом широком смысле; второе знание: “не-я” – бытие внешнего мира – космология; третье: конец “я” и “не-я” – эсхатология. Все три знания одинаково точны, но не одинаково легки: самое легкое – первое, третье самое трудное. Вся культура, или, вернее, «цивилизация», движется в среднем – космологии; вся религия – в крайнем – в эсхатологии» [13, с. 231]. Действительно, практически во всех религиях есть представление о Конце.

Два сказания о гибели человеческой цивилизации дошли до нас: вавилонское, повторенное в книге Бытия, о потопе; египетское, записанное Платоном, об Атлантиде. Является ли последнее мифом? Для Платона, по мысли Мережковского, «миф», может быть, самая лучшая часть его мудрости: «Мифы Платона – всем эллинским мифам венец, а жемчужина в венце – “Атлантида”. “Кто ее создал, тот и разрушил”, – чтобы это сказать, надо быть таким трансцендентно-любим врагом Платона, каким был ученик его, Аристотель» [13, с. 235].

Как бы там ни было, главное, что волновало Мережковского, – это проблема возможной гибели цивилизации. Он стремился предупредить людей, не допустить Конца. И не правы те исследователи его творчества, которые стремятся сделать акцент на апокалипсических, упаднических моментах написанного им. Он все же был оптимистом, верящим в счастливое будущее на земле.

Библиографический список

1. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: в 24 т. М., 1914.
2. Семенкин Н.С. Философия богоискательства: критика религиозно-философских идей софиологов. М., 1986.
3. Курабцев В. Новое религиозное сознание // Русская философия: малый энциклопедический словарь. М., 1995.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17.
5. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.
6. Большевизм и человечество // Независ. газ., 1993. 23 июня.
7. Злобин В. Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом // Возрождение. 1956. № 53.
8. Гиппиус З. Первое собрание // Последние новости. 1931. 13 февр.
9. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж, 1984.
10. Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 2, ч. 2.
11. Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Н. Бердяев о русской философии / сост., вступ. ст. и примеч. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова. Свердловск, 1991. Ч. 2.
12. Гасилин В.Н. Эвристические функции диалектики: прошлое и современность // Эвристические функции диалектики / под ред. В.Н. Гасилина. Саратов, 1991. С. 3–34.
13. Мережковский Д. Собр. соч. Тайна Трех / редкол.: О.А. Коростелев [и др.]; сост. и подгот. текста А.Н. Николукина. М., 1999.

S.M. Frolova
Dreams as a Reflection
of Eventness of Daily Being

The analysis of reputed scientific theories of dreams formation is drawn. It is proposed to consider dreams as the awareness of our presence in the world, and as a part of daily life, contributing to the continuation of actual events of everyday reality that provide for existential succession and continuity of daily being.

Key words and word-combinations: dreams, daily life, daily being, sources and meaning of dreams, the role of daily life in the formation of dreams.

Анализируются известные научные теории формирования снов. Предлагается рассматривать сновидения как осознание нашего присутствия в мире, как часть повседневности, своего рода продолжение реальных событий каждодневной действительности, обеспечивающих экзистенциальную преемственность и непрерывность повседневного бытия.

Ключевые слова и словосочетания: сновидения, повседневность, источники и значение сновидений, роль повседневности в формировании снов.

УДК 165
 ББК 87.22

С.М. Фролова

СНОВИДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙНОСТИ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ

Сон, как устойчивый, повторяющийся элемент бытия, воссоздает в явной или скрытой форме определенные события повседневной действительности, отражает переживания человека, испытываемые в процессе его жизнедеятельности. Феномен сновидения по-разному трактуют психологи, философы, эзотерики. Сновидения изначально рассматривали как своеобразную форму общения с духами, впоследствии исследователями выдвигались различные научные концепции, объясняющие возникновение снов: одни воспринимали сны как интерпретацию бессознательного, другие считали сны последствием воздействия архетипов на внутренний мир человека, третьи относили сновидения к показателям умственной деятельности челове-

ка, позволяющих увидеть мир «исключительно изнутри» (Э. Фромм). Общее, что объединяет все научные и ненаучные взгляды, – это то, что формирование сновидений не выходит за границы опыта приобретаемого человеком в процессе повседневного бытия. В связи с этим предлагаем рассматривать сновидения как показатель последствий отражения эмоциональных состояний, порождаемых повседневной деятельностью человека; как субъективный анализ окружающей каждодневной реальности, в процессе которого раскрывается внутренний, закрытый от других личностный мир.

Повседневность играет огромную роль не только в познании окружающей нас действительности, благодаря каждодневному бытию мы формируем невидимый, порой иллюзорный, не всегда осознаваемый нами мир, в том числе и мир сновидений. Несомненно, события повседневной действительности, их восприятие, как и продолжительность сна, у каждого человека индивидуальны, поэтому и содержание сновидений строго субъективно, что позволяет говорить об относительности причисления сновидений к повседневности, но практически каждодневная повторяемость сновидений убеждает в причислении их к повседневному событию. Ведь сновидения вне рамок обыденности субъекта невозможны, в форме спонтанной произвольности они выстраиваются на фундаменте повседневного бытия и, как правило, отражают основные прошедшие или планируемые события, позволяя беспрепятственно передвигаться из прошлого в будущее и анализировать свои действия и эмоции. Подтверждение находим у З. Фрейда.

Австрийский ученый, применивший идеи психоанализа для объяснения многих явлений повседневного бытия (культуры, творчества, общества, личности), полагал, что для разгадки значения сна необходимо исходить из реальных событий жизни человека, продуцирующих сновидения. З. Фрейд выделил четыре группы причин или источников сновидений, которые состоят из внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного) чувственных раздражений, а также внутреннего (органического) физического и чисто психических источников раздражения [1, с. 32].

З. Фрейд видел в сновидениях не только неявную локализацию либидо вне воли сознания, он относил сны к своеобразному напоминанию человеку о множестве важных моментов повседневного бытия, которые он рассматривает как совокупность мыслей и проблем, возникающих в результате жизнедеятельности человека, но не получивших ожидаемой или необходимой для человека реализации. Это понятно, ведь любая мысль личности не свободна, она детерминирована повседневным опытом и, как проявление определенного душевного состояния, может стать основным источником продуцирования сновидений. Во сне, пишет исследователь, «мы видим не только бесполезные обрывки повседневной жизни...», но и то, «что явно или подспудно беспокоит нас днем...» [2, с. 136]; поскольку сон является замысловатым сплетением мыслей то, согласно Фрейду, за любым, кажущимся нам несущественным моментом нашего бытия, скрывается значимое, возможно, судьбоносное «событие духовной жизни». Следовательно, для того чтобы разгадать значение сновидений и раскрыть скрытые чувственные явления, осевшие в нашем подсознании, необходимо исходить из реалий повседневного бытия.

Современник З. Фрейда – К. Юнг выделял объективные и субъективные сновидения, воссоздающие повседневное бытие человека с той разницей, что «объективные» сновидения отражают общие для всех события и явления повседневной жизни, а субъективные – внутреннюю, чувственную реакцию индивида на эти события. Даже незнакомые, чуждые сновидцу образы и ассоциации являются отражением повседневного опыта повседневного бытия прошлых поколений, которые, как считает Юнг, заложены в коллективной памяти, дающей о себе знать во время сна. Таким образом, повседневная жизнь человечества изначально содержит определенный набор схем освоения реальности (заметим, что их формирование зависит от исторической эпохи, меняющихся условий жизни общества и индивида), которые являются основой формирования сновидений.

Благодаря научным исследованиям З. Фрейда и К. Юнга, в научном мире утвердилось мнение, что сновидения являются отражением наших мыслей, чувств, поступков, которые «складируются» в подсознании человека и получают возможность проникнуть в сознание только во время сна. Но аналитики этих учений практически не обращают внимание на то, что основой для формирования внутреннего мира сновидцев, а значит, и содержания снов (этого не отрицают и Фрейд и Юнг) выступают события повседневного бытия. Мы не ставим цели выведения повседневности на главенствующие позиции в формировании снов, но считаем, что принижать или вообще отвергать значимость повседневного бытия в формировании этого феномена неправильно.

Итак, в процессе формирования сновидений определяющее значение имеют сознание и подсознание. Сознание, как один из важнейших компонентов человеческой психики, способствует тому, что «наше Я приобщается к своей истинности» [3, с. 151] и имеет определяющее значение в формировании повседневной действительности субъекта, в регулировании эмоциональных, чувственных и иных переживаний. Нельзя не согласиться с тем, что «сознание – это различение, сознать – значит различать. Опыт – иерархия различий, различение различий» [4, с. 15], и если рассматривать опыт и сознание в данном направлении, то они являются неразличимыми понятиями – без сознания невозможно формирование опыта. Опыт же неотделим от обыденного сознания, фундаментом построения которого является повседневная практическая деятельность людей. Таким образом, мыслительная деятельность индивида детерминирована повседневным опытом, а сновидения, как отражение каждодневной реальности, не выходят за ее пределы пространства повседневного бытия.

Указанная позиция отлична от точки зрения профессора В.Н. Гасилина [5], полагающего, что сновидения – это область мнимого, виртуального пространства. Нам ближе точка зрения Ирвинга Гофмана, воспринимающего сновидения как ролевую игру, в которой сценарий и правила создает сам человек, закладывая в его основу переживаемые, проанализированные и оцененные с субъективной точки зрения события. По И. Гофману, «повседневность заключается не в том, что индивид ощущает как реальность, а в том, что завладевает им, поглощает и увлекает его» [6, с. 67]. Это позволяет «по-разному вспоминать» и играть во сне различные роли.

Полагаем, что правила игры (роли) формируются на фундаменте деятельностных, ценностных и культурных постулатах, присущих определенной личности. Ведь человек, независимо от рода общественной деятельности и социального статуса, руководствуется *смысловой направленностью* своего жизненного стиля и сложившейся особой ситуации, в которую вовлечен в процессе повседневного бытия. Вероятно, поэтому содержание сновидений людей, живущих в одном обществе, различно. Не вызывает сомнений, что сновидения объединяют как допустимое в повседневной действительности, так и недопустимое, которое ограничивается человеком и намеренно устраняется из жизни по причине необходимости следования общепринятым в социуме правилам. Таким образом, сновидения – это неосознанное проявление значимых для человека повседневных событий и переживаний, которые сложно раскрыть в состоянии бодрствования, но которые свободны от «блокировки» в период сна и потому сами себя обнаруживают.

Ученик Фрейда и Юнга – Э. Фромм считал, что индивид только во сне испытывает такое «состояние бытия, при котором человек свободен от необходимости заботиться о выживании» [7, с. 111], чем занимается практически во все время повседневного бытия, и только во сне, когда он отключается от повседневных забот, субъект обретает возможность проникнуть в «природу своей жизни». Разделяем точку зрения Э. Фромма о том, что сновидения являются показателем умственной деятельности человека и потому отражают мир с позиции субъективного опыта, что объясняет различие содержания снов. Ведь даже «любое слово для одного человека слегка отлично по смыслу, чем для другого», а при «чисто интеллектуальном понимании термина... особенно в его эмоциональном тоне и приложении» [8] такое различие возрастает. Поэтому психологический контекст содержания снов, полагает Юнг, состоит из «паутины ассоциаций, в которую сон естественным образом вплетен» [9, с. 67]. Необходимо отметить, что особое значение в формировании сновидений человека, как результата его обыденной жизни, имеет эмоциональный настрой, который подталкивает субъекта к особому восприятию и осознанию как собственного, так и окружающего мира, а следовательно, и выстраиванию сновидений.

Теории о природе сновидений, указанные ранее, схожи с концепцией выдающегося русского философа Серебряного века П.А. Флоренского, который рассматривал сновидения как отражение впечатлений, накопившихся «в душе из дневных впечатлений» [10, с. 50, 59]. О. Павел называл сны сброшенной одеждой души, «шелухой», мешающей осмыслению бытия. В сновидениях, пишет русский мыслитель, человек дает отвлеченную оценку зрительному представлению мира, воспринимаемому «иным, незрительным способом», что позволяет незамечаемое спроецировать на реальное, перевести в разряд осознаваемого. На основе указанного полагаем, что повседневное бытие выступает основным фоном в выстраивании сновидений, сюжеты и действующие лица которых запечатлеваются в сознании индивида независимо от интереса к ним и яркости произведенного впечатления.

А. Шюц небезосновательно относит сон к своеобразному «подмиру» в «многообразии миров», а сновидения называет изолированной сферой субъективной

деятельности. Человек, по мнению исследователя, не способен перейти из одного мира в другой, пока не испытает «специфический шок, заставляющий вырваться из этой «конечной» области значения и перенести акцент реальности на другую». Шюц утверждает, что «разнообразных шоковых переживаний так же много, как и конечных областей значения, которые я могу наделить чертами реальности» [11, с. 425]. Специфические шоковые переживания вызывают внутренние изменения, происходящие в нас при переходе из стадии засыпания в «прыжок в мир сновидений», так же как в театре мы подвержены шоку при подъеме занавеса и переходе «в мир театрального представления» [12, с. 514], отсюда, делает вывод ученый, значение сна не может быть равнозначным с реальностью природы или значимостью мира повседневности. Мы настаиваем на том, что сновидения относятся к области действительного, поскольку они отражают только *воспринимаемую* субъектом реальность, пусть им же имманентно рассредоточенную и упорядоченную, но неотъемлемо существующую в рамках событий каждодневной деятельности, которая вне рамок повседневного бытия невозможна.

Таким образом, сновидения нельзя воспринимать как пассивное состояние человека, скорее – это проекция повседневной деятельности субъекта на его сознание, проявляющееся во время «пространственно-временного разрыва между материальным и идеальным», то есть, в период сна. Сновидения обеспечивают экзистенциальную преемственность и непрерывность, они становятся частью повседневности и соучаствуют в *осознании* нашего присутствия в бытии, поэтому сон скорее можно считать своеобразной самодублирующей формой активности человека помогающей осмыслить происходящее в процессе повседневного бытия индивида и общества.

Библиографический список

1. Фрейд З. Толкование сновидений. СПб., 2008.
2. Маркус Г. Зигмунд Фрейд: Тайны души: Биография. М., 2008.
3. Иванов О.Е. Самосознание как основа метафизики: опыт введения в философию. СПб., 2002.
4. Молчанов В.И. Время и сознание: критика феноменологической философии // Молчанов В. Исследование по феноменологии сознания. М., 2007.
5. Гасилин В.Н. Сновидения как виртуальность бытия человека // Человек. История. Культура: ист. и филос. альманах. Саратов, 2009. № 8. С. 5–12.
6. Гофман Э. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003.
7. Фромм Э. Человек для самого себя. М., 2009.
8. Юнг К. Функция и анализ снов. URL: http://www.jungland.ru/funktsiya_i_analiz_snov
9. Юнг К. Психология и алхимия. М., 2009.
10. Флоренский П.А. Иконостас. М., 2007.
11. Шюц А. О множественных реальностях // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 519–531.
12. Шюц А. Символ, реальность и общество // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 532–456.

P.N. Demchenko
Philosophical and Methodological
Approaches to the Understanding
of Holiday as a Phenomenon
of Existence

Philosophical and methodological approaches to the understanding of the phenomenon of holiday are considered. It is proved that the phenomenon of holiday has its own spatial boundaries and temporality, i.e. ontological foundations. The author provides a philosophical and ontological reflection of festive culture.

Key words and word-combinations: the phenomenon of holiday, a ritual, ontology.

Рассматриваются философско-методологические подходы к пониманию феномена праздника. Доказывается, что феномен праздника имеет свои пространственные границы и свою темпоральность, то есть онтологические основания. Осуществляется философско-онтологическая рефлексия праздничной культуры.

Ключевые слова и словосочетания: феномен праздника, обряд, онтология.

УДК 1
ББК 87

П.Н. Демченко

ФИЛОСОФСКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАЗДНИКА КАК ФЕНОМЕНА БЫТИЯ

Несмотря на тот факт, что сегодня феномен праздника, а также его семантическое и символическое на первый взгляд кажутся достаточно хорошо изученными, однако в философско-онтологическом аспекте они оказываются малопроясненными. Актуальность исследования определена необходимостью исследования онтологии феномена праздника, поскольку стремление к самопознанию обусловило внимание общества к изучению традиционной культуры и предоставило своеобразный заказ на исследование народных традиций, в частности в празднично-обрядовой сфере, а также их текстового наполнения.

Пожалуй, первое рассмотрение феномена праздника осуществили античные философы Платон и Аристотель, рассматривающие его как инструмент стабилизации государства, как средство физического и нравственного совершенствования человека. С точки зрения Платона, праздник является инструментом «надежного воспитания», суть которого состоит в структурировании образа мыслей, признанного правильным законом. «Чтобы душа ребенка не приучалась радоваться и скорбеть вопреки закону... и были выработаны песни... на самом же деле это заклинания, зачаровывающие душу; они имеют серьезную цель – достичь гармонии, о которой мы говорили. А так как души молодых лю-

дей не могут выносить серьезного, то их и надо было назвать забавой, песнями и исполнять их только в качестве таковых...» [1, с.74]. С позиции той же самой идеи о «надлежащем воспитании», которая согласуется с интересами государства, Платон рассуждает и в отношении других составляющих праздника – игр и танцев.

Согласно Аристотелю, праздник для индивида – это возможность достижения некоего облегчения (очищения) и, как следствие, удовольствия от доказательства его устойчивой связи с группой. Таким образом, праздник является неким показателем усвоения индивидом культурных ценностей социума. Аристотель рассматривает в качестве одной из шести задач (erga) государства «попечение о религиозном культе», поскольку «все гражданское население распадается на две части, т.е. на тяжеловооруженных и совещающихся, и так как надлежит, с одной стороны, отправлять религиозный культ, а с другой – дать отдохновение тем, чей возраст освобождает от других занятий» [2, с. 35].

С точки зрения Ф. Ницше, суть праздника кроется в реализации глубинных потребностей духа, в переживании человеком состояний, позволяющих осуществить переход к трансцендентному, достичь духовного просветления, тем самым погрузиться в полноту жизни. Это связано прежде всего с метафизическим лейтмотивом мыслителя, заключающимся в следующем: бытие представляет собой становление, однако не беспрестанное возникновение чего-то нового, а только лишь «вечный круговорот» всего происходившего в прошлом.

Э. Дюркгейм, считая определяющим в сознании и поведении индивида влияние социальной среды, называет праздник символическим и психологическим посредником, порождающим и укрепляющим высшие ценности, между обществом и человеком. В качестве главной особенности современного общества автор выделяет важность и священность концепции индивида, в рамках которой индивид является центром личных и общественных ритуалов, тем самым удерживая общество в целостностном состоянии: «Таким образом, между индивидом и обществом не только не существует столь часто предполагаемый антагонизм, но в действительности моральный индивидуализм, культ человеческого индивида – это творение общества. Оно установило этот культ. Именно оно сделало из человека Бога, служителем культа которого оно стало» [3, с. 29].

Основоположник психоанализа З. Фрейд, напротив, видит в сущности данного феномена нарушение общественных табу, основ, норм, тотемных символов, запретов на общение с родственниками у примитивных первобытных народов, верований, касающихся мертвых. Обычно тотемическое пиршество начинается с танцев людей. Их движения повторяют движения тотемного животного, которое выслеживают, а затем убивают. Праздник заканчивается оплакиванием и поеданием животного, шумным весельем, трансформирующимся в оргию.

Ученые, эксплицируя церемонии мистерий, дают характеристику мифологической природы праздника и выявляют его отличительные свойства, такие как

сакральность, единение, катарсичность и связанную с этими свойствами структуру переживания времени. Безусловно, исторически праздник уходит в глубокую древность и его корни тесно связаны с магией, ритуалом, культом, трудовой деятельностью, мировосприятием, ценностными ориентациями и образом жизни.

Известный английский этнограф Э. Тайлор, рассуждая об обрядовости и праздниках, называет эти «живые свидетельства или памятники прошлого» более ранней стадии культуры, привнесенные в иную, более позднюю стадию, пережитком: «Между свидетельствами, помогающими нам проследить действительный ход цивилизации, существует обширный класс фактов, для обозначения которых я почёл удобным ввести термин “пережиток”». Это те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой они были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого» [4, с. 19].

Румынский философ и культуролог М. Элиаде связывает праздники со стремлением человека периодически восстановить «Время начала реальности», поскольку оно имеет свою значимость и функцию примера. Процесс восстановления «Времени первого появления» в настоящем осуществляется с помощью соответствующих обрядов. Вновь приобрести «Время начала» означает ритуально повторить созидательные действия богов. «Периодическое воспроизведение в настоящем созидательных действий, совершенных Божествами *in illo tempore* и составляет священный календарь – свод праздников» [5, с. 57]. Во время праздника люди совершают те же поступки, что и в обычные периоды жизни, но религиозный человек верит, что в праздник он живет в другом Времени, что он смог обрести мифическое *illud tempus*. М. Элиаде подчеркивает, что праздник позволяет в полной мере обнаружить «священные ценности Жизни», являющиеся условием познания святости существования человека как создания божьего.

Обрядовая практика, сопричастие с культом выступают социальным регулятором отношений первобытных коллективов как внутри, так и между ними, а также отношений с окружающей природой. Согласно Л. Леви-Брюлю, вмешательство сил внешнего мира в жизнь человека является непрерывным, и человек «постоянно пытается, смотря по надобности, сдерживать это вмешательство или бороться с ним», поскольку праздник содержит в себе факт «вечного возвращения» в своем ритуальном повторении сакральных образцов действий своих «предков», тотемных животных, богов или героев в мифическом времени. Через соучастие в праздничных ритуалах представители архаических обществ «опрокидывались» в сакральный мир.

Не случайно в античности сатурналии воспринимались ничем иным как временным возвратом «золотого века», где все справедливо и уравновешено. По мнению венгерского учёного К. Кереньи, элевсинские боги, освящавшие праздничные мистерии, относятся к архетипическим образам человеческого существования. В своей статье, раскрывающей сущность праздника, он пишет: «Из душевных реальностей... праздничность – это вещь в себе, которую ни с

чем больше в мире не спутаешь» [6, с. 63]. Автор считает, что история культуры оставила без должного внимания феномен праздника: «Феномен “праздничного”, кажется, совершенно ускользнул от этнологов» [6, с. 65].

С мнением К. Кереньи в части вопроса недостаточного внимания теоретической мысли к изучению феномена праздника в контексте культуры соглашались Г.Г. Гадамер и Й. Хёйзинга, утверждающие за этим феноменом характер изначальной самостоятельности.

Й. Хёйзинга считает, что слово «праздновать» говорит само за себя: «Священный акт празднуется, то есть осуществляется в рамках праздника» [7, с. 45]. Состояние у народа, которое можно охарактеризовать как «совместное изъяснение радости» и общение со своими святынями, а также участие в священных танцах, освящении, в сакральных состязаниях, представлениях и мистериях – все это составляет сущность феномена «праздник». Ход «обычной жизни» останавливается. Трапезы, пиршества и всяческая безудержность, наоборот, продолжают на протяжении всего праздника. Исследователь отмечает существование тесных отношений между праздником и игрой. В качестве основных социальных особенностей, характеризующих игру и праздник, автор выделяет полное выключение из обычной жизни, преимущественно радостный тон поведения, пространственные и временные границы, наличие одновременно строгой настоящей свободы и определенности.

Пожалуй, первые шаги в изучении феномена праздника в отечественной литературе можно датировать первым десятилетием XIX в. – это труды И.П. Сахарова и И.М. Снегирева. Не менее интересны историко-этнографические исследования В.Я. Проппа (XX в.), вскрывающие глубинные связи языческих, народных и церковных празднеств. О.Ф. Больнов считает, что праздник – это часть счастливого, радостного бытия, в котором человек видит спасение от повседневных неурядиц и опасностей.

Отдельно отметим теорию карнавальной культуры М.М. Бахтина. Смысл его концепции состоит в применении понятия карнавала (ежегодного праздника перед Великим постом) ко всем явлениям культуры Нового времени. В структуре старой картины мира устанавливаются и закрепляются традицией освещенные религией ложные иерархические прослойки, не позволяющие вещам соприкоснуться в их живой действительности, восстановить целостность мира. Согласно М. Бахтину, выражаясь в карнавале, народная смеховая культура противопоставляется «официальной культуре».

На наш взгляд, чтобы понять феномен праздника, необходимо поместить его в контекст философско-онтологической рефлексии праздничной культуры.

Подводя итог анализа философских подходов к пониманию феномена праздника, можно отметить следующее:

Во-первых, многие ученые идентифицируют праздник с особым видом игровой деятельности. Феномен праздника имеет свои пространственные границы и свою темпоральность, то есть онтологические основания.

Во-вторых, посредством праздника осуществляется единение индивида с

обществом через сопереживание и преемственность с прошлым, через «вечное возвращение» понимания сакральности праздника и его атрибутов.

В-третьих, праздничная игра – это условие идентификации человеком самого себя как социального существа в онтологическом единстве бинарности «я» – «мы» и преодоление повседневности существования через переживание сакрального опыта, позволяющего справиться с «дурной бесконечностью» ежедневно совершаемых человеком действий.

В-четвертых, в ходе исторического развития человечество постепенно десакрализовывало образцы праздничной культуры. Это привело к изменению символики, сохраняя одновременно пространственно-временную и религиозную составляющую, тем самым определяя историческое, национальное, видовое и тому подобное разнообразие праздника.

В-пятых, праздник посредством обрядовой деятельности реализует свою коммуникативную функцию и актуализирует коллективную память народа, общества. Изначально он формировался как священное событие, раскрывающее смысл отношения человека к моменту рождения и смерти, значимым периодам годового цикла, темпоральным переходам человека из одной возрастной группы в другую и т.п. Тип культуры конкретной традиции соотносится с наличием системы социокультурных ценностей данной традиции. Праздник же, поддерживаемый традицией, укрепляет и задает связи с природными, историческим и общественными ритмами человека, обогащая культуру как способ человеческого бытия.

Таким образом, изучив философско-методологические подходы зарубежных и отечественных исследователей праздничной культуры, можно отметить, что главное внимание в представленных концепциях отводится этнографическим, культурно-историческим и социологическим аспектам праздника, а также категориям, непосредственно связанным с ним: народным традициям, ритуалам, обрядам, обычаям, церемониям, играм, гаданиям и пр.). Однако в исследуемых концепциях отсутствуют следы рассмотрения феномена праздника в контексте онтологической рефлексии, которую мы связываем прежде всего с «конкретной метафизикой» П. Флоренского, в дальнейшем развитой В.А. Фриауфом, В.В. Канафьевой.

Библиографический список

1. Платон. Государство // Полн. собр. соч.: в 3 т. М., 1971. Т. 3.
2. Аристотель. Поэтика // Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4.
3. Kenneth D. (Douglas) Allan. Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World. Pine Forge Press, 2005.
4. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. (Библиотека атеистической литературы).
5. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.Г. Гарбовского. М., 1994.
6. *Vom Wesen des Festes*. Paideuma, Mitteilungen zur Kulturkunde. I. Heft 2 (Dec. 1938).
7. Хёйзинга Й. Homo Ludens [Человек играющий] / пер. с нидерланд. Д. Сильвестрова. СПб., 2007.

M.V. Usova
The Methodological Bases
of the Network Configuration
of Concepts in the Modern
Society

It is proved that the concept of "network" characterizes both a society, and socio-philosophical ideas about it. The author proves the statement that concepts give an idea of the separate parties of society and their number is increasing. The idea of situational reconfiguration, assembly and reassembly of markers, depending on the maturity of concrete societies, research and practical tasks, ability to dialogue and communication, is introduced.

Key words and word-combinations: concepts, markers, methodology, network society, hybridity, reconfiguration.

Доказывается, что концепт «сеть» характеризует как общество, так и социально-философские представления о нем. Обосновывается утверждение, что концепты дают представление об отдельных сторонах социума и число их увеличивается. Высказывается суждение о ситуативной реконфигурации, сборке и пересборке маркеров в зависимости от зрелости конкретных социумов, исследовательских и практических задач, способности к диалогу и коммуникации.

Ключевые слова и словосочетания: концепты, маркеры, методология, сетевое общество, гибридность, реконфигурация.

УДК 316.32
 ББК 60.52

М.В. Усова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕТЕВОЙ КОНФИГУРАЦИИ КОНЦЕПТОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Исследование социума в социальной философии требует освоения имеющихся способов мышления об обществе как сложном объекте, создания концептуальных схем, их последующей операционализации и разработки соответствующего инструментария. Фундаментальным концептом, фиксирующим не только смыслы, но и ценности социально-философского исследования и его предметную сферу, является концепт «общество» в его отличие от «природы». Поэтому «общество» можно назвать метаконцептом, определяющим представление о социуме как сложном, нелинейном, изменчивом и гибридном мире [1].

Понятие «современное общество», в свою очередь, является макроконцептом, его содержательное наполнение сложно и противоречиво, и его не удастся пока описать целостной теорией или моделью. Поэтому постоянно разрабатываются новые способы мышления и микроконцепты, в рамках которых изучаются те или иные стороны современного социума. Однако способы мышления и концептуальные схемы изучения такого предмета, как современное общество, характеризуются пестротой и многообразием конфигураций, что может быть оценено как вызов для социальной философии.

Одним из ответов на этот вызов может быть использование термина «маркер» как микроконцепта. На наш взгляд, он позволя-

ет осуществить операционализацию описания общества через систему индикаторов, свидетельствующих о некоторых сущностных характеристиках социума, опознаваемого ими как современный.

Термин «маркер» успешно используется в социологии, культурной антропологии, геополитических концепциях, которые достаточно тесно соприкасаются с социальной философией, что позволяет транспонировать его использование и в этой предметной области [2].

Нами ранее был предпринят обзор и анализ актуальных исследовательских практик «маркировки» современного общества. Выделены такие маркеры, как общество модерна и постмодерна, открытое общество, транзитивное и глобальное, индустриальное и постиндустриальное, общество потребления и спектакля, социомедийное массовое общество, виртуальное общество, общество знания и риска, общество сетей и коммуникаций. Результатом анализа явился вывод, что знания о современном обществе является пестрой картиной концептов, подходов, моделей, теорий, которые сосуществуют, в значительной мере пересекаются и интерферируют [3]. Это – «оживленное многоголосие» микроконцептов (маркеров), где появляются новые голоса либо комбинации и композиции имеющихся голосов, что особенно заметно в так называемых междисциплинарных исследованиях [4].

Все это актуализирует вопрос: удерживается ли в настоящее время взгляд на общество как целое? Он имеет не только теоретическое, но и практическое значение, о чем свидетельствуют острые дискуссии экспертов по оценке сосуществующих «социумов» как современных – либо отсталых, традиционных, догоняющих и т.д. Если никто и ничто не удерживает целостность в условиях неустойчивости и многообразия социума, то возникает риск ошибок и кризисов в решении управленческих задач и неизбежной хаотизации социума. Этот вызов можно определить как «вызов сложности», на который классическое понимание общества не может дать адекватного ответа.

И это действительно так. Поэтому мы предлагаем другой подход, согласно которому социально-философское истолкование современного общества осуществляется не в форме теории классического образца, а как сборка, как комбинация, как сетевое конфигуративное знание. Его целостность – иного рода, нежели в «классических» системных представлениях об обществе.

Как отмечалось, многообразие концептуализаций современного общества и их комбинаций коренится в сложности и динамизме современного социума, его нелинейном развитии. Следовательно, оно детерминировано и ситуацией в методологии понимания общества как предмета социальной философии. Многообразие концептуализаций стало возможно потому, что произошел отказ от традиционного суверенного когнитивного субъекта в пользу коллективного, от единственно верного метода к сетевой координации и конфигурации различных методов. Рассмотрим эти изменения более подробно.

Действительно, в последние годы в методологии социально-гуманитарного исследования произошли существенные трансформации. Во-первых, возникли новые техники, методологические практики и соответствующие компетенции методологов. Отвергнуты онтологический монизм и дуализм, на смену которым

пришла работа с множественными и гибридными онтологиями и в условиях многоальтернативного выбора.

Во-вторых, изменился тип идентичности методолога. Некоторые исследователи говорят даже о возникновении нового «антропологического» типа методолога. Поскольку методологические практики становятся сетевыми, невидимыми, виртуальными, то востребованность получают методологи, умеющие работать в ситуации открытой коммуникации. «Формируются такие фигуры идентичности методологов, как сталкеры (разведчики), ментаты (осуществляют вольный интеллектуальный поиск), прогрессоры (совершенствуют мир), фреймеры (рамочники), легумы (номотеты, законотворцы), хакеры (деконструкторы содержания)» [5].

В-третьих, более четкими становятся статус и пространство методологической работы и понятие ее основных «образцов» [6]. Признается важным умение переходить от изучения объекта какой-либо дисциплины к анализу ее «рефлексивных содержаний» (понятий, подходов, концептов, ценностей, основных дискурсов и способов мышления). В центр внимания ставится способность перестраивать рефлексивные содержания в соответствии с определенными стратегиями (субъект-объектной, деятельностной, системно-структурной, гуманитарной, сетевой).

Таким образом, итогом последних лет можно считать разочарование в методологическом монизме и его критику, возникновение оригинальных методологических практик и нового антропологического гуманитарного типа методолога, способного работать в сетях в режиме постоянных коммуникаций и многоальтернативного выбора.

Фундаментальная особенность этой ситуации состоит в том, что она выступает как социокультурный разрыв, поскольку прежние (классические) формы исследования в области социально-гуманитарного знания поставлены под сомнение и подвергнуты достаточно жесткой критике.

Как отмечалось, иногда это расценивается как кризис социально-гуманитарного знания. Однако, по нашему мнению, это не так. Это, скорее, своеобразный запрос на сложность, на детализацию нюансов и постоянное изменение исследовательской «оптики». Разумеется, здесь есть риск, поскольку методология сталкивается с необходимостью работать с разными типами рациональности (классическая и неклассическая, восточная и западная, открытая и закрытая, коммуникативная и организационная рациональность, ограниченная рациональность).

В совместной сетевой работе эти разные типы рациональности совмещаются, сливаются, мутируют и т.д. [7]. В разных типах исследовательских процессов, в разных методологических традициях и школах берут верх те или иные типы, возникают акцентуации и центрации, исследовательские проекты окрашиваются в различные тона. Приходится все чаще встречать работы, где отдельно для каждого раздела перечисляются используемые приемы, подходы, методы, принципы, концепты, однако методологические основания, обеспечивающие целостность работы, формулируются невнятно.

И этому есть причины. Во-первых, пространство методологической работы в

настоящее время существенно расширилось. Традиционно наиболее развитой областью методологии считается познавательная деятельность, причем сама методология науки рассматривается как сфера активного влияния философии. Организационно это означает, что философия выполняет методологическую функцию в различных науках и рассматривает проблему границ и общественно-исторические форм и средств человеческой (в том числе научной) деятельности и методов ее построения, то есть переходит в сферу метафилософского исследования.

Теперь, в ситуации расширения, сюда попадают и другие области деятельности, в том числе практическая ее компонента, обыденное поведение людей. Следовательно, методолог становится фигурой транспрофессиональной, располагающей, однако, системно организованными технологиями работы с различными традициями, институтами и практиками [8].

Расширение пространства методологической работы делает необходимым определить: кто будет эту деятельность осуществлять, в каких институциональных формах, с какими ресурсами, которые окажутся соразмерными задаче транспрофессиональности? Ответ на этот вопрос довольно очевиден: это работа в режиме кооперации, автопоэзиса, сетей. Именно автопоэзис является формой, которая адекватна современной миссии методологии.

Такое положение было подготовлено всем XX столетием и закреплено текущим веком. В самом деле, прошлый век был веком «поворотов» и научных революций в понимании социума [9]. Упомянем самые важные из них: феноменологический, лингвистический, антропологический, онтологический, гуманистический, визуальный, пространственный повороты. Далее – поворот к вещам, к повседневности, к микро-перспективе, к различиям, к бытию, к истокам и т.д. Прodelана мыслительная работа, существенно усложнившая наши представления о социуме и мире, методологических основаниях, концептах и методах их изучения. Достигнута так называемая цветущая сложность.

«Повороты», изменение оптики, новое зрение, детализация и нюансировка социальной реальности поставили исследователей на перекрестки, на развилки сети многоальтернативного выбора [10]. Это весьма непростая для социально-философской теории ситуация. Что-то исчерпывается, заканчивается, что-то приходит на смену. Но что – не ясно. Не есть ли это просто «цветущая и жужжащая неразбериха».

Если склониться к выводу о «неразберихе», как это часто и бывает, то это приводит к возникновению методологического скептицизма относительно построения интегративной теории современного общества. Современность воспринимается как то, что все время начинается и тут же кончается, как мелькание, быстрое устаревание, ожидание и прогнозирование конца, как смена кадра, картинки, темы. Современность предстает как текучая и в то же время тотальная в том смысле, что становится возможным все что угодно и какого-либо консенсуса или порядка не следует ожидать. Более того, его следует избегать. Современная методология – это лоскутное одеяло, Вавилон методологий. Отношения между различными подходами скорее напоминают военные действия между дисциплинами, интервенцию одной в другую [11].

«Будущее уже наступило. Просто оно еще неравномерно распределено», – утверждает У. Гибсон, писатель-фантаст, основатель стиля кибер-панк. Ф. Боас, американский социолог и антрополог, еще в середине XX в. выдвинул гипотезу о том, что в одно и то же время одно и то же общество может жить в разных хронологических порядках. Это означает, что одни живут, условно, в обществе постмодерна, а другие, например, живут в традиционной системе ценностей [12]. События последних десятилетий показали, что разные хронологические порядки не только сосуществуют, но и сталкиваются, иногда не на жизнь, а на смерть: современное / традиционное и сОвременное / свОвременное оказываются плохо совместимыми.

Разумеется, имеет место некий вызов и запрос на интегративную методологию. Множество моделей, «расцвет» в изучении общества и в то же время отсутствие целостности порождают «ностальгию» по систематизациям [13]. Эклектизация сознания, постоянные встряски «на поворотах» приводят к диссонансам. Возникает «тотальгия», тоска по сверхтотальности. Довольно трудно свыкнуться с мыслью, что форматы представлений об обществе в социальной науке и научно-образовательных практиках постоянно меняются, а глоссарии профессиональных сообществ не совпадают даже внутри отдельных сфер деятельности. Мы не знаем, какой концепт, какой ярлык-маркер через полвека восторжествует, как назовут наше и свое общество потомки, поскольку маркеры – это часто не только указание на почтенные теории, а хэштеги, метки, ярлычки, «темы».

Новая социальная оптика, ее непрерывная перефокусировка осуществляется через испытание различных методологических стратегий. В настоящей работе выявляются рекурсивные современной ситуации способы сборки «общей картины». Эти способы достаточной полно проанализированы в статье Т.П. Фокиной [14].

Во-первых, это сборка в виде карты. Данная идея была развита еще в работах Г.П. Шедровицкого. Рассматривая проблему синтеза знаний и соответствующих концептов и методов, он ввел понятия «модель-конфигуратор» и «методологическая план-карта» [15, с. 666]. Во-вторых, сборка осуществляется в виде конфигурации. В-третьих, общая картина социума восстанавливается на основе идеи синопсиса. Весьма продуктивна идея палимпсеста, особенно при исследовании культуры, этнонациональных и им подобных проблем. В-четвертых, создание целостной картины возможно в виде мозаики-пазла, особенно если это касается социальных явлений, природа которых фрагментарна и мозаична (например, массовая культура).

Карта, конфигурация, профиль, синопсис, палимпсест, мозаика, пазл – эти и другие compositum-ы, как способы «увидеть целое», близки по своей сути микроконцепту «сеть». Они могут, по нашему мнению, выступать как когнитивные феномены и специфичные практики сетевого подхода, своеобразного «сетцентризма» в социально-философских исследованиях современного общества [16].

Отметим также, что составление исследовательских конфигураций, особенно коллективное, требует новых форм кооперации, партнерства и консенсуса,

совместного поиска решения и договоренностей при рассогласовании видения, задаваемого разными маркерами. Иначе говоря, специфические сетевые исследовательские практики требуют особых форм институализации и коммуникаций.

Достижимо ли это? Поскольку мы ставим здесь знак вопроса, то предполагаем в духе методологического критицизма, что социальная реальность «в очередной раз» может сохранить своеобразную автономию и собственную жизнь, покинуть созданную маркировкой и конфигурированием сферу ее использования и манипулирования [17].

Эти опасения получают выражение в форме достаточно радикальных «новых поворотов» в понимании социума, которые «помогут» удержать если не целостность, то связь с реальностью. Упомянем исследования и практики весьма влиятельной концепции «пересборки социального» на основе акторно-сетевого подхода С. Вулгара и Б. Латура [18].

Сюда относится также прогноз относительно настоящей бури, которую намереваются произвести философы в ходе «эмпирического поворота», когда понятия окажутся «не фиксированными сущностями, но теориями, проистекающими из наблюдений, культурных верований и других источников. Экспериментальная работа ставит под сомнение идею, что мы можем найти устойчивые и окончательные, или аналитические, истины, независимые от опыта» [19].

Резюмируя наши размышления, отметим, во-первых, что современная ситуация в методологии характеризуется: расширением пространства методологической работы, разнообразием институтов, традиций и практик, которые могут подготавливать к методологической работе и быть ее предметом.

Во-вторых, сообщество тех, кто практикует рефлексию методологических оснований и методов построения концептов развивающегося социума, приращает в режиме сетей и автопозиции.

В-третьих, концепт «сеть» характеризует не только само общество (в ряду других маркеров), но и состояние социально-философских представлений о нем. Число маркеров современного общества будет нарастать. Целостное представление о нем будет сетевым, формироваться как ситуативная комбинация, сборка и пере-сборка маркеров в зависимости от зрелости конкретных социумов, исследовательских и практических задач, способности к диалогу и коммуникации.

Основания для такого вывода есть. Социально-философская теория современного общества органично включает в себя представление о мире и социуме как сложной сети различных, но пересекающихся и ветвящихся путей и времен. Методология социально-гуманитарного знания располагает множеством концептов и практик работы со сложными и трансформирующимися социумами. Остается отыскать или сконструировать эффективные институциональные и организационные формы, в которых сетевое общество будет исследоваться в пересекающихся и ветвящихся когнитивных и методологических практиках.

Библиографический список

1. Афанасьева В.В., Анисимов Н. Нелинейное развитие социума: постнеклассический анализ // Власть. 2013. Вып. 1. С. 68–72.

2. *Лаиук И.В.* Социокультурные стратегии поведения как «маркеры» современной культуры // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 201–213.
3. *Усова М.В.* Сеть как маркер современного общества: социально-философский аспект // Вестник ПАГС. 2014. № 2 (41). С. 125–131.
4. *Изгарская А.А.* Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: внешние и внутренние факторы динамики современной России. Новосибирск, 2012.
5. *Генисаретский О.И.* Фигуры идентичности методолога // Вопросы методологии. 1997. № 3–4. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1997/3-4/v973gen0>
6. *Розин В.М.* Х чтения памяти Г.П. Щедровицкого (рефлексивные наблюдения) // Философские науки. 2004. № 6. С. 140–152.
7. *Фокина Т.П.* Рациональность: типы и мутанты // Рациональность и государственное управление. Ростов н/Д, 1995. С. 37–41.
8. *Филатов Д.И.* Общая методология. Саратов, 2014.
9. *Деар П., Шейтин С.* Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М., 2015.
10. *Аришинов В., Редюхин В.* Синергетическая парадигма в контексте проблем регионального управления и устойчивого развития России // Городское управление. URL: <http://emsu.ru/um/default.asp?c=71&p=1>
11. *Мазилев В.А., Слепко Ю.Н.* Лоскутное одеяло теорий, или Теория всего была возможна, пока мы знали очень мало // Методология и история психологии. 2011. № 1. С. 128–132.
12. *Боас Ф.* Некоторые проблемы методологии общественных наук / пер. Ю.С. Терентьева // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 499–508.
13. *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой; науч. ред. С. Гавриленко. М., 2015.
14. *Фокина Т.П.* Размышления о современной методологии (три столба и два промежутка) // Учен. зап.: Профессорский выпуск: сб. науч. трудов. Саратов, 2008. Вып. 5. С. 95–117.
15. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М., 1995.
16. *Рыжов В.А.* Сетецентризм – управление сложностью. URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/setecentrizm-upravlenie-slozhnostyu>
17. *Морен Э. К пропасти?* / пер. с франц. Г. Наумовой СПб., 2011.
18. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2014.
19. «Грядущее поколение философов устроит настоящую бурю»: Джесси Принц об эмпирическом повороте в философии. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/10078-prinz-interview>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

S.E. Maksimenko
The Relationship of Public Sector
Dynamics of Expenditure
and Russian Economy Growth

The applicability of Rahn – Armey Curve to the modern Russian economy is considered. Basing on the statistical material analysis the author draws the conclusion that the proportion of public sector expenditure in GDP is not a factor limiting the national economy growth.

Key words and word-combinations: costs of the public sector, GDP, Wagner’s Law, Rahn – Armey Curve.

Рассматривается применимость эффекта Арми – Рана к современной российской экономике. В результате проведенного анализа статистического материала автор пришел к выводу, что удельный вес расходов общественного сектора в ВВП не является фактором, лимитирующим рост национальной экономики.

Ключевые слова и словосочетания: расходы общественного сектора, ВВП, закон Вагнера, эффект Арми – Рана.

УДК 338(470+571)
ББК 65.9(2Рос)

С.Е. Максименко

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДИНАМИКИ РАСХОДОВ ОБЩЕСТВЕННОГО СЕКТОРА И ТЕМПОВ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Определение оптимальных масштабов общественного сектора национальной экономической системы – одна из наиболее актуальных проблем экономической теории и практики. Частный случай этой проблемы – административное установление и соблюдение на практике определенных объемов расходов общественного сектора, не являющихся препятствием для роста общественного производства (реального ВВП). Конечно, речь идет не только о совокупных расходах общественного сектора, но и об их оптимальной структуре: оптимизация структурных характеристик общественных расходов сама по себе может стать фактором преодоления рецессии национальной экономики или повышения темпов экономического роста. В связи с этим целесообразно применение структурно-функционального анализа расходов общественного сектора, который наряду с другими мето-

дами предоставляет возможность определить эффективность различных направлений использования ресурсов общественного сектора.

Для того чтобы оценить практические результаты программ общественных расходов, необходимо четко структурировать расходы, выбрать или разработать заново индикаторы, которые дадут возможность оценить и соизмерить структурные компоненты расходов и результатов и определить чистый эффект – разницу между результатом и соответствующими расходами. Результат и расходы оцениваются с позиции общества в целом, то есть должен быть определен *общественный эффект*. При оценке достигнутого результата необходимо также учитывать экстерналии – внешние эффекты, которые могут иметь как положительный, так и отрицательный характер. Приращение общественного благосостояния по своей сути является положительной экстерналией, в то время как отрицательные экстерналии целесообразно рассматривать в качестве издержек.

На этом основании можно выделить следующие критерии оценки рациональности общественных расходов: 1) экономический критерий, отражающий объем, структуру и состав ресурсов для создания соответствующих благ; он служит для оценки ресурсной стороны эффективности; 2) критерий производительности, отражающий соотношение объема продукции и объема затрат на ее производство; 3) критерий результативности, отражающий соответствие достигнутых целей (в форме конкретных результатов) и общественных расходов.

Последний из критериев рассматривается как приоритетный при выработке рациональных решений о величине и структуре расходов общественного сектора национальной экономики. Следует иметь в виду, что «именно на основе критерия результативности уже в дальнейшем решается проблема достижения высокой производительности, а также экономического подбора необходимых ресурсов» [1].

Указанные критерии представляется возможным применить для анализа взаимосвязи динамики ВВП и совокупных расходов общественного сектора. В экономической теории известен закон, сформулированный еще в 1892 г. немецким экономистом А. Вагнером. В соответствии с этим законом рост масштабов общественного производства (рост реального ВВП) должен сопровождаться еще более высокими темпами роста государственных расходов (которые, несомненно, относятся к расходам общественного сектора). Следовательно, закон Вагнера устанавливает возрастающую нелинейную зависимость между ВВП и расходами общественного сектора: во времени растет роль государства и государственного сектора экономики. Графическая интерпретация закона А. Вагнера представлена на рис. 1.

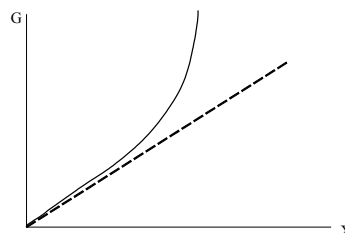

Рис. 1. Зависимость государственных расходов от ВВП в соответствии с законом Вагнера

До конца XX в. эмпирические данные подтверждали правомерность закона Вагнера. Однако результаты исследований целого ряда зарубежных ученых, опубликованные за последние несколько лет, свидетельствуют о том, что, по крайней мере, с 1997 г. в экономически развитых странах темпы роста государственных расходов установились на более низком уровне по сравнению с темпами роста реального ВВП. Результаты исследований С. Ламартина и А. Загини позволяют сделать вывод о соответствующей дифференциации национальных экономик: в более развитых экономических системах закон Вагнера перестал действовать, а для менее развитых он остается актуальным [2]. В дальнейшем шведские исследователи Д. Дюревалл (D. Durevall) и М. Хенрексон (M. Henrekson) привели данные о том, что закон Вагнера в традиционном истолковании перестал действовать в Швеции с конца 1960-х годов, а в Великобритании – с конца 1970-х годов [3].

Опираясь на результаты данных исследований, Е.В. Балацкий пришел к выводу о том, что «в 1980-е годы закон Вагнера в развитых странах мира начал терять свое значение...» и тенденция продолжается, захватывая все новые страны» [2]. Кроме того, Е.В. Балацкий осуществил расчеты для высокоразвитой экономической системы Швеции и переходной экономической системы России и установил нарушения действия закона Вагнера.

Если закон Вагнера устанавливает прямую связь между ростом объема общественного производства и ростом государственных расходов (расходов общественного сектора), то эффект Арми – Рана устанавливает обратную связь между этими процессами, приобретающую большое значение. С одной стороны, она выступает в роли естественного ограничителя действия закона Вагнера; с другой – становится основой для оценки эффективности расходов общественного сектора в контексте роста реального ВВП страны. Таким образом, эффект, открытый экономистами Ричардом Арми (Richard Armeu) и Ричардом Раном (Richard Rahn), стал распространенным инструментом в современном экономическом анализе.

Зависимость темпов прироста ВВП от удельного веса государственных расходов в национальной экономике имеет вид параболической функции, ее можно отобразить графически (рис. 2).

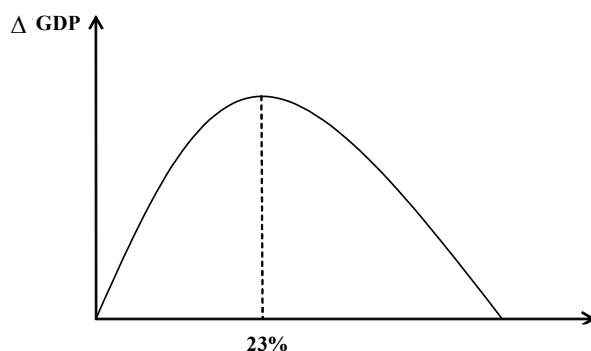

Рис. 2. Кривая Арми – Рана и точка Скалли

Кривая Арми – Рана не только устанавливает наличие обратного влияния государственных расходов на рост национальной экономики, но и показывает

стабилизирующий характер этой связи. Следовательно, можно предположить, что увеличение доли расходов общественного сектора в ВВП страны с определенного момента приводит к замедлению роста национальной экономики. Действие эффекта Арми – Рана предопределяет саморегулирующий характер рыночной системы, исключающей однонаправленность событий в системе координат «экономика – общественный сектор».

Точка максимума на кривой свидетельствует о том, что до определенного момента в экономике может безболезненно происходить рост расходов общественного сектора; негативные последствия для экономического роста проявятся после достижения точки максимума на кривой Арми – Рана. Эта точка максимума получила название «точка Скалли» в честь исследователя процессов влияния бюджетной политики на экономический рост Джеральда Скалли (Gerald Scully), который установил ее координаты: 23%; max % ВВП. Е.В. Балацкий отметил, что «в настоящее время точка Скалли представляется явно заниженной оценкой, находящейся за пределами возможностей большинства национальных регуляторов», но вместе с тем ее значение не стоит недооценивать [2].

Попытаемся понять, насколько адекватно кривая Арми – Рана отражает связь между уровнем общественных расходов и динамикой ВВП России. При этом оставим за рамками статьи ответ на вопрос о координатах точки Скалли в российском экономическом пространстве. Под расходами общественного сектора будем понимать расходы консолидированного бюджета России с учетом бюджетов государственных внебюджетных фондов. При этом «консолидированный бюджет Российской Федерации образуют федеральный бюджет и свод консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (без учета межбюджетных трансфертов между этими бюджетами)» а расходы бюджета – это «выплачиваемые из бюджета денежные средства, за исключением средств, являющихся в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации источниками финансирования дефицита бюджета» [4, с. 19, 21]. Анализ охватывает период 1998–2013 гг. и опирается на открытые официальные данные Росстата (таблица) [4–7].

**Динамика темпов прироста реального ВВП
и относительной величины расходов общественного сектора
в России в 1998–2013 гг.**

<i>Год</i>	<i>1998</i>	<i>1999</i>	<i>2000</i>	<i>2001</i>	<i>2002</i>	<i>2003</i>	<i>2004</i>	<i>2005</i>
Расходы общественного сектора, % ВВП	30,7	26,4	26,8	26,8	31,6	29,9	27,5	31,6
Прирост реального ВВП, %	-5,3	6,4	10	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4
<i>Год</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>	<i>2012</i>	<i>2013</i>
Расходы общественного сектора, % ВВП	31,1	34,2	33,8	41	38	35,7	37,2	37,9
Прирост реального ВВП, %	8,2	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,3

На основе данных, представленных в таблице, в одной системе координат построим графики, иллюстрирующие динамику прироста реального ВВП и удельного веса расходов общественного сектора в ВВП страны (рис. 3).

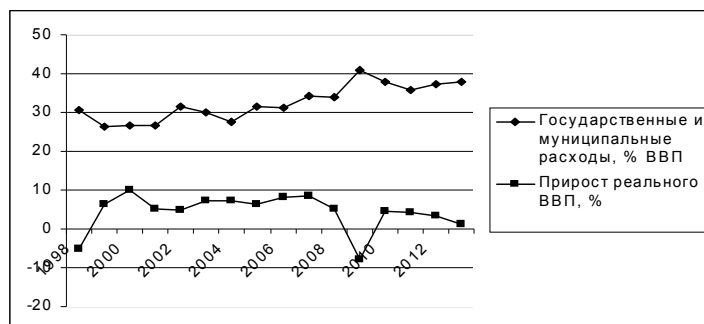

Рис. 3. Динамика темпов прироста реального ВВП и относительной величины расходов общественного сектора в России в 1998–2013 гг.

Для проведения необходимого анализа в принципе достаточно графика, приведенного на рис. 3. Однако большую наглядность имеет график рис. 4, где сопоставлены, с одной стороны, темпы прироста реального ВВП РФ, а с другой — относительные изменения доли расходов общественного сектора в ВВП страны.

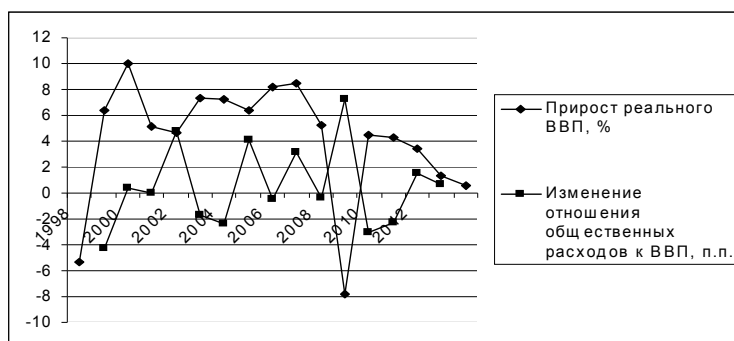

Рис. 4. Динамика темпов прироста реального ВВП и изменений относительной величины расходов общественного сектора в России в 1998–2013 гг.

Анализ данных таблицы и рис. 3 и 4 позволяет сделать вывод о том, что координата точки Скалли, если она существует, для современной российской экономики находится далеко за пределами установленных 23%.

В первом приближении складывается впечатление об отсутствии значимого временного лага между изменением соотношения расходов общественного сектора и реального ВВП, с одной стороны, и темпами экономического роста — с другой: в 1998, 2002, 2005, 2009 и 2013 гг. «пикам» прироста реального ВВП

соответствовали наименьшие значения удельного веса учтенных общественных расходов в структуре национальной экономики. Однако на протяжении анализируемого периода наблюдались и противоположные явления: незначительный (на 0,4 п.п.) прирост удельного веса расходов общественного сектора в 2000 г. по сравнению с предыдущим годом сопровождался существенным повышением темпов прироста ВВП (с 6,4 до 10,0%); заметное снижение относительной величины общественных расходов в 2004 г. (с 29,9 до 27,5%) не привело в этом году к увеличению темпов прироста реального ВВП; относительный рост расходов общественного сектора в 2007 г. (с 31,1 до 34,2%) сопровождался увеличением индекса прироста российской экономики (с 8,2 до 8,5%), тенденции к снижению удельного веса общественных расходов в 2008 г. (на 0,4 п.п.) и 2011 г. (на 2,3 п.п.) сопровождалась также снижением индексов физического объема ВВП (более значительным в 2008 г.).

Более реалистичной представляется гипотеза о наличии временного лага между изменением удельного веса расходов общественного сектора в структуре национальной экономики и изменением темпов экономического роста. При этом рост первого из названных показателей в определенные временные интервалы являлся фактором последующего увеличения второго индикатора. Основываясь на данных таблицы и сопоставлении графиков, рис. 3 и 4, можно констатировать, что рост относительной величины расходов общественного сектора в 2002, 2005, 2006, 2009 гг. предшествовал увеличению темпов прироста реального ВВП соответственно в 2003, 2006, 2007, 2010 гг. Следовательно, упомянутый выше временной лаг невелик – всего один год. В то же время мы должны как-то объяснить имевшиеся отклонения от выявленной взаимосвязи: например, на фоне относительного роста расходов общественного сектора в 2007 и 2012 гг. темпы прироста реального ВВП в 2008 и 2013 гг. ощутимо снизились. На наш взгляд, эти отклонения можно объяснить более сильным воздействием на национальную экономику других факторов, преодолевающих положительное влияние роста расходов общественного сектора на экономическую динамику.

Итак, на основе анализа статистического материала можно сделать вывод, что удельный вес расходов общественного сектора в ВВП не является фактором, лимитирующим рост национальной экономики. Для более точного определения влияния динамики общественных расходов на показатели роста реального ВВП необходимо уточнить оценки влияния других факторов роста национальной экономики – как внутренних, так и внешних.

Библиографический список

1. Ахинов Г.А., Жильцов Е.Н. Экономика общественного сектора. М., 2008.
2. Балацкий Е.В. Закон Вагнера, кривая Арми – Рана и парадокс богатства // Общество и экономика. 2010. № 9. С. 80–97.
3. Durevall D., Henrekson M. The Futile Quest for a Grand Explanation of Long-Run Government Expenditure // Research Institute of Industrial Economics / IFN Working Paper. 2010. № 818.
4. Финансы России. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014.
5. Финансы России. 2002: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002.
6. Финансы России. 2006: стат. сб. / Росстат. М., 2006.
7. Финансы России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010.

A.M. Mansurov
Communicative Instruments
of Enterprise Development
in the System of Public-Private
Partnership

The role of communicative instruments effecting the development of enterprises in the system of public-private partnership is considered. The active use of information channels, the involvement of PR-companies, and the introduction of PR-tools in the public-private partnership activities are analyzed.

Key words and word-combinations: communicative instruments, information instruments, public-private partnership.

Рассматривается роль коммуникативных инструментов, оказывающих влияние на развитие предприятия в системе частно-государственного партнерства. Анализируется активное использование информационных каналов, привлечение PR-компаний и внедрение PR-инструментов в деятельность частно-государственного партнерства.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникативные инструменты, информационные инструменты, частно-государственное партнерство.

УДК 338
ББК 65.290

А.М. Мансуров

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В СИСТЕМЕ ЧАСТНО- ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА

Частно-государственное партнерство представлено экономическими агентами коммерческого и некоммерческого секторов экономики и представителями органов власти разных уровней. Однако альянс государства и бизнеса рассматривается в отечественной и зарубежной литературе с помощью различных теоретико-методологических подходов. Эти подходы характеризуют в определенной мере и стратегические цели частно-государственного партнерства, определяемые его участниками. Важнейшей стратегической целью частно-государственного партнерства на современном этапе следует обозначить разработку и реализацию совместными усилиями на базе согласительного взаимодействия государства и бизнеса экономической политики на национальном, региональном, муниципальном уровне, направленной на преодоление рыночного несовершенства, рациональное распределение рыночных ресурсов, удовлетворение потребностей общества в общественных благах и услугах.

Согласительное взаимодействие государства и бизнеса основывается на балансе взаимовыгодных интересов и достижения рассматриваемой цели. Следует подчеркнуть, что частно-государственное партнерство осуществляется через официальные договоренности между представителями государства и частного сектора, которые закрепляются и фикс-

сируются в договорах, нормативно-правовых актах, что придает партнерству статус особого правового института [1, с. 10–11]. Для государства участие в частно-государственном партнерстве важно как с позиции привлечения финансовых и материальных средств частного сектора для развития дорожной, инженерной и социальной инфраструктуры и оказания общественных услуг, так и с позиции получения гарантированной поддержки от партнеров – представителей частного сектора и их непосредственного участия в реализации экономической политики государства.

Для бизнеса в лице представителей частного сектора участие в частно-государственном партнерстве выгодно не в меньшей мере, если учитывать широкий спектр дополнительных преимуществ, которые смогут получить представители бизнеса в системе частно-государственного партнерства. Эти преимущества достаточно подробно описаны в литературе, и их можно систематизировать следующим образом:

- получение более выгодного дополнительного дохода на вложенный капитал за счет синергетического эффекта, что позволяет гораздо быстрее наращивать финансовые активы предприятий;
- овладение элементами новых операций, новых технологий, что значительно повышает профессиональный уровень работников предприятий и профессионально-организационный уровень управленческого состава;
- повышение конкурентоспособности предприятий;
- привнесение более высокого уровня организационной культуры и управления;
- включение предприятий – участников частно-государственного партнерства в систему управления частно-государственным партнерством, что дает возможность предприятиям изучить и использовать на практике методы и инструменты объектного и процессного менеджмента;
- умение взаимодействовать предприятиям как рядовым членам частно-государственного партнерства с его ключевыми фигурами;
- приобретение навыков для руководства предприятиями – членами частно-государственного партнерства по выявлению преимуществ государственных стратегических интересов и целей над интересами и целями предприятий и будущих владельцев капитала, инвестирующих свой капитал в совместные проекты;
- следование принципу социальной справедливости при реализации совместных проектов предприятиями в системе частно-государственного партнерства;
- освоение норм и правил коммуникационного процесса всеми участниками частно-государственного партнерства, и прежде всего предприятиями, для которых крайне важно научиться контактировать и освоить этику взаимодействия и деловых контактов как между членами частно-государственного партнерства, так и с агентами внешней среды в целях их дальнейшего самостоятельного ведения производственно-хозяйственной и коммерческой деятельности;
- соблюдение норм и правил коммуникативного процесса между участниками частно-государственного партнерства и внешними контактерами, что в дальнейшем, после завершения контракта частно-государственного партнерства, позволит предприятию овладеть навыками коммуникационного процесса, его

инструментами, эффективно участвовать в сетевом взаимодействии с другими предприятиями, входить в состав промышленных сетей, свободно ощущать себя полноправным членом при вхождении в союзы, ассоциации, саморегулируемые организации;

– совместная деятельность предприятий в системе частно-государственного партнерства обеспечивает возможность приобщения к открытой и прозрачной деятельности, известной населению, ухода от теневого бизнеса и неформальных форм поведения на рынке, укрепляет стремление к повышению имиджа и общественной привлекательности.

Овладеть коммуникативными инструментами для хозяйствующих субъектов, и прежде всего для предприятий, крайне важно в современных условиях, однако в одиночку осуществить это сложно и затратно. Коммуникационную деятельность предприятия можно рассматривать как необходимое условие для повышения эффективности, как важную составляющую его конкурентоспособности и ресурс дальнейшего развития. К коммуникативным инструментам следует в первую очередь отнести инструменты, которые используются в PR-деятельности, осуществляемой PR-агентствами, PR-подразделениями в составе крупных компаний и транснациональных корпораций, а также отдельными PR-специалистами.

Частно-государственное партнерство, организованное для реализации крупных инфраструктурных или социальных объектов, может воспользоваться услугами PR-специалистов для разработки идеологии, которую необходимо воплотить среди участников частно-государственного партнерства с целью их сближения, понимания ими важности поставленных стратегических задач и безусловного их выполнения. Идеология базируется на принципах частно-государственного партнерства: 1) принципе добровольного вхождения в состав партнерского взаимодействия для получения коммерческих выгод и реализации интересов [2, с. 38–39]; 2) принципе кооперации, ориентированном на долевое финансовое участие партнеров и долевое распределение прибыли; 3) принципе распределения рисков и ответственности в равной мере среди участников частно-государственного партнерства; 4) принципе индивидуальной или групповой координации партнерского взаимодействия; 5) принципе социальной ответственности государства, который заключается в том, что государство и бизнес сопричастны к интересам общества и граждан в вопросах экономики и политики, в проведении конструктивных преобразований и вложений, направленных на созидательное общественное развитие [3].

Разработка идеологии частно-государственного партнерства преследует цель: разъяснить всем его участникам миссии партнерства, его преимущества перед другими видами партнерского взаимодействия, а также особенности функционирования предприятий в данной системе и их дальнейшего развития, преимущество совместной деятельности предприятий в рамках частно-государственного партнерства. Принятие идеологии частно-государственного партнерства сотрудниками и работниками предприятий, входящих в состав партнерства, способствует их сплочению и объединению в целях реализации единой для всех стратегической цели, укреплению позиции руководства и разделению с

ним общих интересов и рисков в процессе осуществления проектов, осознанию меры ответственности личной и коллективной в процессе выполнения поставленных задач. Это создает благоприятную атмосферу для совместной работы и помогает коллективам всех участников партнерства достичь намеченных перспектив. Признание идеологии участниками партнерства повышает не только эффективность совместной деятельности по реализации проектов, но и развитие как самого частно-государственного партнерства, так и его участников, в особенности предприятий, которые в дальнейшем могут использовать коммуникативные инструменты и разработку идеологии предприятия для формирования организационной культуры сотрудников и работников и благоприятного климата в организации, что обеспечивает дальнейшую заинтересованность персонала в проводимой политике предприятия. Использование коммуникативных инструментов расширяет информационную сферу, снижает риски информационной асимметрии.

Особенно важную роль идеология частно-государственного партнерства выполняет при формировании долговременного партнерского взаимодействия. Установления взаимного доверия партнеров в системе взаимодействия крайне важно, поскольку доверительность, взаимная ответственность и взаимопонимание, культивируемые коммуникативными инструментами и скрепленные идеологией, позволяют партнерству, которое создается на конкретный период в рамках времени, оговоренного контрактом, перерасти в сотрудничество на долговременной основе. Достижение долговременного партнерского сотрудничества возможно через прохождение нескольких этапов: от ожидания от будущего сотрудничества партнеров, имеющих опыт, исполнения совместных контрактов до постепенного наращивания доверительных отношений, а также их последовательного перерастания в конструктивное сотрудничество и переход конструктивного сотрудничества в долговременное [2, с. 90].

Переход частно-государственного партнерства в долговременное сотрудничество позитивно отражается на производственно-хозяйственной деятельности предприятий, принимающей стабильные и защищенные правами партнерства формы. При этом в рамках частно-государственного партнерства осуществляется координация действий предприятий – участников партнерства, что позволяет избежать экономического давления, взаимных претензий и споров, роста транзакционных издержек.

Разработка идеологии частно-государственного партнерства и реализация ее с помощью коммуникативных инструментов, и прежде всего PR-деятельности, осуществляется в рамках широко распространенного на Западе тренда – формирования корпоративной идеологии, которую разрабатывают свыше 70% крупных компаний [4]. Предприятие в составе частно-государственного партнерства имеет возможность участвовать в презентации реализуемых крупных инфраструктурных и инвестиционных проектов, внедрять маркетинговые исследования и маркетинговые коммуникации, используя инструменты и поддержку PR-компаний.

При реализации стратегически важных объектов частно-государственное

партнерство имеет все основания для привлечения PR-компаний с целью разработки и афиширования стратегии по привлечению будущих участников частно-государственного партнерства и заказчиков, которые могли бы воспользоваться сложившимся составом партнерства и его опытом работы по исполнению заказов. PR-инструменты вкупе с другими информационными инструментами содействуют вхождению в промышленные сети и налаживанию контактов с банковскими и финансовыми структурами. Активное использование информационных каналов, привлечение PR-компаний и внедрение PR-инструментов в деятельность частно-государственного партнерства направлены на снижение транзакционных издержек всех участников партнерства, а также формирование положительного имиджа и положительных экстерналий предприятий – участников частно-государственного партнерства, которые впоследствии смогут иметь больше шансов получить государственные и муниципальные заказы на выполнение работ и услуг и отдельных конкретных производственных заданий и операций от крупных корпораций.

Использование коммуникативных инструментов позволит предприятиям после завершения контракта о частно-государственном партнерстве привлекать клиентов и формировать собственную клиентскую базу, разрабатывать стратегию выхода и закрепление своих позиций на новых рынках, наращивая объем продаж, получить своевременно научную информацию для принятия управленческих решений. Коммуникативные инструменты могут оказать содействие как в пролонгации частно-государственного партнерства на последующие периоды, не изменяя состав участников, так и в модификации его в другие виды партнерского взаимодействия. Предприятия только выиграют при этом, так как могут участвовать одновременно в других видах формирующихся партнерских взаимодействий, оставаясь участником первоначально сформированного партнерства. При этом они осваивают опыт работы в составе партнерства и пользуются финансовыми преимуществами партнерства.

Эффективное функционирование частно-государственного партнерства возможно в условиях стратегического и оперативного управления им как системой. Вследствие этого элементы системы в лице предприятий являются непосредственными участниками и объектами стратегического и оперативного управления. Это значит, что они овладевают технологиями стратегического и оперативного управления, находясь в системе частно-государственного партнерства, и смогут в будущем после выхода из состава партнерства использовать инструменты и методы стратегического и оперативно-тактического управления в управлении предприятием как автономной производственно-хозяйственной единицей.

При реализации стратегического управления использование коммуникативных инструментов повышает эффект его управленческого воздействия, направленного как на повышение эффективности производственно-хозяйственной деятельности предприятия, так и на выбор своего варианта рационального поведения как экономического агента в системе общественного воспроизводства. PR-инструменты помогают предприятиям выбрать и отработать вариант рационального поведения в рамках приоритетных стратегических целей социально-экономического развития страны.

Использование информационных инструментов позволяет осуществлять выбор необходимой информации для ориентации в многоотраслевой структуре хозяйства при установлении контактов с агентами внешней среды и для формирования общественного мнения. Кроме того, информационные инструменты помогают предприятиям бороться с информационной асимметрией и получить равную среди других предприятий возможность доступа к информации различных видов и источников. Таким образом, использование PR-инструментов и информационных инструментов повышает роль организационной функции управления предприятием, осуществления предприятием производственно-хозяйственной деятельности в составе частно-государственного партнерства.

Участие в частно-государственном партнерстве предприятия дает возможность освоить контракты на основе агентских отношений и контракты на базе партнерских соглашений, а также определить экономические и организационные выгоды агентских и партнерских соглашений. Участие в агентских соглашениях способствует освоению принципов и особенностей проектного менеджмента, а участие в партнерских соглашениях – принципов и особенностей процессного менеджмента. В современных условиях при многообразии форм частно-государственного партнерства предприятия могут применять сочетание процессного и проектного менеджмента при реализации объектов.

Опыт работы предприятий в составе частно-государственного партнерства и использования коммуникативных инструментов дает возможность оперативно налаживать контакты и взаимодействовать с торгово-промышленной палатой, союзами предпринимателей, участвовать в научно-технических выставках и конференциях.

Приобщение к своевременной и постоянной информированности о своей хозяйственно-экономической деятельности повышает конкурентные преимущества предприятия, поскольку заказчики и клиенты имеют сведения об опыте работы данного предприятия в процессе его основной производственно-экономической деятельности, о целях и задачах на ближайшую перспективу, об участии предприятия в реализации совместных проектов в рамках частно-государственного партнерства в прошлом и настоящем.

Библиографический список

1. Кабашкин В.А. Государственно-частное партнерство в регионах Российской Федерации. М., 2011.
2. Герасимова В.В., Майбородин В.А. Управление развитием частно-государственного партнерства на современном этапе. Саратов, 2009.
3. Герасимова В.В., Майбородин В.А. Социальная ответственность государства и общества в системе частно-государственного партнерства // Социальная ответственность и развитие партнерских отношений государства, гражданского общества и бизнеса в современной России. Саратов, 2013.
4. Стриганкова В.В. PR как сегмент российского рынка труда: особенности проблемы занятости // Вестник ПАГС. 2010. № 24. С. 162–167.

A.S. Stepanov
Methodology and Criteria
for Evaluating Management
Effectiveness Economic Activities
of Industrial Organization

The article presents the author's method of evaluating the effectiveness of management of industrial organization economic activities. The method includes three lines of assessment: creative activity of the organization staff, the work of structural divisions of the organization during their interaction, the functioning of the organization in its interaction with state authorities, public organizations, mass media, financial institutions and other economic entities.

Key words and word-combinations: efficiency, enterprise management, system, management solutions, enterprise development.

Представлена авторская методика оценки эффективности управления хозяйственной деятельностью производственной организации. В данную методику включены три направления оценки: творческой активности персонала организации, работы структурных подразделений организации при их взаимодействии, функционирования организации при ее взаимодействии с органами власти, общественными организациями, СМИ, финансовыми институтами и другими субъектами хозяйствования.

Ключевые слова и словосочетания: эффективность, управление предприятием, система, управленческие решения, развитие предприятия.

УДК 351
 ББК 67.401.11

А.С. Степанов

МЕТОДИКА И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Эффективность управления хозяйственной деятельностью производственной организации необходимо представлять в виде результата функционирования конкретной управленческой системы, которая отражается в количественных и качественных показателях работы как производственной системы в виде объекта управления, так и системы управления, выступающей в роли субъекта управления. Анализ публикаций по менеджменту свидетельствует о том, что в сложившейся практике результатом управления производственной организацией принято считать конечный результат производственной деятельности [1–6]. Однако в этом результате весьма сложно выделить и оценить труд представителей менеджмента, поэтому до настоящего времени не сформирован единый подход к оценке эффективности управления организацией. Эффективность управления можно оценить не только по экономическим результатам работы организации в целом, но и по параметрам принятия управленческих решений в соответствии с конкретными этапами данного процесса. При этом без учета влияния на организацию факторов внешней окружающей среды нельзя добиться эффективности управления, поскольку она обеспечивается постоянным взаимодействием представителей менеджмента организации не

только с внутренней, но и с внешней окружающей средой. С нашей точки зрения, мера оценки эффективности управления с позиции здравого смысла должна закладываться в соответствующую стратегию обеспечения общественного доверия, так как доверительное отношение членов общества к производственной организации может служить оценочным критерием не только ее рыночной деятельности и рыночного поведения, но и функционирования системы управления.

Как представляется, в основу методики оценки эффективности управления хозяйственной деятельностью производственной организации может быть положен системный подход к оценке эффективности управления хозяйственной деятельностью производственной организации по принципу: от оценки работы конкретных исполнителей – к оценке функционирования структурных подразделений и организации в целом. Ключевым моментом в процедуре оценки выступает соотношение использованных ресурсов и результатов выполненной работы. Поэтому одним из направлений методики должна быть оценка принимаемых и реализуемых управленческих решений в сфере использования материальных и энергетических ресурсов при управлении производством и осуществлении управленческих функций. Основная задача в данном случае состоит в оценке управляющего воздействия на сферу производства для обеспечения улучшения производственных показателей.

Критерии оценки современного управления могут иметь как абсолютный, так и относительный характер. Особая роль отводится относительным показателям в виде индексов, которые выступают основой для сопоставлений результатов управления в одной производственной организации с соответствующими показателями управления в организации конкурентов. Между тем теоретические дискуссии до настоящего времени не вылились в появление отчетливых критериев оценки эффективности управленческих решений. По нашему мнению, для оценки эффективности управленческой деятельности можно предложить несколько относительных показателей.

Показатель развития. Он отражает возможность перевода организации из одного состояния в другое, когда требуется оценка управляемости через степень влияния принимаемых мер (например, в виде привлечения инвестиций) на показатели экономического роста организации. В этом случае управляемость можно определить как отношение суммарного изменения объема инвестиций к суммарному изменению темпов роста производства по всем продуктам организации (положительная величина показателя свидетельствует об экономическом росте):

$$I_p = \frac{\sum_{i=1}^n \Delta_{вхi}}{\sum_{i=1}^n \Delta_{выхi}},$$

где I_p – показатель развития; $\Delta_{вхi}$ – изменение объема инвестиций; $\Delta_{выхi}$ – изменение темпов роста производства.

Показатель вклада управленческого персонала в результат работы организации. Его можно определить как отношение условно чистой прибыли к численности аппарата управления:

$$I_{yb} = \frac{\Pi_{yc}}{Ч_{ya}},$$

где I_{yb} – показатель управленческого вклада; Π_{yc} – условно чистая прибыль; $Ч_{ya}$ – численность управленческого аппарата.

Показатель организованности производственного процесса. Он определяется отношением продолжительности производственного цикла к продолжительности оборота оборотных средств:

$$I_{опп} = \frac{T_{пц}}{T_{ос}},$$

где $I_{опп}$ – показатель организованности производственного процесса; $T_{пц}$ – длительность производственного цикла; $T_{ос}$ – длительность оборота оборотных средств.

Показатель совершенства и ликвидности выпускаемой продукции. Он определяется как отношение объема реализованной продукции к численности аппарата управления:

$$I_{сп} = \frac{V_{рп}}{Ч_{ya}},$$

где $I_{сп}$ – показатель совершенства и ликвидности продукции; $V_{рп}$ – объем реализованной продукции; $Ч_{ya}$ – численность управленческого аппарата.

Думается, что данный индекс можно применять и для оценки производительности труда в организации: если величина индекса растет, то растет и производительность труда, разумеется при отсутствии роста цены на продукцию.

Далее в предлагаемую методику оценки эффективности управления хозяйственной деятельностью производственной организации необходимо включить еще ряд направлений оценки, которые могут применяться независимо либо в комплексе.

Первое направление связано с оценкой творческой активности персонала организации. Такая оценка дает возможность выявить вклад в общий успех каждого члена трудового коллектива. При реализации направления представителям менеджмента следует руководствоваться следующим принципом: если выигрывает каждый – выигрывают все. Эффективность менеджмента проявляется в решении задачи по созданию условий для раскрытия творческого потенциала членов трудового коллектива, для активизации их творческих способностей и сосредоточения их на достижении прибыльного результата работы всей производственной организации. Направление позволяет осуществлять оценку базового ресурса члена трудового коллектива организации и результаты его деятельности.

Результат оценки творческой активности персонала предполагает использование следующих показателей: возраст, образование, стаж, профессиональные

достижения, компетентность и креативность, ответственность, вовлеченность в управление при использовании определенного числа следующих первичных показателей n по базовому ресурсу и результатам деятельности:

– *базовый ресурс* оценивается исходя из возраста, образования; общего стажа работы и стажа работы по специальности;

– *результат деятельности* оценивается на основе профессиональных достижений (качество и объем выполненных работ, оперативность, освоение новых товаров; творческие успехи; инициатива; компетентность; ответственность; вовлеченность в процесс управления).

Все первичные показатели следует перевести в баллы, для чего при заполнении таблицы задаются значения (творческой) деловой активности (B_{ai} – *business activity*) по каждому первичному показателю на основе экспертной оценки.

Деловая активность исполнителя в данном подразделении определяется исходя из восприятия его работы руководством и коллегами. Например, могут применяться значения показателя от 0 до 4 баллов. При этом значения показателя от 0 до 1 свидетельствуют о низких значениях первичных показателей, а значения от 3 до 4 – о высокой деловой активности.

Учитывая, что каждый первичный показатель имеет свою значимость для оценки, необходимо для каждого из них экспертным путем определить соответствующий средневзвешенный коэффициент важности или значимости (S_i – *significance*). Например, при числе экспертов, принимающих участие в оценке, равным 10, средневзвешенный коэффициент значимости будет определяться следующим отношением:

$$S_i = \frac{\sum_{i=1}^{10} S_i}{g},$$

где g – количество экспертов, участвующих в оценке (например, $g = 10$).

Причем сумма всех коэффициентов, соответствующих первичным показателям, должна равняться единице.

Для расчета уровня деловой активности исполнителя B_a необходимо определить групповые показатели (G_{Ba}):

$$G_{Ba} = \sum_{i=1}^n S_i B_{ai},$$

где B_{ai} – первичные показатели деловой активности, n – число первичных показателей, S_i – коэффициенты важности, соответствующие первичным показателям деловой активности.

Для изучения динамики групповых показателей можно определять индексные показатели деловой активности.

$$IBa = G_{Ba \text{ т}} / G_{Ba \text{ п}},$$

где $G_{\text{Ба т}}$ – групповой показатель в текущем периоде; $G_{\text{Ба п}}$ – групповой показатель в прошедшем периоде.

Данные о состоянии базового ресурса субъекта оценки необходимо периодически обновлять и сохранять, чтобы можно было определить индексные показатели субъекта оценки, будь то исполнитель, подразделение или организация в целом.

Деловая активность персонала подразделения, в штат которого входит определенное число сотрудников, рассчитывается по этой же методике, для чего показатели деловой активности каждого исполнителя в подразделении суммируются, после чего определяется среднее арифметическое значение.

Таким образом, *уровневые показатели* следует устанавливать исходя из суммы произведений первичных показателей на соответствующие им весовые коэффициенты, определяемые экспертным путем. *Индексные показатели* находят из отношения уровневых показателей за текущий и прошлый период в числовом выражении или в процентах.

Второе направление методики связано с оценкой работы структурных подразделений организации при их взаимодействии. Эффективность менеджмента в данном случае проявляется в обеспечении адаптации хозяйственного механизма организации к потребностям оперативного управления структурными подразделениями, когда особое значение придается определению роли каждого из них в формировании прибыли от производства и реализации продукции.

Оценка работы структурного подразделения определяется аналогично процедуре оценки деловой активности персонала и отражает взаимодействие с руководством организации и его структурными подразделениями.

Данное направление методики ориентирует на оценку базового ресурса структурного подразделения и оценку результата его работы при взаимодействии с руководством и другими структурными подразделениями организации. Для оценки базового ресурса структурного подразделения следует определить кадровое и финансовое обеспечение, информационную и техническую обеспеченность, уровень методического обеспечения и динамику их изменения. Для оценки результата работы подразделения необходимо определить исполнительскую дисциплину по отношению к выполнению распоряжений и приказов руководства организации, взаимодействие с руководством организации, взаимодействие с другими структурными подразделениями.

Данные с показателями эффективности работы подразделения при взаимодействии с руководством организации и другими подразделениями заносятся в таблицу. Диапазон значений таких первичных показателей (C_i – *cooperation*) задается экспертным путем в баллах, а отдельные первичные показатели могут рассчитываться исходя из специфики работы конкретного подразделения.

Экспертным путем задается и средневзвешенный параметр коэффициента значимости первичных показателей (S_i). Сумма всех коэффициентов значимости для всех первичных показателей равна единице ($\sum S_i = 1$).

Для определения эффективности работы подразделения при взаимодействии с руководителями и другими подразделениями необходимо также, как и в предыдущем направлении, определить суммарные показатели (G_{Ci}):

$$G_{Ci} = \sum_{i=1}^n S_i C_i,$$

где C_i – первичные показатели эффективности работы подразделения при взаимодействии с руководством организации и другими подразделениями; n – число первичных показателей; S_i – коэффициенты значимости конкретных первичных показателей.

Для выявления динамики суммарных показателей эффективности работы подразделения за исследуемый период (например, за год) следует определить индексные показатели эффективности взаимодействия:

$$I_{Ci} = G_{Cim} / G_{Cin},$$

где G_{Cim} – суммарный показатель эффективности работы подразделения в текущем периоде времени; G_{Cin} – суммарный показатель эффективности работы подразделения в прошедший период.

Третье направление применения методики связано с оценкой функционирования организации при ее взаимодействии с органами власти, общественными организациями, СМИ, финансовыми институтами и другими субъектами хозяйствования. Эффективность менеджмента в данном случае проявляется в создании устойчивого положительного образа организации в сознании членов трудового коллектива, потребителей, деловых партнеров и в широких кругах общественности. Для оценки ресурса применяются первичные показатели, свидетельствующие об уровне кадрового, финансового, информационного, технического и методического обеспечения. В основу оценки результата деятельности должны быть положены показатели, свидетельствующие об участии в совместных совещаниях и конференциях, разработках совместных программ развития и решении проблемных вопросов при их реализации, совместной организации выставок и других мероприятий в целях повышения эффективности работы организации. Экспертным путем задается и средневзвешенный параметр коэффициента значимости первичных показателей (S_i). Сумма всех коэффициентов значимости для всех первичных показателей равна единице ($\sum S_i = 1$). Для оценки эффективности функционирования организации необходимо рассчитать групповые показатели:

$$G_{Ci} = \sum_{i=1}^n S_i C_i,$$

где C_i – первичные показатели эффективности работы подразделения в ходе взаимодействия с властями, общественными структурами, СМИ, финансовыми институтами и другими субъектами хозяйствования; n – число первичных показателей; S_i – коэффициенты значимости конкретных первичных показателей.

Для определения динамики изменения групповых показателей оценки эффективности работы организации за исследуемый период времени следует определить индексные показатели эффективности взаимодействия:

$$I_{Ci} = G_{Cim} / G_{Cin},$$

где G_{Cim} – групповой показатель эффективности работы организации при взаимодействии с властными структурами за текущий период; G_{Cin} – групповой показатель эффективности работы организации при взаимодействии с властными структурами за прошлый период.

Общую оценку работы производственной организации за отчетный период можно определить как сумму оценок групповых показателей по каждому направлению методики.

Таким образом, каждое направление предлагаемой методики позволяет дать оценку обеспеченности базовыми ресурсами процесса выполнения конкретных функций и получения результатов работы членов трудового коллектива или структурных подразделений в относительных уровневых и индексных показателях за конкретный исследуемый период.

Однако для оценки эффективности управления социально-экономической системой производственной организации необходимо провести анализ и других аспектов управления, поскольку в условиях обострения конкуренции важно обеспечить высокий уровень конкурентоспособности организации. По нашему убеждению, данная характеристика всецело зависит от эффективности управления персоналом производственной организации и эффективности управления изменениями в ее рамках.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2009.
2. Сидорова Е.Ю., Андриянова Е.А. Теоретические положения эффективного развития управления молочнопродуктовым подкомплексом // Вестн. Саратов. гос. аграр. ун-та им. Н.И. Вавилова. 2013. № 6.
3. Сидорова Е.Ю., Зубрилин И.Н. Содержание механизма реализации и развития корпоративного управления в социально-экономической системе // Изв. Саратов. ун-та: Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2014. № 3.
4. Сидорова Е.Ю. Внедрение и развитие процессного управления внешнеэкономической деятельностью промышленных предприятий // Изв. Саратов. ун-та: Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2012. № 3.
5. Тришин В.Н. Словарь русских синонимов. 2013. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/158146.
6. Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности. М., 1972.

F.A. Makeev
Corruption as a Factor
of Disintegration
of Russian Society

The article examines the impact of corruption on society. Various approaches to the definition of corruption are analyzed. The disintegrating effect of corruption that has negative consequences for the processes of social mobility, the increase in the number of marginals in the society, and the attitude of the society to authorities, is grounded.

Key words and word-combinations: corruption, social unrest, social inequality, disintegration of society.

Исследуется влияние коррупции на общественные процессы. Анализируются различные подходы к определению понятия коррупции. Рассматриваются различные виды классификации коррупции. Доказывается дезинтегрирующее воздействие коррупции на общество, негативно влияющее на процессы социальной мобильности, увеличение числа маргиналов в обществе, отношение населения к властным структурам.

Ключевые слова и словосочетания: коррупция, социальная напряженность, социальное неравенство, дезинтеграция общества.

УДК 354
ББК 66.3(0),123

Ф.А. Макеев

КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР ДЕЗИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Вопреки официальным усилиям государства коррупция стала одной из самых опасных угроз национальным интересам и национальной безопасности Российской Федерации, ведущим фактором застоя экономического развития, сохранения и развития выраженного социального неравенства, маргинализации населения и дезинтеграции российского общества. Весомая часть федеральных экономических программ потерпела неудачу в результате разгула коррупции, которая существенно ограничила свободное действие экономических законов и снизила престиж Российской Федерации на международной арене, оказавшись одним из главных препятствий в привлечении иностранных инвестиций, жизненно необходимых для всей страны.

Коррупция простирается на все сферы и уровни жизнедеятельности современного российского общества и фактически становится его характерной чертой. Коррупционные действия – не элементарное преступно-юридическое деяние, которое может быть квалифицировано конкретной статьей или нормой уголовного кодекса, а криминогенное, социальное, экономическое явление, обладающее многоуровневой структурой, в которой преобладает именно комплекс разных видов социально опасных действий.

Сегодня коррупция получила повсеместное распространение, однако ее уровень в разных странах существенно отличается. В странах с незначительной степенью распространения тех или иных форм злоупотреб-

ления полномочиями среди чиновников коррупция не подрывает основы государственности, не нарушает нормальное функционирование и развитие общества и, следовательно, не представляет серьезной опасности для развития государства. В других же странах, где коррупция простирается на все сферы общественных отношений, признается абсолютно нормальным явлением и даже нормой, она приводит к уменьшению эффективности деятельности государственных органов, становится острой социальной проблемой, ведущей к поляризации и дезинтеграции общества.

Выясним, что представляет из себя феномен коррупции и каких видов она бывает. Понятие «*corruptio*» в римском праве рассматривалось в общем смысле: «повредить», «сломать», «подкупить», то есть совершить противозаконные действия в судебной практике. Н. Макиавелли в работе «Государь» определил понятие коррупции как использование общественных возможностей в сугубо личных интересах [1, с. 286]. Одно из самых лаконичных современных определений коррупции дал Дж. Сентурия: злоупотребление должностными полномочиями, общественной властью ради частной выгоды [2].

Большинство из существующих определений коррупции концентрируются на трех категориях: бюрократическом аппарате, рынке и общественном интересе. К первой категории обращается Дж.С. Наем: коррупция представляет собой поведение, отклоняющееся от официально установленных норм предписанных для государственного служащего, которое вызвано желанием материального обогащения или получением статусных преимуществ для семьи или узкой группы заинтересованных лиц, ломающее ограничения на вмешательство, основанное на личных побуждениях в осуществлении общественно-политических функций [3, с. 25]. На общественном интересе акцентируют внимание А. Рогоу и Д. Лассвелл, которые пишут, что феномен коррупции нарушает ответственность относительно системы общественного и гражданского порядка и является разрушительным для этих систем [3, с. 26]. Поскольку для данных систем общественный интерес выше частного, нарушение общественного интереса для извлечения личной выгоды и преимуществ представляет собой акт коррупции.

В научной литературе приводятся различные определения коррупции. Рассмотрим юридически закрепленные дефиниции данного явления. Так, в документе ООН по международной борьбе против коррупции она определена как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных интересах» [4]. Данное понятие включает в себя взяточничество (дача вознаграждения с целью достижения необходимого результата, через совращение чиновника с позиции долга), nepotизм (замещение под патронажем выгодных и доходных мест родственниками или «знакомыми») и незаконное присвоение публичных средств для личного использования. Рабочее определение междисциплинарной группы по коррупции Совета Европы является более широким: коррупция представляет собой взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено исполнение определенных обязательств в государственном или частном секторе, и которое приводит к нарушению обязанностей, возложенных на них статусом государственного чиновника, частного сотрудни-

ка, независимого агента, или другие отношения, которые имеют целью получение любой незаконной выгоды для себя и других лиц.

В законодательстве Российской Федерации понятие коррупции регламентировано в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», которая устанавливает, что коррупция – «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [5].

На протяжении исторического развития российской государственности коррупция различалась как «мздоимство» (получение неправомερных преимуществ за выполнение законных действий) и «лихоимство» (получение неправомερных преимуществ за выполнение противозаконных действий). В настоящее время существует большое разнообразие классификаций коррупции. В зависимости от лица, злоупотребляющего должностным положением, выделяют государственную коррупцию (коррупция государственных чиновников), коммерческую (коррупция менеджеров фирм), политическую (коррупция политических акторов). В зависимости от того, кто выступает субъектом коррупционных действий, выделяют индивидуальную взятку (от гражданина), предпринимательскую взятку (от организации, фирмы), преступный подкуп (от криминальных бизнесменов). На основании централизации и децентрализации отношений коррупции выделяют децентрализованную коррупцию (каждый взяточник действует по собственной инициативе), централизованную коррупцию «снизу вверх» (взятки, регулярно собираемые низовыми чиновниками, делятся между ними и передаются вышестоящим), централизованную коррупцию «сверху вниз» (взятки, регулярно собираемые высокопоставленными должностными лицами, частично передаются их подчиненным). Можно также выделить, в зависимости от уровня локализации коррупционных действий, низовую коррупцию (в низшем и на средних эшелонах власти), верхушечную коррупцию (высокопоставленных должностных лиц и политических акторов), международную коррупцию (в сфере мирохозяйственных отношений), а исходя из степени регулярности коррупционных действий – эпизодическую коррупцию, систематическую (институциональная коррупция), клептократию (коррупция как неотъемлемый атрибут властных отношений).

А. Хайденхаймер в своих трудах подразделял коррупцию на белую, серую и черную. Белая коррупция представляет собой деятельность, относительно которой в общественном мнении есть согласие: данные действия не рассматривают как предосудительные, они являются частью культуры и не воспринимаются как проблема. Черная коррупция – это действия, вызывающие осуждение всеми социальными слоями. Серой коррупцией А. Хайденхаймер называет практики, относительно которых не существует согласия в общественном мнении, они вызывают скандалы [6, с. 362–363]. Исходя из изложенного, можно зак-

лючить, что коррупция классифицируется по различным основаниям, и это свидетельствует о ее сложности, многогранности, а также глубоком проникновении в структуру общества и государства.

В настоящее время Российская Федерация относится к странам, в которых коррупция получила крупномасштабное распространение. Так, по данным международной неправительственной организации «Transparency International», которая осуществляет сравнительные исследования коррупции и представляет информацию о ее общем уровне в различных странах в виде *индекса восприятия коррупции* (ИВК), Российская Федерация в последние годы стабильно занимает низкие места в мировом рейтинге: 2000 г. – 82-е из 99; 2004 г. – 90-е из 145; 2008 г. – 147-е из 180; 2009 г. – 146-е из 180; 2011 г. – 143-е из 182; 2012 г. – 133-е из 176; 2013 г. – 127-е из 175; в 2014 г. – 136-е место, поделив его с Нигерией, Ливаном, Киргизией, Ираном и Камеруном [7]. Судя по этим показателям, за последние 14 лет ситуация с коррупцией в России радикально не изменилась, несмотря на применяемые государством меры по борьбе с ней, которые остаются малоэффективными и не обеспечивают интенсивное, поступательное развитие российского общества и государства.

Активная борьба с коррупцией в современной России началась с 2008 г., когда был принят Национальный план противодействия коррупции, утвержденный Президентом РФ 31 июля 2008 г. (№ Пр-1568), в соответствии с которым в России была создана законодательная база противодействия коррупции, приняты соответствующие организационные меры по предупреждению коррупции и активизирована деятельность правоохранительных органов по борьбе с ней. Так, 19 мая 2008 г. вышел Указ Президента РФ № 815 «О мерах по противодействию коррупции», а 19 декабря 2008 г. Государственной Думой ФС РФ принят Федеральный закон «О противодействии коррупции». Данный Закон установил основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений. В Законе определяются такие важнейшие понятия, как коррупция и противодействие коррупции, то есть «деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); по минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений» [5]. Позже, 3 июля 2009 г., Государственной Думой был принят Федеральный закон № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», установивший правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы, определивший основные принципы и субъектов антикоррупционной экспертизы, понятие коррупциогенных факторов [8].

В 2010 г. вышел Указ Президента РФ от 13 апреля № 460 «О Национальной

стратегии противодействия коррупции и национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы», в котором утверждена цель стратегии – искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе, установлены основные принципы, механизмы и направления реализации Национальной стратегии противодействия коррупции [9]. Таким образом, с 2008 г. началось создание полноценной законодательной базы по противодействию коррупции, на протяжении всего периода до 2014 г. принималось значительное количество нормативно-правовых актов, связанных с противодействием коррупции, но коренного изменения ситуации так и не произошло. Стратегическая значимость борьбы с коррупцией для российского общества усиливается тем, что исторически Российская Федерация переживает переходный период, характеризующийся политической нестабильностью, отсталостью и несовершенством законодательства, неэффективной деятельностью органов государственной власти, слабостью институтов гражданского общества, неразвитой политической культурой и правовым нигилизмом граждан, отсутствием сильных демократических традиций. В данных условиях сложно разработать и реализовать совокупность эффективных механизмов, способствующих реальному уменьшению уровня коррупции в государственных структурах, обеспечивающему передовое развитие российского общества и его интеграцию на практике.

Борьба с коррупцией является ключевой задачей для российского общества, не терпящей отлагательств, так как данное явление несет в себе совокупность негативных социальных последствий. Например, в результате коррупционных действий отсекаются огромные денежные средства от целей общественно-государственного развития, что обостряет бюджетный кризис, снижает способность власти решать социальные проблемы и, как итог, обостряет социальную напряженность в обществе и недовольство сложившейся ситуацией. Увеличивается имущественное неравенство, растет бедность и социальная незащищенность большей части населения, коррупция устанавливает несправедливое «перераспределение» материальных средств в пользу узких социальных групп за счет наиболее уязвимых слоев населения, «олигархи» становятся еще богаче, а положение необеспеченных слоев населения становится еще хуже, что ведет к увеличению числа маргиналов и усилению дезинтеграции общества.

В результате коррупционных действий в государственных структурах происходит дискредитация закона как основного инструмента регулирования жизни государства и общества, в общественном мнении формируется представление о незащищенности граждан не только в материальной, социальной сфере, но и перед преступностью, что приводит к усилению социальной напряженности и недоверия к власти. Замещение высоких статусных позиций, должностей через nepотизм (по протекции) приводит к дальнейшей поляризации общества, сильно влияет на процесс социальной мобильности в обществе и на доступ к высоким статусным позициям со стороны малообеспеченных слоев населения, что способствует дальнейшей дезинтеграции общества [10].

Таким образом, коррупция является одной из ключевых проблем, замедляющих развитие российского общества, и требует более детального изучения ее социальной составляющей и последствий. Именно социальная среда служит

источником воспроизводства коррупции, так как члены общества усваивают коррупцию как девиантное поведение, которое в дальнейшем становится для них нормой. Коррупция оказывает дезинтегрирующее воздействие на общество, негативно влияет на процессы социальной мобильности, приводит к увеличению числа маргиналов в обществе, а также влияет на отношение населения к властным структурам. Если коррупция не испытывает должного противодействия со стороны государства и общества, то она наращивает свою силу и становится самостоятельным социальным и политическим фактором, который оказывает системный негативный эффект не только на общество, но и на государство. Несмотря на то что активная борьба с коррупцией развернута с 2008 г. в Российской Федерации, проблема коррупции так и не решена, хотя была создана полноценная нормативно-правовая база для противодействия ей. Такое положение дел свидетельствует о сложности данного социального явления и его закоренелости в обществе. Для того чтобы эффективно противодействовать коррупции, мало создать правовую базу для борьбы с ней, необходимо осуществлять комплексное воздействие на общество, включая правовые ограничения для должностных лиц, санкции за коррупционную деятельность, а также работу по воспитанию в общественном мнении нетерпимости к коррупции, что позволит уменьшить спрос и предложение на коррупционные действия.

Библиографический список

1. *Макиавелли Н.* Государь: сочинения. М., 2001.
2. *Быстрова А.С., Сильвестрос М.В.* Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, вып. 1. URL: <http://www.old.jourssa.ru/2000/1/07bistrova.html>
3. *Попов В.Г., Умников В.Н.* Коррупция: основные угрозы и меры противодействия. М., 2012.
4. Справочный документ о международной борьбе с коррупцией, подготовленный Секретариатом ООН. A/CONF. 169/14. 1995. 13 Apr. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. 2008. 30 дек.
6. *Heidenheimer A., Johnston M., Levine V.* (dir. publ.). Political Corruption: a handbook. New Brunswick: Transaction Publishers, 1989.
7. Индекс восприятия коррупции 2014 г. [от 3 дек. 2014 г.] // Transparency International. URL: <http://transparency.org.ru/index-vospriiatiia-korruptcii/index-vospriiatiia-korruptcii-2014-otcenka-rossii-upala-na-odin-ball>
8. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Рос. газ. 2009. 22 июля.
9. О Национальной стратегии противодействия коррупции и национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы: Указ Президента РФ от 13 апр. 2010 г. № 460 // Официальный сайт Президента России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/565.
10. *Понеделков А.В., Воронцов С.А.* Основные направления государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балашов Андрей Николаевич – аспирант кафедры политологии, государственного и муниципального управления, преподаватель кафедры математики и информатики Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: andrew3333@yandex.ru

Воробьева Динара Сергеевна – аспирант кафедры конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: umnichka-5@mail.ru

Гасилин Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: gasilin2005@yandex.ru

Герасимова Валентина Владимировна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и таможенного дела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafeconomics@pags.ru

Голобородько Андрей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по учебной и воспитательной работе Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета
e-mail: goloborodko2009@mail.ru

Демченко Полина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения
e-mail: polina-alex@mail.ru

Ерёмин Александр Андреевич – аспирант кафедры экономики и таможенного дела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: predatoral@mail.ru

Ершов Вячеслав Вячеславович – адъюнкт кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института Внутренних войск МВД России
e-mail: strelok-6622@yandex.ru

Иващенко Галина Михайловна – кандидат социологических наук, и.о. старшего научного сотрудника Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук (ИСЭИ УНЦ РАН)
e-mail: ivglm@rambler.ru

Игнатенко Инна Михайловна – аспирант кафедры государственной политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: inna.ignatenko1@yandex.ru

Козлов Вадим Олегович – аспирант кафедры Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: bad-k91@mail.ru

Макеев Фёдор Анатольевич – аспирант кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: fmakeev@bk.ru

Максименко Сергей Евгеньевич – аспирант кафедры общей экономической теории Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
e-mail: maximenko2011@mail.ru

Манохина Надежда Васильевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой институциональной экономики и экономической безопасности Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
e-mail: manohina@ssea.runnet.ru

Мансуров Айрат Мансурович – аспирант кафедры экономики и таможенного дела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: meon_nauka@mail.ru

Меркулов Павел Александрович – кандидат философских наук, доцент, директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: director@orel.ranepa.ru

Минаев Андрей Михайлович – аспирант кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии
e-mail: amminayev@mail.ru

Пиреев Артур Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарно-педагогических наук Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова
e-mail: arturpireevi@yandex.ru

Степанов Аркадий Спартакович – аспирант кафедры маркетинга, внешнеторговой деятельности и учета на предприятиях Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: spart_2003@yandex.ru

Суркова Ирина Юрьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: irina_surkova@mail.ru

Тарский Юрий Иванович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: London1946@bk.ru

Тюльпаков Михаил Викторович – аспирант кафедры стран постсоветского зарубежья Российского государственного гуманитарного университета
e-mail: tyulpakov@mail.ru

Усова Мария Викторовна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: mashyliapags@mail.ru

Фёдоров Петр Михайлович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: 263816@mail.ru

Фролова Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Хвостанцев Станислав Валерьевич – старший преподаватель кафедры управления повседневной деятельности, адъюнкт кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института Внутренних войск МВД России
e-mail: kkomstas@mail.ru

Чилипёнок Юлия Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород
e-mail: YuChil@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey Nikolaevich Balashov – post-graduate student of the Politics and Public Administration Chair, lecturer of the Mathematics and Computer Science Chair, Oryol branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: andrew3333@yandex.ru

Dinara Sergeevna Vorobyova – post-graduate student of the Constitutional and International Law Chair, Saratov State Academy of Law

e-mail: umnichka-5@mail.ru

Vladimir Nikolaevich Gasilin – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: gasilin2005@yandex.ru

Valentina Vladimirovna Gerasimova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Economics and Customs Business Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kafeconomics@pags.ru

Andrey Yurievich Goloborodko – Candidate of Sciences (Philology), Docent, Deputy Director for Academic and Educational Work, Tchekhov Taganrog Institute (branch) of the *Rostov State University of Economics*

e-mail: goloborodko2009@mail.ru

Polina Nikolaevna Demchenko – Candidate of Sciences (Philology), Docent of the Foreign Languages Chair, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television

e-mail: polina-alex@mail.ru

Aleksandr Andreevich Yerevin – post-graduate student of the Economics and Customs Business Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: predatoral@mail.ru

Vyacheslav Vyacheslavovich Yershov – post-graduate student of the Humanities and Social Sciences Chair, Saratov Military Institute of the Ministry of Interior of Russia

e-mail: strelok-6622@yandex.ru

Galina Mikhailovna Ivashchenko – Candidate of Sciences (Sociology), Acting Senior Researcher of the Institute for Social and Economic Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
e-mail: ivglm@rambler.ru

Inna Mikhailovna Ignatenko – post-graduate student of the State Policy Chair, Lomonosov Moscow State University
e-mail: inna.ignatenko1@yandex.ru

Vadim Olegovich Kozlov – post-graduate student of the Modern and Contemporary History of European and American Countries Chair, Lomonosov Moscow State University
e-mail: bad-k91@mail.ru

Fedor Anatolievich Makeev – post-graduate student of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: fmakeev@bk.ru

Sergey Evgenievich Maksimenko – post-graduate student of the General Economic Theory Chair, Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
e-mail: maximenko2011@mail.ru

Nadezhda Vasilievna Manokhina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Institutional Economy and Economic Security Chair, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics
e-mail: manokhina@ssea.runnet.ru

Airat Mansurovich Mansurov – post-graduate student of the Economics and Customs Business Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: meon_nauka@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Merkulov – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent, Director of the Oryol branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: director@orel.ranepa.ru

Andrey Mikhailovich Minaev – post-graduate student of the Arbitration Process Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: amminayev@mail.ru

Arthur Ivanovich Pireev – Candidate of Sciences (History), Docent of the Social Legal and Humanitarian Pedagogical Sciences Chair, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
e-mail: arturpireevi@yandex.ru

Arkady Spartakovich Stepanov – post-graduate student of the Marketing, Foreign Trade and Accounting Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: spart_2003@yandex.ru

Irina Yurievna Surkova – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: irina_surkova@mail.ru

Yuri Ivanovich Tarsky – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: London1946@bk.ru

Mikhail Viktorovich Tyulpakov – post-graduate student of the Post-Soviet Countries Chair, the Russian State University of Humanities

e-mail: tyulpakov@mail.ru

Maria Viktorovna Usova – post-graduate student of the Theoretical and Social Philosophy Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: mashyliapags@mail.ru

Petr Mikhailovich Fedorov – Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: 263816@mail.ru

Svetlana Mikhaylovna Frolova – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Stanislav Valerievich Khvostantsev – senior lecturer of the Daily Activities Management Chair, post-graduate student of the Humanities and Social Sciences Chair, Saratov Military Institute for the Internal Troops of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: kkomstas@mail.ru

Yulia Yurievna Chilipenok – Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the General and Strategic Management Chair, Higher School of Economics BRANCH in Nizhny Novgorod

e-mail: YuChil@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Герасимова В.В., Манохина Н.В.

Институциональные ловушки современного общественного развития,
обусловленные коррупционными взаимосвязями 4

Иващенко Г.М.

Социально-управленческая природа актуального стратегического планирования
в Российской Федерации и в Республике Башкортостан 11

Меркулов П.А., Балашов А.Н.

Интернет-сообщества политических партий:
сравнительный анализ российских и зарубежных практик 18

Ерёмин А.А.

Объективные предпосылки взаимодействия государственной
и публичной власти в целях реализации интересов общества 26

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

31

Голобородько А.Ю.

Основы государственной культурной политики как семиотический код
в смысловом пространстве современного политического дискурса 31

Фёдоров П.М.

Доверие населения Украины европейским политическим институтам 37

Тюльпаков М.В.

Энергетическое сотрудничество Туркменистана
и Китайской Народной Республики:
современное состояние и перспективы развития 43

Козлов В.О.

Истоки антимонопольного законодательства североамериканского типа 48

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

54

Игнатенко И.М.

Современный этап перераспределения полномочий
между федеральным центром и регионами России 54

Воробьева Д.С.

Конституционно-правовые вопросы гражданства детей
в Российской Федерации и зарубежных странах 61

Минаев А.М.

Право на судебную защиту
как элемент процессуальных правоотношений 66

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
72**

Суркова И.Ю., Тарский Ю.И.

Парадоксы модернизации системы высшего образования
по европейскому образцу 72

Чилипенко Ю.Ю.

Три поколения российских работников:
исследование трудового опыта 79

Хвостанцев С.В.

Социальная адаптация семьи
в условиях современного этапа социальных реформ 86

Ершов В.В.

Культурный капитал солдат и сержантов,
проходящих военную службу по контракту 92

Пиреев А.И.

Крестьянская община
в контексте Столыпинской аграрной реформы 99

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА:
ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ
105**

Гасилин В.Н.

Мифологическая концепция Дмитрия Мережковского 105

Фролова С.М.

Сновидения как отражение
событийности повседневного бытия 112

Демченко П.Н.

Философско-методологические подходы
к пониманию праздника как феномена бытия 117

Усова М.В.

Методологические основания
сетевой конфигурации концептов современного общества 122

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
129**

Максименко С.Е.

Взаимосвязь динамики расходов общественного сектора
и темпов роста российской экономики 129

Мансуров А.М.

Коммуникативные инструменты развития предприятия
в системе частно-государственного партнерства 135

Степанов А.С.

Методика и критерии оценки эффективности
управления хозяйственной деятельностью
производственной организации 141

Макеев Ф.А.

Коррупция как фактор дезинтеграции
русского общества 148

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

154

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Gerasimova V.V., Manokhina N.V.

- Institutional Traps of Social Development at the Present Stage,
Due to Corrupt Relationships 4

Ivashchenko G.M.

- Social and Managerial Nature of the Topical Strategic Planning
in the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan 11

Merkulov P.A., Balashov A.N.

- Online Community of Political Parties:
Comparative Analysis of Russian and Foreign Practices 18

Yeremin A.A.

- Objective Prerequisites of Interaction of State
and Public Authorities in Order to Promote the Society's Interests 26

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

31

Goloborodko A.Yu.

- "The Fundamentals of the State Cultural Policy" as the Semiotical Code
in the Semantic Space of the Modern Political Discourse 31

Fedorov P.M.

- Trust of the Population of Ukraine for the European Political Institutions 37

Tyulpakov M.V.

- Energy Cooperation between Turkmenistan
and China: Present Condition and Development Prospects 43

Kozlov V.O.

- The Origins of the "North American Type"
of Antimonopoly Legislation 48

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

54

Ignatenko I.M.

- Modern Stage of Redistribution
of Powers between Federal Center and Regions of Russia 54

Vorobyova D.S.

- Constitutional and Legal Issues of Children's Citizenship
in the Russian Federation and Foreign Countries 61

Minaev A.M.

- The Right to Judicial Protection as an Element of Procedural Legal Relationships ... 66

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

72

Surkova I.Yu., Tarsky Yu.I.

- Paradoxes of the Higher Education System Modernization
on the European Model 72

Chilipenok Yu.Yu.

- Three Generations of Russian Workers: Labor Practices Study 79

Khvostantsev S.V.

- Family Social Adaptation in Conditions of the Modern Social Reforms 86

Yershov V.V.

- Cultural Capital of Soldiers and Sergeants Serving under Contract 92

Pireev A.I.

- Peasant Community in the Context of Stolypin Agrarian Reform 99

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

105

Gasilin V.N.

- The Mithological Conception by Dmitry Merezhkovsky 105

Frolova S.M.

- Dreams as a Reflection of Eventness of Daily Being 112

Demchenko P.N.

- Philosophical and Methodological Approaches
to the Understanding of Holiday as a Phenomenon of Existence 117

Usova M.V.

- The Methodological Bases of the Network Configuration
of Concepts in the Modern Society 122

**PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA:
YOUNG SCIENTISTS' VIEW**

129

Maksimenko S.E.

- The Relationship of Public Sector Dynamics
of Expenditure and Russian Economy Growth 129

Mansurov A.M.

- Communicative Instruments of Enterprise Development
in the System of Public-Private Partnership 135

Stepanov A.S.

- Methodology and Criteria for Evaluating Management
Effectiveness Economic Activities of Industrial Organization 141

Makeev F.A.

- Corruption as a Factor of Disintegration of Russian Society 148

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

157

164 2015 ● № 3 (48)

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОГО ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ**

Научный журнал

№ 3 (48)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2015 г., п. № 919

Подписано к печати 15.05.2015 г. Формат 70х100 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 13,54. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500. Заказ 555.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник Поволжского института управления»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами института или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжского института управления»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 65 35 77

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>